

ПРЕЦЕДЕНТЫ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В НОМЕРЕ:

Лекич против Словении 2
[Lekić v. Slovenia] (жалоба № 36480/07)

По делу обжалуются личная ответственность заявителя, являвшегося миноритарным акционером и бывшим директором компании, за долги предприятия, исключенного из судебного реестра во исполнение специального законодательства о компаниях, не ведущих коммерческую деятельность, а также пропорциональность оспариваемой меры, которая возложила на заявителя чрезмерное бремя.

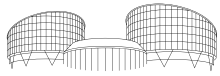
По делу не было допущено нарушения требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Фернандеш де Оливейра против Португалии 35
[Fernandes de Oliveira v. Portugal] (жалоба № 78103/14)

По делу обжалуются халатность сотрудников психиатрической больницы, повлекшая за собой смерть сына заявительницы, который добровольно согласился пройти лечение в данной больнице после попытки самоубийства, а также длительность производства по гражданскому иску заявительницы по ее жалобе в отношении больницы.

По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее процессуально-правовом аспекте.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Научное электронное
периодическое издание

Прецеденты Европейского Суда
по правам человека.
Специальный выпуск
№ 2 (26) 2019

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС77-58098 от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Главный редактор
Е.А. Поворова

Дата подписания
к использованию
29.07.2019 г.

Перевод текстов
И.В. Артамонова,
А.С. Новикова

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Суцеская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 350-0015
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

Минимальные системные
требования
Windows 2000/XP;
процессор с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ; 20 Мб свободного
места на жестком диске

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использование
в коммерческих и некоммерческих
целях возможны только
с письменного разрешения
редакции. Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов статей и аналитических
материалов.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2019
© ООО «Развитие
правовых систем», 2019

В оформлении дизайна издания
используется символика Совета
Европы и Европейского Суда
по правам человека

© Совет Европы / Архитектура:
Партнерство Ричарда Роджерса
(Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам
человека)

Уважаемые читатели!

Во втором выпуске настоящего издания редакция предлагает вашему вниманию постановления, в которых Европейский Суд рассматривал применение основных конвенционных статей, касающихся охраны жизни человека и его собственности.

В Европейский Суд по правам человека обращаются акционеры, чьи права были нарушены в связи с банкротством и (или) ликвидацией организации. В имущественных спорах, связанных с ликвидационными мерами в отношении юридических лиц, Суд подчеркивает, что не должно быть приоритета защиты частных прав над публичными интересами, и права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности, не должны умаляться. В Постановлении Большой Палаты «Лекич против Словении» мы обращаем внимание на толкование Европейским Судом термина «имущество», к которому также относится и акционерное участие в виде реализации голосующего права и права влиять на поведение компании в период между прекращением деятельности компании и ее исключением из реестра.

Второе дело, публикуемое в этом номере – «Фернандеш де Оливейра против Португалии» – связано с нахождением психически больных лиц в медицинских организациях. Подобные вопросы особо чувствительны для общественного мнения, поскольку затрагивают острые социальные аспекты помещения таких лиц на лечение и оказания им надлежащего ухода. Особенно остро данная тема звучит в свете развивающейся в последние годы в Европе тенденции обеспечивать лицам с психическими расстройствами лечение в режиме «открытых дверей». Но каким бы либеральным ни был режим лечения, всегда необходимо исходить из обязанности государства защищать психически больных пациентов от угроз, которые они могут создавать для самих себя.

*Лекич против Словении [Lekić v. Slovenia] (жалоба № 36480/07)
Постановление от 11 декабря 2018 г.*

Компания, в которой заявитель являлся миноритарным акционером и бывшим управляющим директором, была исключена из судебного реестра компаний после длительного периода несостоятельности и бездействия. В виде негативных для заявителя последствий исключения на него была возложена личная ответственность (солидарная) за долги компании. Европейский Суд установил, что акционерное участие в период между прекращением деятельности компании и ее исключением из реестра может считаться «имуществом» акционера. Суд также подтвердил, что законодательство Словении в части возложения на участников личной ответственности было адекватно доступным и предсказуемым, в связи с чем обжалуемое вмешательство имело достаточную правовую основу.

*Фернандеш де Оливейра против Португалии
[Fernandes de Oliveira v. Portugal] (жалоба № 78103/14)
Постановление от 31 января 2019 г.*

Дело заявительницы в отношении неэффективных мер медицинских работников, допустивших самоубийство ее психически нездорового сына, рассматривалось судами Португалии в течение 11 лет. Европейский Суд усмотрел нарушение по делу в виде неисполнения позитивных обязательств персонала больницы принимать надлежащие меры в отношении психически больного пациента, склонного к суициду и побегам. Кроме того, Суд установил нарушение процессуального аспекта статьи 2 Конвенции, поскольку разбирательство продолжалось более 11 лет на двух уровнях юрисдикции. Таким образом, Суд единогласно установил, что внутригосударственные правовые механизмы в целом не обеспечили на практике эффективную и оперативную реакцию со стороны властей, согласующуюся с процессуальными обязательствами государства.

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Лекич (Lekić) против Словении»¹

(Жалоба № 36480/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 11 декабря 2018 г.

По делу «Лекич против Словении» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Ангелики Нуссбергер,

Линос-Александра Сицилианоса,

Анны Юджовской,

Роберта Спано,

Леди Бианку,

Хелен Келлер,

Пауля Лемменса,

Валериу Грицко,

Фариса Вехабовича,

Ксении Туркович,

Йона Фридрика Кжолбро,

Стефани Муру-Викстрём,

Жоржа Раварани,

Йована Илиевски,

Петера Пачолаи, *судей,*

Боштьяна Залара, *судьи ad hoc,*

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в открытом заседании 14 марта и 19 сентября 2018 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 36480/07, поданной против Республики

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 11 декабря 2018 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*). В текст настоящего Постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Словения в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Словении Любомиром Лекичем (*Ljubomir Lekić*) (далее – заявитель) 4 августа 2007 г.

Интересы заявителя в Европейском Суде представлял адвокат С. Здолшек (*S. Zdolšek*), практикующий в г. Любляне, Словения, а затем адвокат А. Саккучи (*A. Saccucci*), практикующий в г. Риме, Италия. Власти Словении были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде Б. Йовин Храстник (*B. Jovin Hrastnik*), государственным прокурором.

2. Заявитель жаловался на исключение из реестра компании с ограниченной ответственностью, в которой он являлся миноритарным акционером, а также на то, что на него была возложена личная ответственность по долгам указанной компании.

3. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Марко Бошняк, судья, избранный от Словении, не мог принимать участие в заседании (правило 28 Регламента Европейского Суда). В связи с этим Председатель Четвертой Секции Суда назначил вместо него Боштьяна Залара, судью *ad hoc* (пункт 4 статьи 26 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Европейского Суда). 14 февраля 2017 г. Палата Четвертой Секции Европейского Суда единогласно объявила жалобу заявителя в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части – неприемлемой и пришла к выводу об отсутствии нарушения указанной статьи. Палата Четвертой Секции Европейского Суда заседала в следующем составе: Андраша Шайо, Председателя, Винсента А. де Гаэтано, Ноны Цоцория, Пауло Пинто де Альбукерке, Юлии Моток, Габриэле Кучко-Штадлмейера и Боштьяна Залара, судей, а также при участии Мариалены Цирли, Секретаря Секции Суда. По ходатайству заявителя 18 сентября 2017 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда приняла решение о передаче дела на рассмотрение Большой Палатой Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции.

4. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. 18 декабря 2017 г. Большая Палата Европейского Суда отклонила возращение заявителя относительно участия судьи Боштьяна Залара в рассмотрении ею дела.

5. Стороны представили дополнительные письменные замечания (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, были получены комментарии от третьих сторон, Мальтийского института управления (*Malta Institute of Management*) и организации «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» (*Civil Initiative of Forcefully Erased Companies*), которым Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил принять участие в разбирательстве дела (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда).

6. Открытое слушание по делу состоялось 14 марта 2018 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге.

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Словении:

Б. Йовин Храстник,

Н. Пинтар Госенка (*N. Pintar Gosenca*), Уполномоченные при Европейском Суде;

(b) со стороны заявителя:

А. Саккучи,

Дж. Борнья (*G. Borgna*),

М. Замбони (*M. Zamboni*), консультанты,

Д. Лекич (*D. Lekić*), советник.

Европейский Суд заслушал выступления А. Саккучи, Дж. Борнья, М. Замбони и Б. Йовин Храстник, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1956 году и проживает в г. Любляне.

8. 8 октября 1992 г. заявитель вошел в состав компании L.E. (далее также – L.E.), которая на тот момент являлась публичной компанией с ограниченной ответственностью, действующей в соответствии с законодательством Словении. Акционерный капитал L.E. составлял 2995 250 словенских толаров (SIT)¹, при этом взнос заявителя в уставный капитал составил 332 805,55 SIT² (то есть 11,11% от акционерного капитала компа-

нии). Всего в составе компании L.E. было девять акционеров.

9. 2 февраля 1993 г. заявитель был принят на работу в компанию L.E. в качестве руководителя отдела информационных технологий. Кроме того, он оказывал содействие финансовому директору (в части бухгалтерского сопровождения).

10. 19 февраля 1993 г. J.Za. и M.D., два ключевых акционера и директора компании L.E., погибли в автомобильной катастрофе. J.Za., однако, остался зарегистрирован в качестве акционера компании L.E. Акции M.D. приобрел D.D. Два других акционера, J.Zu. и D.P., получили серьезные травмы, но также остались зарегистрированы в качестве акционеров L.E. После указанных событий, 29 апреля 1993 г., заявитель вступил в должность исполняющего обязанности директора компании L.E., а 23 февраля 1995 г. – в должность генерального директора. В этом качестве он выступал как представитель компании.

11. В 1993 году компания «Словенские железные дороги» (*Slovenian Railways*), созданная на основании специального законодательства, подала гражданский иск против компании L.E., требуя осуществить три платежа, связанных с коммерческими операциями между ними, на общую сумму около 5 000 000 SIT. Заявитель представлял интересы компании L.E. на всех слушаниях, проводимых по этому делу, за исключением последнего слушания 22 ноября 2000 г.

12. 9 августа 1995 г. M.K., еще один акционер компании L.E., умер, но, тем не менее, он остался зарегистрирован в качестве акционера компании.

13. В ноябре 1995 года деятельность компании L.E. была приведена в соответствие с требованиями Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. ниже § 35), и одновременно она была преобразована из публичной компании с ограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью (см. ниже § 33). К этому времени компания L.E. была уже неликвидной и неплатежеспособной.

14. 6 мая 1996 г. общее собрание компании L.E. освободило заявителя от исполнения обязанности генерального директора. Поскольку акционеры не смогли назначить нового директора согласно требованиям законодательства (см. ниже § 37), освобождение заявителя от должности не было зафиксировано в судебном реестре, и он по-прежнему был зарегистрирован в качестве генерального директора компании L.E.

15. 19 июня 1997 г. по инициативе заявителя общее собрание компании L.E. решило начать процедуру ликвидации. 23 июня 1997 г. заявитель подал ходатайство о ликвидации от имени L.E. с объявлением о том, что компания в течение некоторого времени неплатежеспособна и что ее общая задолженность составляет 22 393 952 SIT. 16 июля

¹ По состоянию на 8 октября 1992 г. это составляло около 32 500 ЭКЮ. Европейская валютная единица (ЭКЮ) использовалась в качестве расчетной единицы Европейского сообщества до ее замены на евро (EUR) 1 января 1999 г. по номинальной стоимости. 11 июля 2006 г. министры финансов Европейского союза приняли решение, позволяющее Словении вступить в зону евро со 1 января 2007 г., и установили курс конвертации для перехода со старой валюты в размере 239,64 словенских толара к одному евро. Согласно указанному фиксированному курсу данная сумма составляет около 12 500 евро.

² Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску выше) это составляет 1 389 евро.

1997 г. компетентный суд обязал компанию L.E. в течение 15 дней внести предоплату для покрытия расходов на публикацию приказа о ликвидации компании в «Официальном вестнике Республики Словения» в размере 150 000 SIT¹. Заявитель утверждал, что некоторые акционеры L.E. отказались внести предоплату и предпочли подождать ликвидации компании по инициативе компетентного суда согласно законодательству, действовавшему в соответствующий период (см. ниже § 40).

16. 31 июля 1997 г. заявитель прекратил трудовые отношения с компанией L.E.

17. 25 сентября 1997 г. другой акционер компании L.E., J.Zu., умер, но, тем не менее, он остался зарегистрирован в качестве акционера.

18. 15 октября 1997 г. ходатайство о ликвидации компании L.E. было отклонено из-за невнесения требуемой предоплаты.

19. Решением от 22 ноября 2000 г. районный суд г. Любляны обязал компанию L.E. выплатить компании «Словенские железные дороги» требуемые суммы плюс проценты (см. выше § 11). Компания L.E. не подавала апелляционную жалобу. Постановление районного суда г. Любляны вступило в законную силу 12 января 2001 г.

20. На основании полученного от компетентного органа уведомления о том, что по банковскому счету компании L.E. в течение 12 месяцев подряд не проводились операции, районный суд г. Любляны, действуя в качестве регистрирующего суда, 19 января 2001 г. возбудил производство об исключении компании из судебного реестра компаний в соответствии с Законом «О финансовой деятельности компаний» 1999 года (далее также – FOCA, см. ниже §§ 41–52).

21. В тот же день решение о возбуждении производства об исключении компании из реестра было внесено в судебный реестр. Это решение было отправлено по зарегистрированному адресу компании L.E., но из-за отсутствия там представителей компании в почтовом ящике компании было оставлено извещение с уведомлением о том, что соответствующая корреспонденция может быть получена в почтовом отделении. 12 февраля 2001 г. решение было возвращено в регистрирующий суд с указанием на то, что адресат не получил его. После этого регистрирующий суд обработал данное решение, опубликовав его на доске объявлений, как предусмотрено законодательством Словении.

22. Каких-либо возражений против решения от 19 января 2001 г. со стороны компании L.E. или ее акционеров представлено не было. Таким образом, 11 мая 2001 г. регистрирующий суд принял решение об исключении компании L.E. из судебного реестра компаний. Решение было опубликовано

в «Официальном вестнике Республики Словения» 30 мая 2001 г.². Регистрирующий суд также попытался вручить решение L.E., отправив его по адресу компании, но, как и предыдущее решение, оно было возвращено в суд 4 июня 2001 г. с указанием на то, что адресат не получил его. Решение вновь было размещено на доске объявлений регистрирующего суда. Компания L.E. или ее акционеры, имевшие право обжаловать решение об исключении из судебного реестра, не обжаловали данное решение, и 17 августа 2001 г. оно вступило в силу.

23. 25 сентября 2001 г. компания L.E. была исключена из судебного реестра и в связи с этим прекратила свое существование. Уведомление об исключении из судебного реестра было опубликовано в «Официальном вестнике Республики Словения» 6 февраля 2002 г.³. На момент исключения из реестра в компании L.E. были зарегистрированы девять акционеров (включая заявителя). Заявитель утверждал, что ему стало известно об исключении компании из судебного реестра 22 декабря 2004 г., когда ему был вручен исполнительный лист (см. ниже § 24).

24. 5 апреля 2002 г. вышеупомянутый кредитор обратился в окружной суд г. Любляны с ходатайством об исполнении судебного решения, указанного в § 19 настоящего Постановления. 5 июня 2002 г. окружной суд г. Любляны выдал исполнительный лист, распорядившись об аресте и продаже всего материального движимого имущества заявителя и шести других акционеров компании L.E. Позднее окружной суд г. Любляны отозвал исполнительный лист в отношении J.Za., M.K. и J.Zu., поскольку они уже скончались (см. выше §§ 10, 12 и 17). По требованию кредитора 30 ноября 2004 г. окружной суд г. Любляны дополнил исполнительный лист, распорядившись о погашении задолженности, указанной в судебном решении, путем непосредственного вычета из заработной платы заявителя и трех акционеров компании L.E. Исполнительный лист был вручен заявителю 22 декабря 2004 г.

25. 29 декабря 2004 г. заявитель направил возражения против исполнительного листа, утверждая, что окружной суд г. Любляны не установил его фактические функции в компании L.E. и не признал его статус пассивного акционера (см. ниже § 51), который освободил бы его от ответственности по долгам компании. Заявитель утверждал, что требование кредитора к компании возникло до того, как он стал ее акционером. Кроме того, заявитель полагал, что бремя доказывания того, что он являлся активным акционером компании, должен нести кредитор. Наконец, заявитель подал

¹ Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет 626 евро.

² «Официальный вестник Республики Словения» (*Official Gazette*). 2001. № 42.

³ «Официальный вестник Республики Словения». 2002. № 10.

ходатайство о приостановлении исполнительного производства.

26. В решении от 12 марта 2005 г. окружной суд г. Любляны установил обязанность заявителя доказать статус пассивного акционера. Однако заявитель не смог доказать, что он не являлся активным акционером компании L.E. Окружной суд г. Любляны признал, что с долей, равной 11,11% в капитале компании, заявитель пользовался правами миноритарного акционера и, кроме того, работал в компании и активно занимался ее управлением с апреля 1993 года. В качестве исполняющего обязанности директора, а позднее генерального директора он был уполномочен действовать от имени компании. Кроме того, даже после ухода с должности генерального директора он всё еще активно участвовал в управлении компанией и подписал ходатайство о ее ликвидации. Наконец, окружной суд г. Любляны счел, что в качестве миноритарного акционера заявитель мог и должен был предложить кандидатуру для назначения нового директора на общем собрании компании, поскольку в соответствии с законодательством Словении у всех компаний должен быть директор. По вышеуказанным причинам возражения заявителя были отклонены. Окружной суд г. Любляны также отклонил ходатайство заявителя о приостановлении исполнительного производства, так как заявитель не доказал, что исполнение судебного решения могло причинить ему непоправимый или серьезный ущерб.

27. 9 февраля 2006 г. Высший суд г. Любляны отклонил апелляционную жалобу заявителя по сути по тем же основаниям, что и суд первой инстанции. Он отметил, *inter alia*, что Конституционный суд Словении установил, что мера по снятию корпоративной вуали¹ в рамках FOCA соответствует принципу отделения активов компании от активов ее акционеров и, следовательно, соответствует Конституции Словении. По мнению Высшего суда г. Любляны, не имело значения, был ли заявитель акционером компании L.E. до или после возникновения требования кредитора. Став акционером компании, он принял на себя ее активы и обязательства. Высший суд г. Любляны также решил, что тот факт, что заявитель не занимал должность директора компании L.E. до момента прекращения ее деятельности, не имел решающего значения. Важное значение имело то, что заявитель принимал активное участие в управлении компанией и что он имел права миноритарного акционера в соответствии со статьей 445 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. ниже § 37). Высший суд г. Любляны отметил, что в отличие от статьи 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности»

1993 года, который требовал от кредиторов компании доказать, что акционер злоупотребил корпоративной формой (см. ниже § 34), FOCA ввел «неопровержимую» презумпцию, согласно которой акционеры исключенной из реестра компании принимают на себя солидарную ответственность по любым невыплаченным долгам компании. В соответствии с решением Конституционного суда Словении акционеры могут быть освобождены от личной ответственности только в том случае, если они докажут, что они являлись «пассивными акционерами» компании (см. ниже §§ 46 и 51). Наконец, Высший суд г. Любляны принял во внимание, что заявитель действительно подал ходатайство о ликвидации от имени компании L.E., но посчитал его не относящимся к делу, поскольку компания L.E. не внесла требуемую предоплату. В этой связи ее ходатайство было отклонено (см. выше §§ 15 и 18).

28. 5 мая 2006 г. заявитель подал две конституционные жалобы. В одной из них он утверждал, что решения, вынесенные в ходе производства по исключению компании L.E. из судебного реестра, были вручены только компании, а не ему лично, в другой он жаловался на результаты исполнительного производства в отношении него.

29. 31 января 2007 г. Конституционный суд Словении отклонил жалобу заявителя относительно производства по исключению компании из судебного реестра. Это решение было вручено заявителю 5 февраля 2007 года. Конституционный суд Словении установил, что заявитель не имел законного интереса в оспаривании данного производства, поскольку компания L.E. уже была исключена из судебного реестра. Следовательно, даже положительный результат по конституционной жалобе не мог улучшить положение заявителя.

30. 9 июля 2007 г. Конституционный суд Словении также отклонил жалобу в отношении исполнительного производства как явно необоснованную. Конституционный суд Словении решил, что нижестоящие суды правильно применили установленные им критерии для проведения различия между активными и пассивными акционерами при конкретных обстоятельствах дела заявителя.

31. В 2010 году судебное решение от 22 ноября 2000 г. было исполнено частично путем непосредственного вычета из заработной платы заявителя. 23 сентября 2011 г. заявитель заключил внесудебное соглашение с кредитором и выплатил ему согласованную сумму. Исполнительное производство в отношении заявителя было прекращено 28 сентября 2011 г. В совокупности заявитель выплатил компании «Словенские железные дороги» 32 795 евро. Остается неясным, какие суммы выплатили компании «Словенские железные дороги» другие акционеры компании L.E.

¹ Принцип, согласно которому акционеры могут быть привлечены к ответственности по обязательствам компании (*примеч. переводчика*).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СЛОВЕНИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ЗАКОН «О КОМПАНИЯХ» 1988 ГОДА¹

32. Закон «О компаниях» 1988 года вступил в силу в бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославия, в состав которой в соответствующий период входила Словения, 1 января 1989 г. Данный закон представлял собой нормативно-правовую базу для владения компаниями: частные компании могли быть учреждены широким кругом инвесторов и иметь относительно низкий акционерный капитал. Указанный закон оставался в силе даже после получения Словенией независимости в 1991 году и был отменен только Законом «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. ниже § 33).

В. ЗАКОН «О СУБЪЕКТАХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» 1993 ГОДА²

33. Власти Словении приняли Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» после обретения страной независимости. Этот закон действовал с 10 июля 1993 г. по 4 мая 2006 г. Он предусматривал создание двух основных видов компаний, акционеры которых, как правило, не несли ответственности перед кредиторами по обязательствам компаний: публичные компании с ограниченной ответственностью (*delniška družba*, зарегистрированные на фондовой бирже) и компании с ограниченной ответственностью (*družba z omejeno odgovornostjo*, не зарегистрированные на фондовой бирже). Акционерный капитал должен был составлять не менее 6 000 000 SIT для публичных компаний с ограниченной ответственностью и 2 100 000 SIT для компаний с ограниченной ответственностью (согласно статьям 172 и 410 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» соответственно)³. Поскольку компания, рассматриваемая в настоящем деле, была реорганизована из публичной компании с ограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью

в 1995 году (см. выше § 13), далее изложены только те правовые нормы, которые применимы к последнему виду компаний.

34. Как отмечалось выше, акционеры компаний с ограниченной ответственностью, как правило, не несли ответственность перед кредиторами по обязательствам компаний (статья 407 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности»). Снятие корпоративной вуали разрешалось только в тех случаях, когда акционеры злоупотребили корпоративной формой для достижения цели, которая была запрещена для них как для физических лиц, или злоупотребили корпоративной формой, чтобы причинить ущерб их кредиторам, либо использовали активы компании в нарушение законодательства в своих личных целях либо уменьшили активы компании в свою пользу или в пользу другого лица при условии, что им было известно или должно было быть известно о том, что компания не сможет выполнить свои обязательства перед третьими лицами (статья 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности»). Подобные дела рассматриваются в общих судах.

35. Кроме того, акционеры компании с ограниченной ответственностью несли ответственность по долгам компании, если компетентный суд исключил компанию из судебного реестра по собственной инициативе в связи с тем, что ее деятельность не была приведена в соответствие с новыми правилами в течение около полутора лет с момента вступления в силу Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» (пункт 6 статьи 580 данного закона). 9 октября 2002 г. Конституционный суд Словении частично изменил эту норму, проведя различие между акционерами, которые активно участвовали в деятельности компании, и так называемыми пассивными акционерами. Конституционный суд Словении указал, что только активные бывшие акционеры могут быть привлечены к личной ответственности по долгам компании (см. ниже § 51).

36. В соответствии со статьей 413 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» директор компании должен был обеспечить регистрацию компании в судебном реестре. Статьи 47, 48 и 413 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» предусматривали, что заявление о регистрации в реестре должно было включать, *inter alia*, список акционеров, размеры их взносов и адрес зарегистрированного офиса компании. Кроме того, о любых изменениях сведений, внесенных в судебный реестр, было необходимо уведомлять регистрирующий суд в течение трех дней (в отношении списка акционеров и размеров их взносов) или в течение 15 дней (относительно зарегистрированного офиса компании).

37. Согласно статье 449 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» у компании с ограниченной ответственностью должен был быть как минимум один директор. Некоторые ключевые

¹ Закон «О компаниях» (*Zakon o podjetjih*) опубликован в «Официальном вестнике Социалистической Федеративной Республики Югославия» от 31 декабря 1988 г. № 77/88. Поправки к этому закону опубликованы в «Официальном вестнике Социалистической Федеративной Республики Югославия» №№ 40/89, 46/90 и 61/90.

² Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» (*Zakon o gospodarskih družbah*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 10 июня 1993 г. № 30/93. Консолидированная версия закона опубликована в «Официальном вестнике Республики Словения» от 17 февраля 2005 г. № 15/05.

³ Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет 25 038 и 8 763 евро соответственно.

решения, касающиеся управления и деятельности компании (например, назначение директоров или распределение прибыли), должны были приниматься акционерами компании на общем собрании. Статья 445 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» предусматривала, что акционеры, чьи взносы в капитал составляли не менее одной десятой от общего размера акционерного капитала, могли потребовать созыва общего собрания. При этом они должны были указать вопросы, решения по которым должно было принять общее собрание, и причины созыва собрания. Кроме того, указанные акционеры также могли потребовать включения конкретного вопроса в повестку дня уже созванного общего собрания. В соответствии со статьей 446 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» директор компании должен был информировать акционеров о состоянии дел компании по их просьбе и предоставлять им доступ к документам и архиву компании.

38. Прекращение деятельности компаний регулировалось статьями 371–398 и 455–456 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности». Во-первых, компания могла принять специальную резолюцию о ликвидации. В этом случае требовалось большинство голосов, представляющих не менее трех четвертей акционерного капитала. Во-вторых, компания могла быть ликвидирована по решению суда, *inter alia*, при уменьшении ее акционерного капитала ниже установленного законом уровня или при ее неспособности оплатить свои долги. В-третьих, любой акционер, доля участия которого составляла не менее одной десятой от общего акционерного капитала, мог подать иск в компетентный суд с требованием о ликвидации компании, если этот акционер считал, что цели компании не могут быть достигнуты в достаточной степени либо при наличии иных разумных оснований для прекращения деятельности компании. В любом из указанных случаев кредиторы компании имели право уведомить ликвидатора о своих требованиях и добиваться исполнения своих требований за счет активов компании. Наконец, акционеры компании могли прекратить деятельность компании, не ликвидировав ее, потребовав исключения ее из судебного реестра и приложив к их ходатайству нотариально заверенное заявление от имени всех акционеров о том, что все обязательства компании выполнены, любые споры с сотрудниками урегулированы и что акционеры взяли на себя солидарную ответственность за любые непогашенные долги компании. В отличие от изложенной выше процедуры ликвидации кредиторы не имели права на принудительное исполнение своих требований в рамках процедуры исключения из судебного реестра компаний. Вместо этого они могли добиваться исполнения своих требований за счет бывших акционеров исключенной из реестра компании в течение одного года с момента публи-

кации уведомления об исключении из судебного реестра компаний.

39. Согласно пункту 2 статьи 436 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» любой акционер компании мог выйти из состава компании при наличии достаточных для этого оснований.

С. ЗАКОН «О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ, БАНКРОТСТВЕ И ЛИКВИДАЦИИ» 1993 ГОДА¹

40. Закон «О принудительном урегулировании, банкротстве и ликвидации» действовал с 1 января 1994 г. по 1 октября 2008 г. В 1997 году законодательный орган отреагировал на проблему большого количества «спящих» и неплатежеспособных компаний, внося изменения в указанный закон. Поправка от 1 июля 1997 г., внесенная в данный закон, позволила судам по собственной инициативе возбуждать процедуру ликвидации компаний, которые не выплачивали заработную плату в течение трех месяцев подряд, являлись неликвидными в течение 12 месяцев подряд либо счета которых были заблокированы. Неплатежеспособные компании, которые сами инициировали процедуру ликвидации, должны были внести предоплату, покрывающую расходы на публикацию приказа о ликвидации в «Официальном вестнике Республики Словения». Положения о процедуре ликвидации по инициативе суда были отменены другой поправкой к указанному закону, которая вступила в силу 1 июля 1999 г., после того, как было установлено, что такой порядок работы со «спящими» компаниями нецелесообразен ввиду их большого количества (на начало 1999 года было более 6 000 «спящих» компаний) и высокой стоимости возбуждения процедуры ликвидации, которую должно было нести государство (около 900 000 000 SIT² на подготовительную работу в рамках FOCA).

Д. ЗАКОН «О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ» 1999 ГОДА (FOCA)³

41. Закон «О финансовой деятельности компаний» действовал с 23 июля 1999 г. по 15 января

¹ Закон «О принудительном урегулировании, банкротстве и ликвидации» (*Zakon o prisilni poravnavi, stečaju in likvidaciji*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 17 декабря 1993 г. № 67/93. Поправки к этому закону опубликованы в «Официальном вестнике Республики Словения» №№ 39/97 и 52/99.

² Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет около 3 756 000 евро.

³ Закон «О финансовой деятельности компаний» (*Zakon o finančnem poslovanju podjetij*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 8 июля 1999 г. № 54/99. Поправки к этому закону опубликованы в «Официальном вестнике Республики Словения» №№ 110/99 и 31/07.

2008 г. Он ввел новые способы работы со «спящими» компаниями. Законодательный орган отметил, что большое количество частных компаний не могли выполнять свои обязательства, что способствовало плохой финансовой дисциплине при осуществлении корпоративных сделок и создавало риски для кредиторов – юридических лиц. Действительно, из подготовительной работы, связанной с принятием Закона «О финансовой деятельности компаний», следует, что 28 февраля 1999 г. у 6 587 компаний были заблокированы счета на срок более одного года, их долги составили 84 452 000 000 SIT¹, а 6 083 из указанных компаний (92%) не имели в своем штате 30 сотрудников. По этим причинам Закон «О финансовой деятельности компаний» обязал компании вести свою деятельность таким образом, чтобы они при любых обстоятельствах могли своевременно выполнять свои обязательства (статья 5). Кроме того, компании должны были поддерживать достаточный капитал пропорционально объему и виду сделок и деятельности, которую они осуществляли, а также рискам, которым они подвергались (статья 6 Закона «О финансовой деятельности компаний»). В этой связи руководство компании должно было гарантировать, что компания осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством и принципами финансовой деятельности (статья 8 Закона «О финансовой деятельности компаний»), регулярно отслеживает риски, возникающие при осуществлении данной деятельности, и принимает надлежащие меры для хеджирования таких рисков (статья 9 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

42. Если компания становится неликвидной и, следовательно, она не в состоянии своевременно исполнять свои обязательства, руководство компании должно принять необходимые меры для восстановления ликвидности компании и при отсутствии результатов таких мер в течение следующих двух месяцев подать ходатайство о ликвидации (статья 12 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Аналогичным образом, если компания стала неплатежеспособной и ее активов более недостаточно для погашения обязательств, руководство компании обязано подать ходатайство о ее ликвидации не позднее чем в течение двух месяцев (статья 13 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Если руководящие сотрудники не исполняют указанные обязанности, они могут быть привлечены к личной ответственности за любой ущерб, причиненный кредиторам компании в результате неисполнения этого требования. Кроме того, при определенных условиях наблюдательный совет и акционеры компании также могут нести личную ответственность за любой ущерб,

причиненный кредиторам (статьи 19–22 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

43. Компании, которые не выполнили установленные процедуры для восстановления платежеспособности или для прекращения своей деятельности в случае несостоятельности, должны были систематически исключаться из судебного реестра компаний без предварительной процедуры ликвидации. Это позволяло прекращать деятельность компаний без сбора и использования их активов для выплат кредиторам. Процедура исключения из реестра должна была быть инициирована, если, *inter alia*, можно было предположить, что у соответствующей компании не было активов. Считалось, что это так, если компания не осуществляла деятельность по своему зарегистрированному счету в течение 12 месяцев подряд (статья 25 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Организации, осуществляющие платежные операции в интересах компаний, должны были информировать компетентный регистрирующий суд о наличии таких обстоятельств в течение месяца с момента их возникновения (пункт 2 статьи 26 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

44. Регистрирующий суд должен был начать процедуру исключения из судебного реестра по собственной инициативе, установив, что условия для исключения компании из реестра были выполнены. Решение о возбуждении процедуры исключения из реестра должно было быть вручено соответствующей компании и зарегистрировано в судебном реестре (статья 29 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Возражения могли быть поданы в течение двух месяцев самой компанией, ее акционером или кредитором на основании того, что (i) условия для исключения были определены ошибочно или были неполными, (ii) была инициирована иная процедура прекращения деятельности компании, в частности, процедура ликвидации, или (iii) было подано ходатайство о ликвидации от имени компании и была сделана предоплата либо заявитель был освобожден от такого платежа (статья 30 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

45. При отсутствии возражений относительно решения о начале процедуры исключения из реестра или при отклонении таких возражений регистрирующий суд должен вынести решение об исключении компании из судебного реестра. Данное решение должно было быть вручено соответствующей компании и опубликовано в «Официальном вестнике Республики Словения» (статьи 32 и 33 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Указанное решение могло быть обжаловано соответствующей компанией в течение 30 дней после его вручения компании либо акционерами или кредиторами компании в течение 30 дней после его публикации в «Официальном вестнике Республики Словения» (статья 34 Закона

¹ Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет около 352 412 000 евро.

«О финансовой деятельности компаний»). Если решение об исключении компании из реестра не было обжаловано или если подобная жалоба была отклонена, решение вступало в силу, и регистрирующий суд исключал компанию из судебного реестра, и соответствующее уведомление должно было быть опубликовано в «Официальном вестнике Республики Словения» (статья 35 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

46. В целях обеспечения защиты кредиторов, исключенных из судебного реестра компаний, FOCA предусматривал личную ответственность акционеров компаний. В соответствии с пунктом 4 статьи 27 FOCA во взаимосвязи со статьей 394 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года акционеры компании согласились принимать на себя солидарную ответственность за любые непогашенные долги исключенной из реестра компании. Кредиторы компании могли подавать иски против акционеров в течение года после публикации уведомления об исключении компании в «Официальном вестнике Республики Словения».

47. Вследствие широкомасштабных последствий FOCA положения о мерах, которые должны были быть приняты для обеспечения того, чтобы компания обладала достаточным капиталом и была платежеспособной, стали применяться через шесть месяцев после вступления Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» в силу. Положения, регулирующие процедуру исключения из реестра, вступили в силу еще позднее. Таким образом, предположение о том, что компания не имеет активов, начинало действовать только после того, как компания не осуществляла платежи по своему банковскому счету в течение 12 месяцев подряд после вступления в силу Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» (а именно 23 июля 2000 г.).

48. Регулирование, введенное FOCA, было оспорено в Конституционном суде Словении многими бывшими акционерами исключенных из судебного реестра компаний. 9 октября 2002 г. Конституционный суд Словении частично отклонил жалобу (см. Постановление № U-I-135/00), решив, что мера по исключению из судебного реестра «спящих» компаний, которые не вели деятельность и у которых не было активов, соответствовала Конституции Словении. Экономически неактивная компания не осуществляла хозяйственные операции, не приносила доход и не производила платежи. В то же время ее финансовое положение не было известно ее кредиторам, руководствовавшимся презумпцией, согласно которой компания обладала активами хотя бы в минимальном размере. По указанным причинам компании, не ведущие деятельность, создавали угрозу безопасности для корпоративных правовых сделок и положения кредиторов.

49. Истцы также утверждали, что они не могли эффективно защитить свои права в ходе процеду-

ры исключения из судебного реестра, поскольку решения о возбуждении такой процедуры и об исключении из реестра не были вручены им лично. В ответ на указанный довод Конституционный суд Словении постановил, что вручение решений компании в совокупности с публикацией объявлений в судебном реестре или в «Официальном вестнике Республики Словения» могло считаться надлежащим способом уведомления. Конституционный суд Словении отметил, что данная мера была применима к различным формам компаний, часть из которых находилась во владении множества акционеров. Личное вручение решений было бы слишком трудоемким, а в некоторых случаях невозможным.

50. Что касается личной ответственности бывших акционеров, Конституционный суд Словении подтвердил, что в принципе они могут рассчитывать на то, что их ответственность по обязательствам компании не превысит размера их взносов в капитал. При этом компании должны были гарантировать, что они осуществляют деятельность при наличии достаточного капитала, который не находится ниже установленного законом уровня. Компании с недостаточным капиталом были экономически слабее компаний, которые осуществляли свою деятельность в соответствии с законом, что влияло на общую безопасность правовых сделок. Конституционный суд Словении указал следующее:

«...37. С учетом вышеизложенного введение меры по снятию корпоративной вуали действительно позволило обеспечить максимально возможную защиту находящегося под угрозой правового благо, кредиторов и общую безопасность правовых сделок. Положение акционеров компании ухудшилось в силу преобладающего общего интереса (защиты кредиторов). Об ухудшении положения было известно заранее, и его причины находились под полным контролем компаний и/или их акционеров. У них было достаточно времени, чтобы приспособиться к новым требованиям и избежать ухудшения своего правового положения. В связи с этим снятие корпоративной вуали на основании вышеупомянутых причин не является нарушением принципа верховенства права...»

49. ... Действительно, необходимость дополнительной защиты кредиторов еще сильнее проявляется ввиду положений [FOCA], который не предусматривает каких-либо процедур для обеспечения выплат кредиторам в случае прекращения деятельности компаний и в случае потенциальной чрезмерной задолженности компаний, а также каких-либо процедур как минимум для обеспечения обычной ответственности компаний с ограниченной ответственностью (а именно, чтобы требования возмещались из активов компаний и чтобы обеспечивалось равенство кредиторов компаний)...».

51. Вместе с тем Конституционный суд Словении признал разнообразие правовых и фактических ситуаций акционеров, исключенных из судебного реестра компаний, и установил различие между «активными акционерами», которые могли

повлиять на деятельность компании, и «пассивными акционерами», которые не оказывали такого влияния. Конституционный суд Словении поддержал Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» в той мере, в какой он применялся к первой категории акционеров, но отменил его в отношении пассивных акционеров. Согласно указанному Постановлению Конституционного суда Словении суды, принимающие решение о личной ответственности бывших акционеров, должны были прежде всего установить, оказал ли отдельный акционер какое-либо влияние на деятельность рассматриваемой компании. Суды Словении должны были проводить свою оценку на основе ряда критериев, в частности, вида компании (публичная компания с ограниченной ответственностью или компания с ограниченной ответственностью), статуса акционера (физическое или юридическое лицо) и внутренних отношений между акционерами. Кроме того, суды, рассматривая вопрос о личной ответственности, могли принимать во внимание общие критерии в отношении снятия корпоративной вуали, изложенные в Законе «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. выше § 34). Что касается различия между публичной компанией с ограниченной ответственностью (*delniška družba*) и компанией с ограниченной ответственностью (*družba z omejeno odgovornostjo*), такой как компания L.E., Конституционный суд Словении указал, в частности, следующее:

«...44. Акционеры компаний с ограниченной ответственностью находятся в другом положении по сравнению с руководством компаний... Как правило, в [компаниях с ограниченной ответственностью] большее количество акционеров имеют более тесные связи с компанией (в отличие от публичных компаний с ограниченной ответственностью, характеризующихся большей автономией управления и меньшей значимостью общего собрания). Директор компании с ограниченной ответственностью подчиняется ее акционерам, так как они назначают и освобождают от должности директора. Акционеры также имеют право доступа к информации, касающейся компании, и к документам компании, что позволяет им ответственно участвовать в управлении деятельностью компании. Управление компанией представляет собой предусмотренное законом, основанное на членстве и договоре право акционеров компании. Акционеры по отдельности обладают правом управления компанией, при этом общее собрание представляет собой лишь форму принятия решений и даже не является обязательным. Требование о поддержании акционерного капитала относится к одному из основных обязательств акционеров компании [сноска: Поддержание акционерного капитала предотвращает, *inter alia*, уменьшение капитала компаний. К компаниям с недостаточным капиталом может быть применена санкция в виде снятия корпоративной вуали в отношении их акционеров]».

52. Установив, что FOCA предполагает вмешательство в ряд принципов корпоративного права и имеет далеко идущие и неблагоприятные послед-

ствия для положения бывших акционеров, исключенных из судебного реестра компаний, законодатель в 2007 году решил внести поправки в Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» и освободить акционеров компаний от несения личной ответственности по долгам компании. Поправка к FOCA предусматривала, что все незавершенные судебные и административные разбирательства, в ходе которых кредиторы исключенных из судебного реестра компаний предъявляли требования к бывшим акционерам компаний, должны были систематически прекращаться. Ряд кредиторов, дела которых против акционеров, исключенных из судебного реестра компаний, находились на рассмотрении и которые, таким образом, могли потерять возможность получения выплаты, оспорили данную поправку. Конституционный суд Словении удовлетворил их жалобу и отменил оспариваемые положения, установив, что они не обеспечивали надлежащей защиты интересов кредиторов (Постановление от 21 июня 2007 г. № U-I-117/07). В частности, Конституционный суд Словении указал следующее (§§ 15–17):

«...15. ...В отсутствие ликвидации компании последствия освобождения активных акционеров от неограниченной солидарной ответственности, как предусмотрено [оспариваемой поправкой], заключаются в том, что после исключения таких компаний из судебного реестра отсутствует какая-либо процедура, гарантирующая как минимум стандартную ответственность компаний с ограниченной ответственностью (то есть удовлетворение требований за счет активов компаний и обеспечение равенства кредиторов).

16. Власти Словении утверждали, что кредиторы могут защитить свои права с помощью иных средств, таких как представление ходатайства о ликвидации. Однако после возбуждения производства об исключении компании из судебного реестра ходатайство о ликвидации более не может быть подано...

17. Таким образом, Конституционный суд Словении полагает, что в отношении прекращения деятельности компании путем исключения ее из судебного реестра без ликвидации законодательный орган не предусмотрел процедуру, которая обеспечила бы... защиту кредиторов компании...».

Е. ЗАКОН «О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ЛИКВИДАЦИИ» 2007 ГОДА¹

53. Закон «О финансовой деятельности, несостоятельности и принудительной ликвидации» дей-

¹ Закон «О финансовой деятельности, несостоятельности и принудительной ликвидации» (*Zakon o finančnem poslovanju, postopkih zaradi insolventnosti in prisilnem prenehanju*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 31 декабря 2007 г. № 126/07. Редакция данного закона со всеми изменениями и дополнениями была опубликована в «Официальном вестнике Республики Словения» № 13/14, а последующие изменения – в «Официальном вестнике Республики Словения» №№ 10/15 и 27/16.

ствует с 15 января 2008 г. Он был принят в целях замены FOCA. Он также предусматривает возможность исключения компании из судебного реестра без ликвидации, но на несколько иных условиях.

Ф. ЗАКОН «ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ» 2011 ГОДА¹

54. Закон «Об ответственности по обязательствам юридических лиц» вступил в силу 17 ноября 2011 г. Он вновь освободил бывших акционеров исключенных из судебного реестра компаний от личной ответственности по долгам компаний. Поскольку законодательные решения, предусмотренные данным законом, были аналогичны тем, что предусматривались поправкой к FOCA (см. выше § 52), Конституционный суд Словении вновь был вынужден принимать решение о том, обеспечивает ли Закон «Об ответственности по обязательствам юридических лиц» справедливый баланс между интересами бывших акционеров исключенных из судебного реестра компаний и их кредиторов. Конституционный суд Словении постановил, что, если требования кредитора были признаны судебным решением или производство по делу еще не завершено, а также в тех случаях, когда кредитор еще не подал иск против бывших акционеров исключенной из судебного реестра компании, но у него имелись законные ожидания в отношении такой возможности, отсутствовали какие-либо допустимые с точки зрения конституции основания для вмешательства в закрепленные за кредитором права. Однако Конституционный суд Словении допустил освобождение от ответственности в отношении акционеров компаний, которые были исключены из реестра после вступления в силу указанного закона.

Г. ЗАКОН «О СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ В ОТНОШЕНИИ АКЦИОНЕРОВ ИСКЛЮЧЕННЫХ ИЗ СУДЕБНОГО РЕЕСТРА КОМПАНИЙ» (ЗАКОН «О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА») 2018 ГОДА²

55. Закон «О судебных производствах в отношении акционеров исключенных из судебного реестра компаний» вступил в силу 27 апреля 2018 г.,

¹ Закон «Об ответственности по обязательствам юридических лиц» (*Zakon o postopkih za uveljavitev ali odpustitev odgovornosti družbenikov za obveznosti izbrisanih gospodarskih družb*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 2 ноября 2011 г. № 87/11.

² Закон «О судебных производствах в отношении акционеров, исключенных из судебного реестра компаний» (*Zakon o prekinitvi postopkov proti družbenikom izbrisanih družb*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 26 апреля 2018 г. № 30/18.

приостановив все судебные производства в отношении акционеров исключенных из реестра компаний, которые были возбуждены в соответствии с FOCA или Законом «О финансовой деятельности, несостоятельности и принудительной ликвидации» 2007 года до вынесения решения по настоящему делу. Если Европейский Суд примет окончательное решение об отсутствии нарушения Конвенции в настоящем деле, то судебные производства будут возобновлены.

III. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

56. Стороны по делу и Мальтийский институт управления предоставили информацию о правовом режиме, который применялся в отношении ответственности акционеров компаний с ограниченной ответственностью по долгам компаний в пяти бывших республиках СФРЮ, кроме Словении³ (а именно в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Черногории, Сербии и Македонии), а также в Австрии, Чешской Республике, Эстонии, Германии, Италии, на Мальте, в Нидерландах, Польше, Румынии, Российской Федерации и Швеции. В большинстве стран (включая все бывшие республики СФРЮ) внутригосударственное законодательство (статутное или прецедентное право) предусматривало снятие корпоративной вуали в случае злоупотребления корпоративной формой. Основания для снятия корпоративной вуали соответствовали тем, что были перечислены в статье 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. выше § 34): акционеры злоупотребили корпоративной формой для достижения цели, которая была запрещена для них как для физических лиц, либо злоупотребили корпоративной формой, чтобы причинить ущерб их кредиторам, или если они использовали активы компании в нарушение законодательства в своих личных целях либо акционеры уменьшили активы компании в свою пользу или в пользу другого лица при условии, что им было известно или должно было быть известно о том, что компания не сможет выполнить свои обязательства перед третьими лицами.

Кроме того, в Сербии акционеры, владеющие контрольной долей в компании с ограниченной ответственностью, которая была исключена из реестра по инициативе суда, несли ответственность по долгам компании независимо от того, злоупотребляли ли они корпоративной формой или нет.

³ Бывшая Социалистическая Федеративная Республика Югославия состояла из шести республик: Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии, Черногории, Сербии и Словении, — а также из двух автономных краев, Косово и Воеводины. Распад СФРЮ произошел в 1991–1992 годах (см. Заключение № 11 Арбитражной комиссии Международной конференции по бывшей Югославии, Комиссия Бадинтера).

ПРАВО

57. Заявитель жаловался на то, что невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании L.E. из судебного реестра, являлось нарушением его права на доступ к суду в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Указанная статья Конвенции в соответствующей части гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Ссылаясь на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявитель по сути оспаривал свою личную ответственность по долгам компании L.E. Данная статья предусматривает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

58. Власти Словении утверждали, что в настоящем деле Большая Палата Европейского Суда должна рассмотреть только вопрос об исключении компании L.E. из судебного реестра, а не жалобу заявителя на его ответственность по долгам компании L.E. Последний вопрос Большая Палата Европейского Суда должна рассмотреть в рамках другого разбирательства, которое заявитель инициировал в соответствии с Конвенцией (жалоба № 3292/08). Власти Словении добавили, что они не были уведомлены о последней жалобе.

59. Заявитель не представил каких-либо комментариев по данному вопросу.

60. Европейский Суд неоднократно указывал, что «дело», переданное в Большую Палату Европейского Суда, охватывает все аспекты рассматриваемой ею жалобы (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «K. и T. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, §§ 140–141, ECHR 2001-VII). Хотя заявитель действительно подал две жалобы в Европейский Суд и его доводы на привлечение к ответственности изложены более подробно во второй, заявитель обозначил свою жалобу на привлечение к ответственности уже в настоящем

деле, Европейский Суд уведомил об этом власти Словении, и Палата Европейского Суда рассмотрела указанную жалобу в своем Постановлении. Ввиду вышеизложенного в компетенцию Большой Палаты Европейского Суда также входит рассмотрение указанного вопроса.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ СЛОВЕНИИ

A. ПРОИЗВОДСТВО ПО ИСКЛЮЧЕНИЮ КОМПАНИИ L.E. ИЗ СУДЕБНОГО РЕЕСТРА

1. Доводы сторон

61. Власти Словении утверждали, что конституционная жалоба не являлась эффективным средством правовой защиты в отношении производства по исключению компании из судебного реестра и по этой причине не могла использоваться в качестве начала отсчета шестимесячного срока для подачи жалобы в Европейский Суд. В этой связи власти Словении подчеркнули, что процедура исключения компании L.E. из судебного реестра и последующее исполнительное производство в отношении заявителя были полностью независимы друг от друга. Что касается последнего аспекта, то в отличие от первого оно было инициировано не по инициативе суда, а по ходатайству кредитора компании L.E. Кроме того, исход исполнительного производства не мог повлиять на результат процедуры исключения из реестра: даже если бы суд, ведущий исполнительное производство, признал заявителя пассивным акционером (что освободило бы его от ответственности), компания L.E. не была бы восстановлена в судебном реестре.

62. Заявитель утверждал, что конституционная жалоба в принципе являлась эффективным средством правовой защиты, и ссылаясь на вывод Палаты Европейского Суда по настоящему делу о том, что Конституционный суд Словении не отклонил его жалобу как поданную с нарушением сроков.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

63. В соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции Европейский Суд может «на любой стадии разбирательства» отклонить жалобу, которую он сочтет неприемлемой. Таким образом, даже на стадии рассмотрения дела по существу Европейский Суд может пересмотреть решение о приемлемости жалобы, если он придет к выводу о том, что она должна быть объявлена неприемлемой по одному из оснований, предусмотренных в первых трех пунктах статьи 35 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (Azinas v. Cyprus), жалоба № 56679/00, § 32, ECHR 2004-III, и Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Сабри Гунеш против Турции» (Sabri Güneş v. Turkey) от 29 июня 2012 г., жалоба № 27396/06, §§ 28–31). Соответственно, Большая Палата Европейского Суда имеет юрисдикцию для рассмотрения вопроса о соблюдении правила о шестимесячном сроке для подачи жалобы.

64. Цель правила о шестимесячном сроке для подачи жалобы согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции состоит в том, чтобы обеспечить правовую определенность, гарантируя рассмотрение связанных с Конвенцией вопросов в разумные сроки, а также гарантируя, что прошлые решения не подлежат постоянному обжалованию. Данное правило устанавливает временные пределы надзора, осуществляемого органами Конвенции, и указывает физическим лицам и государственным органам период, по истечении которого такой надзор более невозможен (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабри Гунеш против Турции», §§ 39–40).

65. Требования, содержащиеся в пункте 1 статьи 35 Конвенции, которые касаются необходимости исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и соблюдения правила о шестимесячном сроке, тесно взаимосвязаны, поскольку они не только объединены в одной статье, но и выражены в одном предложении, грамматическая конструкция которого подразумевает данную взаимосвязь. Следовательно, как правило, шестимесячный срок начинает течь с даты принятия окончательного решения в процессе исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Пункт 1 статьи 35 Конвенции не может быть истолкован таким образом, который требует от заявителя информировать Европейский Суд о своей жалобе до того, как его спор в связи с этим вопросом будет окончательно урегулирован на внутригосударственном уровне, в противном случае будет нарушен принцип субсидиарности. Однако это положение позволяет принимать во внимание только такие средства правовой защиты, которые являются практическими и эффективными, поскольку заявитель не может продлевать строгий срок, установленный Конвенцией, стремясь подать ненадлежащие или ошибочные жалобы в органы или учреждения, которые не имеют полномочий и компетенции, чтобы предложить эффективное восстановление нарушенных прав по жалобе в рамках Конвенции (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal) от 19 декабря 2017 г., жалоба № 56080/13¹, §§ 130–132). Следовательно, если заявитель воспользовался средством правовой защиты, которое изначально было обречено на неудачу, решение по

этой апелляционной жалобе не может быть принято во внимание в целях исчисления шестимесячного срока (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йеронович против Латвии» (Jeronovičs v. Latvia) от 5 июля 2016 г., жалоба № 44898/10², § 75).

66. В Постановлении Палаты Европейского Суда возражения властей Словении в отношении правила о шестимесячном сроке были отклонены, поскольку жалоба была подана в течение шести месяцев после вручения решения Конституционного суда Словении, касающегося процедуры исключения из судебного реестра.

67. Европейский Суд напоминает, что в делах против Словении заявители в принципе должны подавать конституционные жалобы до обращения в Европейский Суд (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), жалоба № 26828/06, § 296, ECHR 2012). В настоящем деле постановление Конституционного суда Словении об отклонении конституционной жалобы заявителя было вынесено 31 января 2007 г. и вручено заявителю 5 февраля 2007 г. Заявитель подал жалобу в Европейский Суд 4 августа 2007 г., то есть в течение шести месяцев с момента получения им соответствующего постановления Конституционного суда.

68. Европейский Суд отмечает, что заявителю стало известно о решении об исключении компании из судебного реестра 22 декабря 2004 г. и что он подал конституционную жалобу на это решение 5 мая 2006 года. Европейский Суд не может строить предположения о том, была ли конституционная жалоба заявителя подана с нарушением сроков в соответствии с законодательством Словении, и была ли она по этой причине обречена на неудачу изначально, учитывая, что Конституционный суд Словении не отклонил его жалобу как поданную с нарушением срока (см. выше § 29). По вышеуказанной причине Европейский Суд не может согласиться с тем, что конституционная жалоба заявителя не должна приниматься во внимание в целях исчисления шестимесячного срока для подачи жалобы.

69. Соответственно, Большая Палата Европейского Суда отклоняет предварительное возражение властей Словении в этой части.

В. ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

1. Доводы сторон

70. Власти Словении утверждали, что заявитель не мог считаться жертвой нарушения Конвенции,

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 6 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 6 (примеч. редактора).

поскольку он достиг соглашения со своим кредитором в 2011 году и выплатил долг.

71. Заявитель не представил каких-либо комментариев по данному вопросу.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

72. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что в Постановлении Палаты Европейского Суда возражение властей Словении относительно статуса жертвы заявителя было отклонено, так как до урегулирования спора заявитель использовал все доступные ему внутригосударственные средства правовой защиты для оспаривания своей ответственности по выплате соответствующего долга. Кроме того, он подал настоящую жалобу в Европейский Суд. По словам заявителя, условия соглашения были более благоприятны для него, чем возложение ответственности согласно законодательству Словении, и он принял соглашение, чтобы избежать понесения им большего ущерба. Большая Палата Европейского Суда не находит оснований, чтобы не согласиться с данным выводом. Действительно, сам факт того, что заявитель исполнил возложенную на него обязанность, не лишает его статуса жертвы по смыслу статьи 34 Конвенции.

73. Соответственно, Большая Палата Европейского Суда отклоняет предварительное возражение властей Словении в этой части.

III. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

74. Палата Европейского Суда постановила, что ответственность заявителя за выплату долгов его компании может рассматриваться как наказание за неспособность, будучи акционером, оказывающим влияние на хозяйственную деятельность компании, исполнить корпоративные обязательства компании, акционером которой он являлся. Таким образом, оспариваемая мера представляла собой меру государственного контроля за функционированием рынка, корпоративными практиками и управлением корпоративным имуществом. Однако принимая во внимание жалобу на процедуру исключения компании из реестра, Палата Европейского Суда решила рассмотреть настоящее дело в свете общего правила, изложенного в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

75. Что касается требования законности, Палата Европейского Суда пришла к заключению, «что регулирование, предусмотренное ФОСА и измененное Конституционным судом

Словении, было доступным и предсказуемым. Следовательно, оспариваемая мера имела достаточные правовые основания в законодательстве Словении, чтобы соответствовать требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции». Кроме того, принимая во внимание вывод о том, что надлежащая осмотрительность, которая требовалась от заявителя, позволила бы ему эффективно участвовать в процедуре исключения компании из судебного реестра, Палата Европейского Суда приняла прагматичный подход властей Словении к вручению документов в рамках процедуры исключения из реестра, особенно с учетом того, что вручение документов компаниям сопровождалось относительно длительными сроками подачи апелляционных жалоб на возбуждение процедуры исключения из судебного реестра, а также на сами решения об этих исключениях. Палата Европейского Суда установила, что в рамках процедуры исключения из судебного реестра заявителю были предоставлены достаточные процессуальные гарантии. Следовательно, данная процедура была законной по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

76. По мнению Палаты Европейского Суда, ФОСА представлял собой попытку восстановить стабильность на коммерческом рынке и, соответственно, преследовал правомерную цель.

77. Что касается соразмерности оспариваемой меры, Палата Европейского Суда постановила, что игнорирование корпоративного права со стороны компании L.E. и принципов надлежащего корпоративного управления требовало от властей Словении серьезной реакции, включая возложение личной ответственности на любого акционера, который был признан ответственным за нарушения в работе компании. В этой связи Палата Европейского Суда сослалась, *inter alia*, на недостаточную капитализацию, длительную несостоятельность и бездействие со стороны руководства компании (см., в частности, §§ 122–128 Постановления Палаты Европейского Суда). Палата Европейского Суда также отметила, что последствия уменьшения капитала ниже установленного законом порогового уровня и, в конечном счете, его полного исчерпания в совокупности с неспособностью в течение длительного времени возбудить процедуру ликвидации оказали значительное негативное влияние на положение кредитора компании. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что «ввиду широких пределов усмотрения, предоставленных Договаривающимся Государствам в вопросах систем экономической политики... оспариваемая мера не представляла собой чрезмерного индивидуального бремени для заявителя в конкретных обстоятельствах настоящего дела». Соответственно, по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

78. Как было указано выше, заявитель жаловался на то, что невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании L.E. из судебного реестра, являлось нарушением его права на доступ к суду по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Он подчеркивал, что его адрес, указанный в судебном реестре, был правильным. Действительно, уведомления, принятые в ходе гражданского разбирательства между компаниями «Словенские железные дороги» и L.E., были вручены заявителю по указанному адресу без каких-либо сложностей (см. выше § 11). Таким образом, в настоящем деле отсутствовали какие-либо основания для вручения решений, вынесенных в ходе производства по исключению компании L.E. из реестра, только самой компании с учетом того, что эта компания прекратила свою деятельность за четыре года до ее исключения из судебного реестра. Заявитель ссылался на ряд постановлений Европейского Суда, в которых было признано нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием личного вручения судебных документов, например, на Постановления Европейского Суда по делам «Диас Очоа против Испании» (*Díaz Ochoa v. Spain*) от 22 июня 2006 г., жалоба № 423/03, «Компания “Эс. Си. Раиса М. Шиппинг С.р.л.” против Румынии» (*S.C. Raisa M. Shipping S.r.l. v. Romania*) от 8 января 2013 г., жалоба № 37576/05, «Заводник против Словении» (*Zavodnik v. Slovenia*) от 21 мая 2015 г., жалоба № 53723/13, «Аждайич против Словении» (*Aždajić v. Slovenia*) от 8 октября 2015 г., жалоба № 71872/12.

79. Заявитель также утверждал, что решение о его привлечении к личной ответственности по долгам компании L.E., принятое в контексте исполнительного производства, инициированного в отношении него компанией «Словенские железные дороги», представляло собой вмешательство в его право на уважение собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Более конкретно: его привлечение к личной ответственности представляло собой меру контроля за использованием собственности в целях второго параграфа указанной статьи. Тем не менее заявитель просил Европейский Суд рассмотреть его жалобу на привлечение к ответственности в более широком контексте, включая, в частности, решение 2001 года об исключении компании L.E. из судебного реестра, в свете общего правила, установленного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

80. По мнению заявителя, оспариваемая мера была незаконной, поскольку законодательство Словении не было достаточно точным и предсказуемым. В отношении требования предсказуемости заявитель утверждал, что при вступлении ФОСА

в силу отсутствовала ясность относительно того, что в итоге он может нести личную ответственность по долгам компании L.E. Действительно, ФОСА прямо не устанавливал такую ответственность, а лишь содержал ссылку на другой законодательный акт: согласно пункту 4 статьи 27 ФОСА подразумевалось, что акционеры компании, исключенной из реестра в соответствии с ФОСА, сделали заявление, предусмотренное пунктом 1 статьи 394 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года, который в свою очередь предусматривал, что компания может быть исключена из судебного реестра по ходатайству ее акционеров без процедуры ликвидации при условии, что ее акционеры подали нотариально заверенное заявление о том, что все обязательства компании выполнены, любые споры с сотрудниками урегулированы и что акционеры приняли на себя солидарную ответственность по любым возможным непогашенным обязательствам компании. Что касается требования точности, заявитель отмечал, что критерии, установленные Конституционным судом Словении в его Постановлении от 2002 года, были весьма не ясны. Заявитель добавил, что оспариваемый режим личной ответственности по долгам исключенных из реестра компаний претерпел ряд изменений, что еще больше способствовало общей неопределенности.

81. Утверждая, что властям Словении не следует предоставлять широкие пределы усмотрения по настоящему делу, заявитель просил Европейский Суд установить, что оспариваемая мера не преследовала правомерной цели. По мнению заявителя, настоящее дело следует отличать от дела «Бергер-Кралл и другие против Словении» (*Berger-Krall and Others v. Slovenia*) (Постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 г., жалоба № 14717/04), касавшееся права аренды в бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославия находившихся в общественной собственности квартир, и от дела «Ян и другие против Германии» (*Jahn and Others v. Germany*) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 46720/99 и две другие жалобы, *ECtHR 2005-VI*), которое касалось уникального контекста воссоединения Германии.

82. Заявитель также утверждал, что примененная к нему мера была несоразмерной. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Агротексим” и другие против Греции» (*Agrotexim and Others v. Greece*) (от 24 октября 1995 г., § 66, Series A, № 330-A) и на ряд более поздних решений, заявитель указал, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда снятие корпоративной вуали могло быть оправдано только в исключительных обстоятельствах. По его мнению, в настоящем деле такие обстоятельства отсутствовали. Ссылаясь на Постановление Суда Европейского союза (далее –

Суд ЕС) по делу «Компания “Идрима Типу АЕ” против Министерства печати и средств массовой информации Греции» (Idryma Tyrou AE v. Ypourgos Tyrou kai Meson Mazikis Enimerosis) от 21 октября 2010 г. (дело № С81/09, EU: C:2010:622), заявитель утверждал, что оспариваемая мера также противоречила основополагающим принципам корпоративного права Европейского союза. Заявитель просил Европейский Суд применить прецедентную практику, изложенную в его Постановлении по делу «Васкрсич против Словении» (Vaskrsić v. Slovenia) от 25 апреля 2017 г., жалоба № 31371/12, и установить нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, несмотря на то, что он вел себя достаточно пассивно в отношении судьбы компании L.E. и ее непогашенной задолженности. По мнению заявителя, значение имел тот факт, что в его действиях не было недобросовестности. В этой связи заявитель отмечал, что пытался прекратить деятельность компании L.E. в порядке ликвидации, но его попытка не удалась, поскольку компания не смогла покрыть связанные с этим расходы. Заявитель также утверждал, что справедливый баланс между общими интересами и его имущественными правами был нарушен вследствие возложения на него обязанности доказать свой «пассивный» статус. Заявитель также подчеркивал, что в любом случае он занимал руководящую должность в компании L.E. только пару лет. Он считал, что этого было недостаточно для привлечения его к ответственности по долгам компании. Заявитель пришел к выводу, что оспариваемая мера была чрезвычайно несправедливой, поскольку компания «Словенские железные дороги» реализовала свои права требования в полном объеме, в то время как он остался ни с чем. Таким образом, на него было возложено чрезмерное бремя.

2. Власти Словении

83. Что касается предполагаемого отсутствия у заявителя доступа к процедуре исключения из судебного реестра, власти Словении утверждали, что у него была надлежащая возможность принять участие в разбирательстве, несмотря на то, что ни решение о возбуждении процедуры исключения из судебного реестра, ни решение об исключении из него не были вручены ему лично. Оба документа были надлежащим образом вручены компании L.E. по ее официальному адресу, что являлось обычной практикой. Кроме того, решение о возбуждении процедуры исключения из реестра было опубликовано в доступном публичном судебном реестре, а решение об исключении из реестра – в «Официальном вестнике Республики Словения». Власти Словении утверждали, что, если бы заявитель и другие акционеры компании L.E. действовали с должной осмотрительностью, они смогли бы ознакомиться с обоими решениями

различными способами. Власти Словении также подчеркивали, что сроки подачи возражения против возбуждения процедуры и обжалования решения об исключении из реестра были длительными, а именно два месяца и 30 дней соответственно. Конституционный суд Словении также постановил, что личное вручение решений, вынесенных в ходе процедур исключения из реестра «спящих» компаний, всем акционерам компаний было бы достаточно трудоемким, а в некоторых случаях невозможным, учитывая их количество и тот факт, что компании не всегда уведомляли реестр обо всех соответствующих изменениях (см. выше § 49). Так, J.Za., M.K. и J.Zu. оставались зарегистрированными в качестве акционеров компании L.E. после их смерти (см. выше §§ 10, 12 и 17), а заявитель был зарегистрирован как генеральный директор компании L.E. после освобождения им указанной должности (см. выше § 14).

84. Власти Словении также утверждали, что личная ответственность заявителя по долгам компании L.E. представляла собой меру контроля за использованием собственности по смыслу второго параграфа статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В отношении законности принятой меры власти Словении отмечали, что соответствующие положения законодательства Словении были доступными, ясными и предсказуемыми. В этой связи они ссылались на ряд решений, в которых последовательно применялись критерии, установленные Конституционным судом Словении. Во всех указанных актах суды Словении установили, что акционеры исключенных из реестра компаний, доля участия которых составляла как минимум 10%, несли личную ответственность по долгам компаний, а лица с меньшим размером долей не несли личной ответственности. Что касается довода заявителя о том, что оспариваемый режим личной ответственности претерпел множество изменений, власти Словении отмечали, что указанные изменения были проведены после окончания исполнительного производства по настоящему делу и в этой связи не имеют к нему отношения.

85. Власти Словении также утверждали, что оспариваемая мера соответствовала общественным интересам. Официальные данные, принятые во внимание при разработке FOCA, свидетельствовали о том, что по состоянию на 28 февраля 1999 г. счета 6 587 компаний были заблокированы более года, их задолженность составляла 84 452 000 000 SIT, при этом 6 083 из этих компаний (а именно 92%) не имели в своем штате сотрудников. Единственным решением, доступным для властей Словении в соответствующий период, было инициирование процедуры ликвидации по собственной инициативе, но это заняло бы 30 лет и стоило бы государству около 900 000 000 SIT. Конституционный суд Словении постановил, что оспариваемая мера действительно отвечала обще-

ственным интересам, а именно защите кредиторов и общей безопасности правовых сделок (см. выше §§ 48 и 50).

86. По мнению властей Словении, оспариваемая мера была соразмерной. Будучи директором компании, заявитель был обязан обеспечивать ликвидность и платежеспособность компании или ликвидировать ее. Кроме того, имея долю в размере 11,11%, он мог влиять на деятельность компании. Он также мог в любое время выйти из состава акционеров компании L.E. (власти Словении ссылались на решение Высшего суда г. Любляны № II Pr 2915/2010). У заявителя было достаточно времени, чтобы ознакомиться с FOCA (соответствующие положения которого начали применяться через год после вступления этого закона в силу) и обойти оспариваемую меру. Однако он не проявил надлежащей осмотрительности.

87. Власти Словении просили Европейский Суд принять во внимание следующие дополнительные факторы: помимо долгов, акционеры исключенных из реестра компаний также получали все активы таких компаний, кредиторам исключенных из реестра компаний был предоставлен ограниченный срок в один год, чтобы добиваться исполнения своих требований от акционеров таких компаний, заявитель мог представить свои доводы по делу в рамках исполнительного производства и в Конституционном суде Словении. Что касается прецедентной практики, приведенной в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Васкрсич против Словении», на которое ссылался заявитель, власти Словении полагали, что она не имела отношения к настоящему делу: дело «Васкрсич против Словении» касалось продажи дома заявителя на публичных торгах в целях принудительного исполнения незначительного требования (124 евро) при наличии других средств принудительного исполнения. Власти Словении добавили, что, если, по мнению заявителя, он заплатил больше остальных активных акционеров компании L.E., то он должен был подать гражданский иск против них в целях получения возмещения.

88. Наконец, власти Словении утверждали, что письменные комментарии, полученные от организации «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» (кратко изложенные ниже в § 90) содержали недостоверную информацию. В частности, довод о том, что даже те лица, которые более не являлись акционерами на момент исключения компании из реестра, тем не менее, могли быть привлечены к ответственности по долгам компании, и что они, кроме того, не имели возможности выдвинуть какие-либо доводы об обратном в рамках судебных разбирательств против них, инициированных кредиторами компании, явно противоречили прецедентной практике судов Словении.

3. Третьи стороны

89. Согласно позиции Мальтийского института управления игнорирование правосубъектности компании могло быть оправдано только в исключительных ситуациях при наличии доказательств вне всяких разумных сомнений относительно того, что корпоративная форма подверглась злоупотреблению. Бремя доказывания данного злоупотребления должно возлагаться на то лицо, которое выступает с соответствующим заявлением, таким образом, недопустимо предполагать или подрагумевать наличие злоупотребления. Далее им была изложена ситуация на Мальте в этой связи.

90. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» утверждала, что FOCA накладывал чрезмерное бремя на акционеров «спящих» компаний. Один из ключевых принципов корпоративного права заключается в том, что акционеры компаний не несут личной ответственности по долгам компаний при отсутствии доказательств того, что они злоупотребляли корпоративной формой (так называемое снятие корпоративной вуали). FOCA не учитывал данный принцип. Согласно пункту 3 статьи 37 указанного закона FOCA начал применяться всего через три месяца после его вступления в силу¹. Следовательно, у компаний не было времени совершать действия в целях уклонения от его применения. По мнению организации «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний», ввиду того, что судебный реестр содержал неактуальную информацию (компании не всегда уведомляли судебный реестр обо всех соответствующих изменениях), даже те лица, которые более не являлись акционерами на момент исключения компании из реестра, могли быть привлечены к ответственности по долгам компании. Кроме того, они не имели возможности выдвинуть какие-либо доводы об обратном в рамках судебных разбирательств против них, инициированных кредиторами. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» признала, что согласно Постановлению Конституционного суда Словении от 2002 года ответственность по долгам исключенных из реестра компаний должны нести только активные акционеры (то есть те, которые могли влиять на деятельность компании), но утверждала, что это создало неопределенность в правовой системе Словении. Дальнейшая неопределенность предположительно возникла в результате попыток отменить оспариваемый режим личной ответственности, вве-

¹ Пункт 3 статьи 37 FOCA касался исключения из судебного реестра компаний, деятельность которых не была приведена в соответствие с Законом о «субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года. К настоящему делу имеет отношение норма, содержащаяся в пункте 3 статьи 40 FOCA, которая предусматривала *vacatio legis* в течение одного года в отношении исключения из реестра «спящих» компаний.

денный ФОСА. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» также отмечала, что, хотя акционеры исключенных из реестра компаний могли быть привлечены к ответственности по долгам компаний, они не имели возможности реализовать требования компаний. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» признала, что Ассоциация судей, Судебный совет, Институт сравнительного правоведения юридического факультета университета г. Любляны и Торгово-промышленная палата¹, среди прочих, выразили поддержку ФОСА, но заявила, что они действовали в сговоре с левыми политическими структурами. Наконец, организация представила следующие данные: около 25 000 компаний было исключено из реестра, исходя из того, что в каждой из них были как минимум два ответственных акционера, пострадали около 50 000 человек (2,5% населения Словении).

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Пределы рассмотрения настоящего дела

91. Заявитель жаловался на то, что невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании Л.Е. из судебного реестра, являлось нарушением пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. выше § 78). Обладая компетенцией в области правовой квалификации фактов дела (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомиля и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалоба № 37685/10², § 124) и принимая во внимание процессуальные требования, закрепленные в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. ниже § 95), Европейский Суд считает целесообразным рассмотреть данную жалобу совместно с жалобой заявителя на его привлечение к ответственности в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Форминстер Энтерпрайзис Лимитед” против Чешской Республики» (Forminster Enterprises Limited v. Czech Republic) от 9 октября 2008 г., жалоба № 38238/04, § 59).

¹ Торгово-промышленная палата Словении (CCIS) была основана более 160 лет назад. В настоящее время ее членами являются 7 000 различных компаний из всех регионов. Это некоммерческая, неправительственная, независимая организация предпринимателей, которая представляет интересы своих членов и является наиболее влиятельной ассоциацией предпринимателей Словении.

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

2. Применимые нормы

(а) Общие принципы

92. Как неоднократно указывал Европейский Суд, статья 1 Протокола № 1 к Конвенции включает в себя три различные нормы. Первая норма, изложенная в первом предложении первого параграфа, имеет общий характер и формулирует принцип уважения права собственности. Вторая норма во втором предложении первого параграфа касается возможности лишения собственности при определенных условиях. Третья норма, содержащаяся во втором параграфе, признает право государств, в частности, контролировать использование собственности в соответствии с общественными интересами. Вторая и третья нормы, которые касаются особых случаев вмешательства государства в право на уважение собственности, должны толковаться в свете общего принципа, сформулированного в первой норме (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии» (Ališić and Others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and the former Yugoslav Republic of Macedonia) жалоба № 60642/08³, § 98, ECHR 2014).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

93. Стороны не оспаривали, что решение о привлечении заявителя к личной ответственности по долгам компании Л.Е. было равносильно вмешательству в его право на уважение собственности в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Стороны также не оспаривали, что эта мера сама по себе должна рассматриваться как мера контроля за использованием собственности. Однако принимая во внимание более широкий контекст, в том числе, решение от 2001 года об исключении компании Л.Е. из судебного реестра, Европейский Суд рассмотрит настоящее дело в свете общего принципа, сформулированного в первой норме статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

3. Законность вмешательства

(а) Общие принципы

94. Европейский Суд напоминает, что первое и самое важное требование статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции заключается в том, что любое вмешательство со стороны органов государственной власти в право на уважение собственности должно быть законным: второе предложение первого пара-

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1 (примеч. редактора).

графа допускает лишение собственности только «на условиях, предусмотренных законом», а второй параграф признает право Государств контролировать использование собственности путем обеспечения выполнения «законов». Кроме того, принцип верховенства права, который является одним из основных принципов демократического общества, присущ всем статьям Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бывший Король Греции и другие против Греции» (Former King of Greece and Others v. Greece) (существо жалобы), жалоба № 25701/94, § 79, ECHR 2000-XII, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (Broniowski v. Poland), жалоба № 31443/96, § 147, ECHR 2004-V).

95. Принцип законности также предполагает определенное качество применимых положений законодательства государства-ответчика. В этой связи следует отметить, что, говоря о «законе», статья 1 Протокола № 1 к Конвенции ссылается на то же понятие, на которое ссылается Конвенция в других местах при употреблении данного термина (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистиньш и Перепелкинс против Латвии» (Vistiņš and Pēterjolkins v. Latvia) от 25 октября 2012 г., жалоба № 71243/01, § 96). Из этого следует, что правовые нормы, на которых основано вмешательство, должны быть достаточно доступными, точными и предсказуемыми в своем применении (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (Beyeler v. Italy) жалоба № 33202/96, §§ 109–110, ECHR 2000-I). В частности, норма является «предсказуемой», если она обеспечивает защиту от произвольного вмешательства органов государственной власти (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy) от 7 июня 2012 г., жалоба № 38433/09, § 143). Таким образом, любое вмешательство в право на уважение собственности должно сопровождаться процессуальными гарантиями, предоставляющими заинтересованному физическому или юридическому лицу разумную возможность представить свое дело на рассмотрение компетентных органов власти в целях эффективного обжалования мер, представляющих собой вмешательство в осуществление прав, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. При проверке выполнения этого условия необходимо провести исчерпывающий анализ применимых судебных и административных процедур (см. Постановление Европейского Суда по делу «Йокела против Финляндии» (Jokela v. Finland), жалоба № 28856/95, § 45, ECHR 2002-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Капитал Банк АД” против Болгарии»

(Capital Bank AD v. Bulgaria), жалоба № 49429/99, § 134, ECHR 2005-XII, и Постановление Европейского Суда по делу «Столярова против Российской Федерации» (Stolyarova v. Russia) от 29 января 2015 г., жалоба № 15711/13¹, § 43).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

96. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд прежде всего отмечает, что личная ответственность заявителя по долгам компании L.E. была основана на пункте 4 статьи 27 FOCA, согласно которому подразумевалось, что акционеры компаний, исключенных из судебного реестра вследствие отсутствия платежных операций по их банковским счетам в течение 12 месяцев подряд, сделали заявление, предусмотренное пунктом 1 статьи 394 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (а именно, что они приняли на себя солидарную ответственность по любым непогашенным долгам компании). FOCA был опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» 8 июля 1999 г. и вступил в силу 23 июля 1999 года. Европейский Суд считает, что нормы, введенные FOCA, были доступны заявителю и что содержание Закона «О финансовой деятельности компаний» 1999 года было достаточно ясным, чтобы позволить ему предвидеть, что его компания рискует быть исключенной из судебного реестра, а он может быть привлечен к личной ответственности по ее долгам.

97. Европейский Суд постановил, что закон может удовлетворять требованию предсказуемости, даже если заинтересованное лицо должно будет воспользоваться надлежащей юридической консультацией, чтобы оценить в разумной при обстоятельствах дела степени последствия, которые может повлечь за собой определенное действие. Это особенно важно для лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, для которых обычным является проявление большой осмотрительности при осуществлении своих профессиональных обязанностей. В этой связи можно ожидать, что они будут принимать особые меры при оценке рисков, которые такая деятельность может повлечь (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsóny and Others v. Hungary) от 17 мая 2016 г., жалобы №№ 42461/13 и 44357/13², § 125, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кантони против Франции» (Cantoni v. France) от 15 ноября 1996 г., § 35, *Reports of Judgments and Decisions*

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 3 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

1996-V). Указанный принцип может быть применен и к лицам, занимающимся коммерческой деятельностью (см. по аналогии Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Шпачек с.р.о.” против Чешской Республики» (Špaček, s.r.o. v. Czech Republic) от 9 ноября 1999 г., жалоба № 26449/95, § 59, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Форминстер Энтерпрайзис Лимитед” против Чешской Республики», § 65). Как миноритарному акционеру компании L.E. и ее бывшему генеральному директору заявителю должно было быть хорошо известно не только положение компании, но и факт возбуждения кредитором гражданского производства против нее (см. выше § 11). В этой связи, по мнению Европейского Суда, можно было ожидать, что заявитель уделит значительное внимание нерешенным вопросам, стоявшим перед компанией. Европейский Суд считает, что заявитель должен был знать законодательство Словении, применимое к компаниям, в частности, к неплатежеспособным, и что он не нуждался в направлении каких-либо специальных предупреждений относительно последствий FOCA.

98. В этой связи настоящее дело следует отличать от дела «Золотас против Греции (№ 2)» (Zolotas v. Greece) (№ 2) (жалоба № 66610/09, ECHR 2013), касавшегося законодательного акта, введенного в 1942 году (во время оккупации Греции странами гитлеровской коалиции) и ратифицированного в 1946 году, в соответствии с которым все банковские депозиты, не востребованные владельцем счета или не являвшиеся предметом каких-либо операций в течение 20 лет, были переданы в постоянное пользование государству. Европейский Суд постановил в указанном деле, *inter alia*, что тот факт, что заявитель не был проинформирован о скором истечении срока давности и, следовательно, не имел возможности остановить течение срока исковой давности, нарушал справедливый баланс, требуемый в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. При этом существенное значение имеет тот факт, что в отличие от заявителя по настоящему делу заявитель по указанному делу был рядовым гражданином, который не знал гражданское или банковское законодательство. Настоящее дело имеет большее сходство с делом «Компании “Джей Эй Пай (Оксфорд) Лтд” и “Джей Эй Пай (Оксфорд) Лэнд Лтд” против Соединенного Королевства» (J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. United Kingdom) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 44302/02, ECHR 2007-III). В этом деле Европейский Суд рассмотрел соразмерность изъятия земельного участка, принадлежавшего компаниям-заявительницам, в связи с владением на основе утверждения правового титула вопреки притязаниям другого лица в течение 12 лет. Европейский Суд, *inter alia*, указал, что отсут-

ствие уведомления официального владельца до истечения срока давности в определенный период не нарушало справедливого баланса, требуемого в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

99. Действительно, как утверждал заявитель, законодательная концепция личной ответственности по долгам исключенных из судебного реестра компаний, введенная FOCA, согласно которой все акционеры несли ответственность независимо от их роли в компаниях, была смягчена Постановлением Конституционного суда Словении от 2002 года (см. выше §§ 48–51). Однако тот факт, что указанное постановление было вынесено более чем через два года с момента применения соответствующих положений FOCA, никак не повлиял на заявителя, поскольку его личная ответственность по долгам компании L.E. была установлена в рамках исполнительного производства, которое началось в апреле 2002 года (см. выше § 24) и завершилось в июле 2007 года (см. выше § 30). В ходе указанного производства, о котором заявителю стало известно только в декабре 2004 года (см. выше § 24), он утверждал, что не являлся активным акционером компании L.E., ссылаясь на постановление Конституционного суда Словении в поддержку своего основного довода против принудительного исполнения. Таким образом, Европейский Суд не находит, что интересы заявителя были каким-либо образом ущемлены при осуществлении его прав в связи с тем, что различие между активными и пассивными акционерами было введено только в октябре 2002 года.

100. Кроме того, критерии, разработанные Конституционным судом Словении в этом отношении в целях установления различий между «активными акционерами», которые могли оказывать влияние на деятельность компании, и «пассивными акционерами», которые не оказывали такого влияния, были ясными (см. выше § 51). Действительно, это привело к развитию последовательной прецедентной практики судов Словении, согласно которой акционеры исключенных из судебного реестра компаний, владеющие долей в размере как минимум 10%, несли личную ответственность по долгам компаний, а акционеры, доля которых составляла менее 10%, как правило, не привлекались к какой-либо ответственности. По мнению Европейского Суда, указанное пороговое значение в 10% не является произвольным, учитывая предусмотренное законом право акционеров компаний с ограниченной ответственностью, доля которых составляет как минимум 10%, получать информацию о деятельности компании, право доступа к документам и отчетности компании, право требовать созыва общего собрания, право требовать включения конкретного вопроса в повестку дня общего собрания, а также право подать иск в компетентный суд с требованием о ликвидации компании (см. выше

§§ 37–38). Такие международные организации, как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международный валютный фонд (МВФ), используют аналогичный критерий, позволяющий проводить различия между инвесторами, которые не контролируют компанию (портфельные инвесторы), и инвесторами, которые осуществляют контроль (прямые инвесторы). В этой связи соответствующая часть Эталонного определения прямых иностранных инвестиций ОЭСР, четвертое издание 2008 года, гласит (с. 22–23)¹:

«29. ...Наличие в качестве мотива существенного влияния на управление предприятием или контроля за его деятельностью является главным, что отличает прямые инвестиции от международных портфельных инвестиций. Для последних характерно особое внимание инвестора, главным образом на доходах, получаемых в результате приобретения и продажи акций и других ценных бумаг, при этом речь не идет о влиянии на управление или контроле над активами, лежащими в основе таких инвестиций. Отношения в рамках прямых инвестиций по самой своей природе могут привести к долгосрочному и стабильному финансированию и передаче технологий с целью увеличения со временем объемов производства и максимизации доходов МНК. Портфельные инвесторы не стремятся к установлению долгосрочных отношений. Главным фактором, определяющим совершение сделок по приобретению или продаже ценных бумаг, является доходность активов...

31. Считается, что на практике существует несколько факторов, позволяющих определить влияние прямого инвестора на состояние предприятия – реципиента прямых инвестиций. Однако в целях обеспечения согласованности и сопоставимости статистического учета прямых иностранных инвестиций в различных странах рекомендуется четко придерживаться количественного принципа при определении прямых инвестиций. Соответственно, считается, что явным признаком прямых инвестиций является прямое или косвенное владение как минимум 10% прав голоса в предприятии – реципиенте прямых инвестиций. Иными словами, 10-процентное пороговое значение представляет собой критерий, позволяющий определить, оказывает ли инвестор влияние на управление предприятием и, соответственно, существуют ли основания для отношений в рамках прямых инвестиций или нет».

101. Что касается утверждения заявителя о том, что последующие изменения порядка личной ответственности по долгам исключенных из реестра компаний привели к общей неопределенности, Европейский Суд полностью согласен с властями Словении в том, что данные реформы не имели отношения к настоящему делу, поскольку они были приняты после завершения исполнительного производства по делу заявителя (иными словами, после того, как решение о его личной ответствен-

ности по долгам компании L.E. вступило в законную силу).

102. Обращаясь к жалобе заявителя на невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании L.E. из судебного реестра (см. выше § 91), Европейский Суд установил выше, в §§ 96–97, что заявитель должен был предвидеть риск исключения его компании из судебного реестра и того, что он будет нести личную ответственность по ее долгам. Таким образом, заявитель самостоятельно или совместно с другими акционерами компании должен был принять необходимые меры для получения корреспонденции, адресованной его компании (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хеннингс против Германии» (Hennings v. Germany) от 16 декабря 1992 г., § 26, Series A, № 251-A). Действительно, до тех пор, пока акционеры L.E. поддерживали существование компании, хотя бы только формально, и в силу того, что они не смогли найти способ прекратить ее деятельность, они должны были обеспечивать некоторое основное управление ею. Кроме того, принимая во внимание достаточно длительные сроки обжалования решений, принятых в рамках производства по исключению компании из реестра (см. выше §§ 44–45), Европейский Суд считает вручение решений компании L.E. в совокупности с уведомлением в судебном реестре или в «Официальном вестнике Республики Словения», если применимо, надлежащим способом уведомления.

103. Настоящее дело следует отличать от дел, на которые заявитель ссылался при представлении своих доводов (см. выше § 78). Указанные им дела касались производств по гражданским делам, возбужденным против самих заявителей на основе общего законодательства. Напротив, рассматриваемая в рамках настоящего дела процедура исключения из судебного реестра была проведена в отношении компании L.E. (то есть не в отношении заявителя) в соответствии со специальным законом, цель которого как раз заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать многочисленные «спящие» компании. Данная мера была признана необходимой в период перехода от социалистической экономики к рыночной (см. выше выводы Конституционного суда Словении в этой связи в §§ 48–49). Кроме того, личная ответственность заявителя по долгам L.E. была установлена не в рамках процедуры исключения компании из судебного реестра, а в ходе последующего исполнительного производства, возбужденного против него кредитором L.E. В ходе указанного производства заявитель на любом этапе мог представить доводы, которые он считал относящимися к делу.

104. С учетом вышеизложенного Большая Палата Европейского Суда считает, что вмешательство было законным по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

¹ См. также Руководство МВФ по платежному балансу и международной инвестиционной позиции, 6-е издание (РПБ6), 2009 года.

4. Цель вмешательства

(а) Общие принципы

105. Любое вмешательство со стороны органа государственной власти в право на уважение собственности может быть оправдано только в том случае, если оно служит законным интересам общества. В целях настоящего анализа Европейский Суд считает целесообразным процитировать следующие параграфы из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ян и другие против Германии» § 91:

«91. По мнению Европейского Суда, имея непосредственные знания о своем обществе и его потребностях, власти государства-ответчика в принципе находятся в лучшем положении по сравнению с международными судами для оценки того, что соответствует “интересам общества”. В рамках системы защиты, установленной Конвенцией, первоначальная оценка наличия проблемы, которая вызывает беспокойство общества и требует принятия мер, связанных с лишением собственности, возлагается на органы власти государства-ответчика. В данном случае, как и в других областях, на которые распространяются гарантии Конвенции, органы власти государства-ответчика имеют определенные пределы усмотрения.

Кроме того, понятие “интересы общества” неизбежно является широким. В частности, решение о принятии законов об экспроприации имущества, как правило, предполагает предварительное изучение политических, экономических и социальных вопросов. Европейский Суд, считая естественным наделение законодательного органа широкими пределами усмотрения при проведении социальной и экономической политики, уважает мнение законодательного органа о том, что соответствует “интересам общества”, за исключением случаев, когда такое мнение явно не имеет разумных оснований (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Джеймс и другие против Соединенного Королевства”, р. 32, § 46, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Бывший король Греции и другие против Греции”, § 87, и Постановление Европейского Суда по делу “Звольски и Звольска против Чешской Республики” (Zvolský and Zvolská v. Czech Republic) жалоба № 46129/99, § 67, *in fine*, ECHR 2002-IX). Указанные принципы с необходимостью, если не *a fortiori*, применяются к таким радикальным изменениям, как те, что произошли в период объединения Германии, когда имел место переход к системе рыночной экономики».

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

106. Из подготовительной работы, связанной с принятием ФОСА, следует, что основные цели данного закона состояли в обеспечении стабильности на коммерческом рынке и финансовой дисциплины. Одним из побочных эффектов перехода от социалистической экономики к рыночной стало наличие большого количества «спящих» компа-

ний, имеющих задолженности, но не владеющих активами, которые были созданы в соответствии с законодательством бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия. По мнению законодателя, возбуждение судами производств по ликвидации данных компаний, что являлось единственной мерой, доступной в соответствующий период, привело бы к возникновению у судов работы примерно на 30 лет и имело бы значительные финансовые последствия для государства (см. выше § 85). Таким образом, ФОСА предоставил возможность исключения компаний из реестра по инициативе суда без предварительной ликвидации. Кроме того, в целях защиты кредиторов таких компаний пункт 4 статьи 27 ФОСА с изменениями, внесенными Конституционным судом Словении в 2002 году, предусматривал, что бывшие акционеры компаний, исключенных из реестра в соответствии с ФОСА, которые могли влиять на деятельность компаний, несли ответственность по долгам компаний (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia) от 25 июля 2013 г., жалобы №№ 11082/06 и 13772/05¹, § 877). Учитывая особенно широкие пределы усмотрения, предоставленные органам власти государства-ответчика в части вопросов общей социальной и экономической политики (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ян и другие против Германии», § 91, «Вистиньш и Перепелкинс против Латвии», § 98, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Белане Надь против Венгрии (Belane Nagy v. Hungary) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 53080/13², §§ 113–114), Европейский Суд не находит оснований сомневаться в том, что оспариваемая мера соответствовала интересам общества. В ситуациях, когда ухудшение состояния коммерческого рынка из-за большого количества «спящих» и неплатежеспособных компаний, для государства может быть крайне важно действовать таким образом, чтобы избежать непоправимого ущерба экономике и повысить правовую безопасность и доверие участников рынка.

5. Достигло ли вмешательство «справедливого баланса»?

(а) Общие принципы

107. Европейский Суд напоминает, что Конвенция не предусматривает института *actio popularis*. В соответствии со сложившейся пре-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

цедентной практикой Европейского Суда в рамках производств, инициированных на основании индивидуальных жалоб в соответствии со статьей 34 Конвенции, задачей Европейского Суда не является пересмотр законодательства государства-ответчика *in abstracto*. Напротив, он должен определить, составляли ли способ его применения или его влияние на заявителя нарушение Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*) жалоба № 47848/08¹, § 101, *ECHR* 2014, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08², § 136, *ECHR* 2015, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» (*Roman Zakharov v. Russia*) жалоба № 47143/06³, § 164, *ECHR* 2015, с дополнительными ссылками).

108. Кроме того, Европейский Суд обращает внимание на свою главным образом субсидиарную роль в системе защиты, предусмотренной Конвенцией. Договаривающиеся Стороны в соответствии с принципом субсидиарности несут основную ответственность за обеспечение прав и свобод, гарантированных в Конвенции и Протоколах к ней, и пользуются при этом пределами усмотрения при наличии надзорной юрисдикции Европейского Суда. Благодаря своей демократической легитимности власти государства-ответчика, как неоднократно подчеркивал Европейский Суд, обычно находятся в лучшем положении по отношению к международным судам, чтобы оценить местные потребности и условия (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хаттон и другие против Соединенного Королевства» (*Hatton and Others v. United Kingdom*) жалоба № 36022/97, § 97, *ECHR* 2003-VIII, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистиньш и Перепелкинс против Латвии», § 98, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гариб против Нидерландов» (*Garib v. Netherlands*) от 6 ноября 2017 г., жалоба № 43494/09⁴, § 137).

109. В случаях, когда законодательный орган пользуется свободой усмотрения, последняя обычно распространяется как на решение о вмеша-

тельстве в конкретную сферу, так и на подробные правила, устанавливаемые после вмешательства в целях обеспечения соответствия законодательства Конвенции и достижения им баланса между любыми конкурирующими общественными и частными интересами. Однако Европейский Суд неоднократно подтверждал, что выбор законодательного органа находится в пределах его контроля, и оценивал качество парламентского и судебного анализа необходимости введения конкретной меры. Европейский Суд счел целесообразным принять во внимание риск злоупотребления в случае смягчения меры общего характера. Оценка данного риска должны в первую очередь осуществлять власти государства-ответчика. Признано, что мера общего характера является более целесообразным средством достижения правомерной цели, чем норма, предполагающая рассмотрение индивидуальных случаев, если последняя может привести к значительному риску неопределенности, судебных разбирательств, расходов и задержек, а также к дискриминации и произволу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 106, *ECHR* 2013, с дополнительными ссылками). Европейский Суд должен тщательно изучить доводы, принятые во внимание в ходе законодательного процесса, которые привели к выбору, сделанному законодательным органом, и определить, был ли достигнут справедливый баланс между конкурирующими интересами государства или общества в целом и интересами лиц, напрямую затронутых выбором законодательного органа (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коррейя де Матуш против Португалии» (*Correia de Matos v. Portugal*) от 4 апреля 2018 г., жалоба № 56402/12⁵, § 129).

110. Необходимость поиска указанного баланса отражена в целом в структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В частности, должны существовать разумные отношения соразмерности между использованными средствами и целью, которую государство пытается достичь путем применения каких-либо мер. Таким образом, в каждом случае рассмотрения предполагаемого нарушения указанной статьи Европейский Суд должен выяснить, не было ли возложено на соответствующее лицо в результате действий или бездействия государства несоразмерное и чрезмерное бремя (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши», § 150, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана»

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

³ См.: там же. № 6 (примеч. редактора).

⁴ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 8 (примеч. редактора).

⁵ См.: там же. № 5 (примеч. редактора).

(Sargsyan v. Azerbaijan) жалоба № 40167/06¹, § 227, ECHR 2015).

111. Наконец, в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Компания «Агротексим» и другие против Греции», на которое ссылался заявитель в своих доводах, Европейский Суд постановил, что только исключительные обстоятельства могут оправдать снятие корпоративной вуали. Указанное дело не было непосредственно связано с вопросом, который поднимался в настоящем деле, о том, было ли вмешательство в право на уважение собственности обоснованным в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, но с вопросом о том, может ли акционер при каких-либо обстоятельствах утверждать, что он является жертвой по смыслу статьи 34 Конвенции в результате действий, связанных с имуществом компании. По-видимому, мотивировка Постановления Европейского Суда в данном деле состояла в том, что, поскольку компании обладали отличной от акционеров правосубъектностью, именно они, а не их акционеры могли подавать в Европейский Суд жалобы на нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, кроме случаев, когда в силу исключительных обстоятельств компании не имели такой возможности. Европейский Суд отметил (*ibid.*, § 66), что верховные суды некоторых государств – членов Совета Европы придерживаются аналогичного подхода и что данный принцип также был подтвержден в отношении дипломатической защиты компаний Международным судом ООН (далее – Международный суд) в деле «Компания «Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд»» (Barcelona Traction, Light and Power Company Limited) (Постановление от 5 февраля 1970 г., *ICJ Reports* 1970, р. 39–40, §§ 55–58). Анализируя оба аспекта указанного принципа, Международный суд в соответствующих частях постановления указал:

«55. Международный суд переходит к рассмотрению других оснований, которые потенциально могут оправдать предъявление требований властями Бельгии от имени акционеров компании «Барселона Трэкшн».

56. По тем же причинам, что и ранее, Международный суд ссылается на внутригосударственное законодательство. Организационно-правовые формы и правосубъектность юридических лиц иногда используются не только в тех целях, для которых они изначально предназначались. Иногда юридическое лицо не может защитить права лиц, которые передали ему свои финансовые ресурсы, таким образом, неизбежно возникает риск злоупотребления, как в случае многих иных правовых институтов. В настоящем деле, как и в других, закон, столкнувшись с экономическими реалиями, должен предусматривать меры и средства правовой защиты в интересах участников юридического лица, а также третьих лиц, которые вели с ним дела: закон признал, что независимое

существование юридического лица не может рассматриваться как абсолютное. Именно в данном контексте процесс «снятия корпоративной вуали» или «игнорирование корпоративной правосубъектности» был признан оправданным и справедливым при определенных обстоятельствах или для определенных целей. Обширная практика, уже накопленная по данному вопросу во внутригосударственном законодательстве, указывает на то, что снятие корпоративной вуали осуществляется, например, в целях предотвращения злоупотребления привилегиями правосубъектности, как в некоторых случаях мошенничества или должностных преступлений, в целях защиты прав третьих лиц, в частности, кредиторов или покупателей, либо в целях предотвращения уклонения от правовых требований или обязательств.

57. Следовательно, снятие корпоративной вуали чаще применяется извне, в интересах лиц, которые вели дела с юридическим лицом. Тем не менее указанный принцип также применялся изнутри в интересах, среди прочего, акционеров, но только в исключительных случаях.

58. В соответствии с изложенным выше принципом процесс снятия корпоративной вуали, который является исключительным и признается внутригосударственным законодательством в отношении созданных им же институтов, в равной степени приемлем для того, чтобы играть аналогичную роль в международном праве. Из этого следует, что в международном плане в принципе тоже могут существовать особые обстоятельства, которые оправдывают снятие корпоративной вуали в интересах акционеров».

Европейский Суд впоследствии несколько раз применял критерий, выработанный в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Компания «Агротексим» и другие против Греции», при рассмотрении требований акционеров, которые должны быть идентифицированы с компаниями в целях определения статуса «жертвы», то есть «изнутри» в формулировке Международного суда (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии», §§ 90–95, и приведенные в нем примеры). Таким образом, то направление прецедентной практики, которое сложилось на основе упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Компания «Агротексим» и другие против Греции», не может быть непосредственно использовано для содействия Европейскому Суду в разбирательстве такого дела, как настоящее, которое касается снятия корпоративной вуали компании с ограниченной ответственностью в интересах ее кредиторов, или «извне» в формулировке Международного суда. В этой связи Европейский Суд признал, что, если компания с ограниченной ответственностью использовалась лишь как фасад для мошеннических действий ее владельцев или управляющих, то снятие корпоративной вуали может быть надлежащим решением для защиты прав ее кредиторов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Ле-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (примеч. редактора).

бедев против Российской Федерации», § 877). Кроме того, в ряде дел, возбужденных кредиторами государственных компаний с ограниченной ответственностью или банков, Европейский Суд приходил к выводу о нарушении, *inter alia*, статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вследствие отказа властей государства-ответчика выплатить долг компании или банка, являвшихся предметами споров, прикрываясь корпоративной вуалью (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии», §§ 114–115, с дополнительными ссылками). В этой связи Европейский Суд ссылаясь, *inter alia*, на следующие факторы: осуществляло ли государство вывод корпоративных средств в ущерб компании и ее участников, обеспечивало ли оно независимые коммерческие отношения с компанией либо допускало ли оно иные злоупотребления корпоративной формой (*ibid.*). Указанные факторы также соответствуют подходу, принятому рядом Договаривающихся Государств (см. выше информацию о сравнительном праве, представленную сторонами и одной из третьих сторон в настоящем деле, в § 56).

112. Европейский Суд далее рассмотрит вопрос о том, был ли в настоящем деле достигнут справедливый баланс между интересами участвующих лиц (то есть между интересами заявителя в том, чтобы не нести ответственность по долгам компании L.E., интересами кредитора компании L.E. в том, чтобы его требования были полностью удовлетворены, и интересами общества в обеспечении стабильных экономических отношений). Оценивая тот факт, должно ли лицо нести индивидуальное и чрезмерное бремя по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, Европейский Суд по мере целесообразности примет во внимание изложенный выше принцип, согласно которому необходимость привлечения акционера компании с ограниченной ответственностью к ответственности по долгам компании и, таким образом, снятия корпоративной вуали должна быть обусловлена исключительными обстоятельствами и уравновешена конкретными гарантиями.

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

113. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что до вступления ФОСА в силу снятие корпоративной вуали для привлечения к личной ответственности акционера компании по долгам компании в соответствии с законодательством Словении было ограничено основаниями, изложенными в статье 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года, как описано выше, в § 34, включая злоупотребление корпоративной формой и неправомерное использование активов компа-

нии. Аналогичные положения содержатся в законодательстве ряда других Договаривающихся Государств (см. выше § 56).

114. Однако, как следует из подготовительной работы в связи с ФОСА, статья 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года более не считалась надлежащей для того, чтобы справиться с ситуацией, сложившейся в Словении к концу 1990-х годов, когда тысячи компаний, которые были созданы в соответствии с законодательством бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия, существовали только на бумаге и, кроме того, имели большие задолженности, но не имели активов. Законодательный орган Словении решил ввести новые способы работы с подобными компаниями.

115. Европейский Суд отмечает отсутствие каких-либо сомнений в том, что ФОСА повлек за собой серьезные последствия для многих физических лиц, включая заявителя, которые в результате были привлечены к личной ответственности по долгам своих компаний. Однако исключительный характер обстоятельств, которые могут оправдать снятие корпоративной вуали, по сути сводится к природе вопросов, подлежащих решению компетентным внутригосударственным судом, а не к частоте возникновения данных ситуаций. Это не означает, что подобные меры могут быть оправданы только в редких случаях (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Миллер против Швеции» от 8 февраля 2005 г., жалоба № 55853/00, § 29, в отношении вопросов в соответствии со статьей 6 Конвенции).

116. Кроме того, из подготовительной работы в связи с ФОСА (см. выше § 41) становится очевидно, что ФОСА был введен в ответ на серьезную и широко распространенную проблему в постсоциалистической Словении, которая затрагивала не менее 6 500 компаний и негативно сказывалась на некоторых основных условиях, которым компании должны были соответствовать в свободной рыночной экономике. Введение новых правил по снятию корпоративной вуали в целях привлечения акционеров «спящих» компаний к ответственности по долгам компаний, исходя из предположения о том, что они собирались прекратить деятельность компании и приняли на себя солидарную ответственность по указанным долгам, по-видимому, также было мотивировано определенной срочностью. Кроме того, согласно Постановлению Конституционного суда Словении такая ответственность была ограничена только теми акционерами компании, которые «фактически могли влиять на деятельность компании» (см. выше § 51). Конституционный суд Словении указал, *inter alia*, что необходимость дополнительной защиты кредиторов была еще сильнее в рамках ФОСА, который не предусматривал каких-либо процедур для обеспечения выплат кредиторам в слу-

чае прекращения деятельности таких компаний и в случае потенциальной чрезмерной задолженности компаний, а также каких-либо процедур как минимум для обеспечения обычной ответственности компаний с ограниченной ответственностью (Постановление от 9 октября 2002 г. № U-I-135/00, § 49, процитированное выше в § 50).

117. Действительно, указанные нормы стали предметом как минимум двух этапов законодательных изменений и судебных жалоб в Конституционный суд Словении. Так, FOCA был впервые изменен в 2007 году в целях освобождения акционеров компаний от личной ответственности, но Конституционный суд Словении аннулировал указанную поправку в том же году в целях защиты прав кредиторов (см. выше § 52). Когда законодательный орган предпринял еще одну попытку освободить акционеров компаний от личной ответственности в 2011 году (см. выше § 54), Конституционный суд Словении разрешил освобождение от ответственности, но только для компаний, исключенных из реестра после вступления в силу Закона «О финансовой деятельности компаний».

118. Из анализа соответствующих соображений в ходе подготовительной работы и мотивировки Конституционного суда Словении следует, что в рассматриваемый период, в частности, в момент принятия Постановления Конституционного суда Словении от 2002 года, были предприняты реальные усилия для достижения справедливого баланса между интересами кредиторов, исключенных из реестра компаний, и интересами акционеров таких компаний. Качество парламентского и судебного анализа необходимости этого законодательства и принятых мер позволяло оправдать широкие пределы усмотрения в отношении сделанного законодательного и судебного выбора (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства», § 109). Расхождение во взглядах законодательного органа, с одной стороны, и Конституционного суда Словении, с другой, должно рассматриваться в рамках указанных пределов усмотрения. Данное право усмотрения, однако, является ограниченным и осуществляется параллельно с надзором на европейском уровне со стороны Европейского Суда, задача которого состоит в принятии окончательного решения относительно того, совместимо ли оспариваемое вмешательство в рассматриваемом деле с правами заявителя в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии» (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway), жалоба № 21980/93, § 58, ECHR 1999-III).

119. В настоящем деле суды Словении рассмотрели личную ответственность заявителя по долгам компании L.E. в рамках исполнительного производства, возбужденного против него компанией «Словенские железные дороги». В своем решении от 12 марта 2005 г. окружной суд г. Любляны установил, что бремя доказывания статуса пассивного акционера лежит на заявителе и что он не смог доказать, что не являлся активным акционером компании L.E. Окружной суд г. Любляны решил, что, обладая долей в размере 11,11% в капитале компании, заявитель пользовался правами миноритарного акционера и, кроме того, работал в компании и активно участвовал в управлении ее деятельностью с 1993 года. В качестве исполняющего обязанности директора, а затем генерального директора он был уполномочен действовать от имени компании. Кроме того, даже после того, как он ушел с должности генерального директора, он все еще принимал активное участие в деятельности компании и подписал ходатайство о ее ликвидации. Наконец, окружной суд г. Любляны счел, что, будучи миноритарным акционером, заявитель мог и должен был предложить назначение нового директора на общем собрании компании, поскольку в соответствии с законодательством Словении все компании с ограниченной ответственностью должны иметь как минимум одного директора.

120. 9 февраля 2006 г. Высший суд г. Любляны отклонил жалобу заявителя по сути по тем же основаниям, что и суд первой инстанции. Высший суд г. Любляны отметил, *inter alia*, что Конституционный суд Словении признал меру по снятию корпоративной вуали в рамках FOCA соответствующей принципу отделения активов компании от активов ее акционеров и, следовательно, соответствующей Конституции Словении. Высший суд г. Любляны счел не относящимся к делу то обстоятельство, стал ли заявитель акционером компании L.E. до или после возникновения требования кредитора. Став акционером компании, он принял на себя ее активы и обязательства. Высший суд г. Любляны также постановил, что тот факт, что заявитель не оставался директором L.E. до момента прекращения деятельности компании, не имел решающего значения. Важное значение имело то обстоятельство, что заявитель принимал активное участие в управлении компанией и что он имел права миноритарного акционера в соответствии со статьей 445 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. выше § 37). Высший суд г. Любляны отметил, что в отличие от статьи 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года, который требовал от кредиторов компании доказать, что акционер злоупотребил корпоративной формой (см. выше § 34), FOCA ввел «неопровержимую» презумпцию, согласно которой считалось, что акционеры исключенной

из реестра компании приняли на себя солидарную ответственность по любым непогашенным долгам компании. В соответствии с Постановлением Конституционного суда Словении от 2002 года акционеры могут быть освобождены от личной ответственности только в том случае, если они докажут, что являлись «пассивными акционерами» компании (см. выше §§ 46 и 51). Наконец, Высший суд г. Любляны принял к сведению, что заявитель действительно подал ходатайство о ликвидации от имени компании L.E., но посчитал это не относящимся к делу, поскольку компания L.E. не внесла требуемую предоплату и ее ходатайство было отклонено (см. выше §§ 15 и 18).

121. Впоследствии, 9 июля 2007 г., Конституционный суд Словении решил, что нижестоящие суды правильно применили установленные им для проведения различия между активными и пассивными акционерами в конкретных обстоятельствах дела заявителя. В этой связи жалоба заявителя была отклонена как явно необоснованная.

122. Европейский Суд не видит оснований для несогласия по существу с приведенными выше доводами судов Словении. Европейский Суд не убежден доводами заявителя о том, что суды Словении должны были придавать большее значение другим факторам, которые он привел, и освободить его от личной ответственности. В принципе в задачу Европейского Суда не входит переоценка выводов судов государства-ответчика по вопросам факта. Кроме того, как установил Европейский Суд в своей прецедентной практике, презумпции факта или права действуют в каждой правовой системе. Конвенция в принципе не запрещает такие презумпции, но требует, чтобы Договаривающиеся Государства соблюдали разумные пределы, когда речь идет об уголовном праве (см. Постановление Европейского Суда по делу «Салабиаку против Франции» (*Salabiaku v. France*) от 7 октября 1988 г., § 28, Series A, № 141-A). По мнению Европейского Суда, презумпции могут быть *a fortiori* приняты в области корпоративного права, когда под угрозой находится право на уважение собственности. Кроме того, ничто не указывает на то, что способ применения соответствующего бремени доказывания в деле заявителя превысил указанные пределы (см. выше § 100).

123. Относительно конкретной ситуации рассматриваемой компании Европейский Суд также отмечает, что L.E. была преобразована из публичной компании с ограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью в ноябре 1995 года (см. выше § 13). Как пояснил Конституционный суд Словении в своем Постановлении № U-I-135/00, § 44 (протитировано выше, в § 51), компании с ограниченной ответственностью, также называемые частными компаниями с ограниченной ответственностью, значительно отличались от публичных компаний с огра-

ниченной ответственностью, особенно в части ответственности их акционеров. Заявитель признал, что компания L.E. была неплатежеспособной уже в момент ее реорганизации. Следовательно, можно сделать единственный вывод, что, будучи компанией с ограниченной ответственностью, компания L.E. изначально не была надлежащим образом капитализирована и действовала с нарушением применимых норм корпоративного права. Кроме того, несмотря на то, что компания L.E. не могла восстановить ликвидность и платежеспособность с 1995 года, она подала заявление о ликвидации только два года спустя, когда у нее явно не было каких-либо активов. Компания L.E. не смогла произвести требуемую предоплату, покрывающую расходы на соответствующее производство, в размере 626 евро и вместо этого решила подождать возбуждения производства по инициативе суда. Однако применимое законодательство изменило и исключило такую возможность, поскольку FOCA ввел более строгие положения о деятельности компаний.

124. В этом отношении необходимо отметить, что оспариваемые положения FOCA стали применяться только через год после вступления закона в силу. *Vacatio legis* в течение одного года предоставил компании L.E. и ее акционерам достаточно времени, чтобы возбудить надлежащее производство по ликвидации компании и избежать применения FOCA (в отличие от дела «Вейконь против Венгрии» (*Vékony v. Hungary*) (Постановление Европейского Суда от 13 января 2015 г., жалоба № 65681/13, § 34), в котором Европейский Суд постановил, что заявителю не было предоставлено достаточно времени, чтобы приспособиться к новой ситуации). Действительно, акционеры должны были бы покрыть расходы на проведение возбужденной ими процедуры ликвидации, но избежали бы исключения компании из реестра и личной ответственности по долгам компании. Следовательно, хотя компания L.E. не могла оплатить свои долги и осуществлять деятельность, для которой она была создана, она продолжала свое существование. В этой связи Европейский Суд не видит оснований для того, чтобы ставить под сомнение позицию Конституционного суда Словении, приведенную властями государства-ответчика, согласно которой подобные компании представляли угрозу для надлежащего функционирования рынка.

125. Кроме того, последствия снижения капитала ниже установленного законом порогового уровня и, в конечном счете, его полного исчерпания в совокупности с неспособностью в течение длительного времени возбудить процедуру ликвидации оказали значительное негативное влияние на положение кредитора компании (а именно на компанию «Словенские железные дороги»). Последний длительное время находился в состоянии неопределенности относительно того, будет ли погашена

задолженность перед ним. Такого длительного производства можно было бы избежать, если бы компания L.E. подала заявление о своей ликвидации в надлежащий срок, признав, что она не сможет восстановить наличие основных средств на достаточном уровне для продолжения своей деятельности.

126. Ссылаясь на упоминавшееся выше постановление Суда ЕС по делу «Компания “Идрима Типу АЕ” против Министерства печати и средств массовой информации Греции», заявитель утверждал, что оспариваемая мера также противоречила основополагающим принципам корпоративного права Европейского союза. Однако представляется, что его утверждение не передает надлежащим образом содержание упомянутого постановления, в § 42 которого ясно сказано:

«...хотя из анализа законодательства государств – членов ЕС очевидно... что в большинстве случаев акционеры компаний, перечисленных в статье 1 Первой директивы, не обязаны нести личную ответственность по долгам компаний, ответственность которых ограничена акциями или иным образом, из этого нельзя сделать вывод о том, что данный принцип является общим принципом корпоративного права, применимым при любых обстоятельствах и без исключения».

В указанном деле Суд ЕС установил нарушение принципа свободы учреждения и свободного движения капитала в силу того, что рассматриваемая мера позволила привлечь акционеров публичной компании с ограниченной ответственностью в телевизионном секторе к ответственности за штрафы, наложенные на данную компанию, чтобы они следили за соблюдением компанией законодательства Греции и правил добросовестного поведения, в то время как полномочия, предоставленные таким акционерам, фактически не давали им такой возможности (см. § 57 указанного Постановления). Напротив, в соответствии с ФОСА в редакции, предложенной Конституционным судом Словении в 2002 году, только те акционеры, которые могли активно влиять на деятельность компании, несли ответственность по ее долгам. Суд ЕС также указал, что сдерживающее воздействие анализируемой меры было более значительным для инвесторов из других государств – членов ЕС, чем для инвесторов из Греции. Данный аспект не рассматривался в рамках настоящего дела.

127. Следует также подчеркнуть, что сумма задолженности, выплаченная заявителем (см. выше § 31), была относительно умеренной. Кроме того, компания «Словенские железные дороги» подала иски не только против заявителя, но и против других акционеров компании L.E. (см. выше § 24). В любом случае заявитель не утверждал и тем более не обосновывал, что для него возникли какие-либо серьезные последствия в этой связи (в отличие от обстоятельств в упоминав-

шемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Васкрсич против Словении», § 83). Следовательно, в настоящем деле Европейский Суд не находит фактических оснований, чтобы прийти к выводу о том, что оспариваемая мера, основанная на установленном законом правиле о неограниченной ответственности заявителя по непогашенным долгам компании L.E., была несоизмеримой.

128. В этой связи Европейский Суд также принял во внимание механизм гарантий, который согласно пояснениям властей Словении, что не оспаривалось заявителем, был предусмотрен режимом ФОСА: помимо долгов, акционеры исключенных из реестра компаний также получили все активы данных компаний, а кредиторам исключенных из реестра компаний был предоставлен ограниченный срок в один год, чтобы добиваться исполнения своих требований от акционеров таких компаний. Кроме того, если, по мнению заявителя, он заплатил больше остальных активных акционеров компании L.E., то он мог подать гражданский иск против них в целях получения возмещения.

129. В свете вышеизложенных доводов, в частности, участия заявителя в управлении компанией, выплаченной им суммы задолженности (см. выше § 127) и ситуации, которая сложилась в Словении в соответствующий период (см. выше § 106), Европейский Суд считает, что между преследуемой целью и использованными средствами был установлен разумный баланс соразмерности. Оспариваемая мера в конкретных обстоятельствах дела не влекла за собой индивидуальное и чрезмерное бремя для заявителя и, таким образом, не выходила за пределы усмотрения государства в этой области (см. выше §§ 105 и 118).

6. Заключение

130. Соответственно, по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

- 1) единогласно отклонила предварительные возражения властей Словении;
- 2) постановила 15 голосами «за» при двух – «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 11 декабря 2018 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН
Секретарь Секции
Суда

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совместное совпадающее мнение судей Гвидо Раймонди, Ангелики Нуссбергер, Пауля Лемменса, Жоржа Раварани, Петера Пачолаи и Боштьяна Залара;

(б) совместное особое мнение судей Ксении Туркович и Стефани Муру-Викстрём.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ГВИДО РАЙМОНДИ, АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР, ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА, ЖОРЖА РАВАРАНИ, ПЕТЕРА ПАЧОЛАИ И БОШТЬЯНА ЗАЛАРА

1. Мы присоединились к большинству судей, не установив нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Однако при всем уважении мы позволим себе не согласиться с утверждением о том, что «необходимость привлечения акционера компании с ограниченной ответственностью к ответственности по долгам компании и, таким образом, снятия корпоративной вуали должна быть обусловлена исключительными обстоятельствами и уравновешена конкретными гарантиями» (см. § 112 настоящего Постановления). По нашему мнению, ссылка на «исключительные обстоятельства» неуместна или вводит в заблуждение в таком деле, как настоящее.

А. ТРЕБОВАНИЕ О НАЛИЧИИ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» НЕ СЛЕДУЕТ ПРИМЕНЯТЬ В КОНТЕКСТЕ КРИТЕРИЯ «СПРАВЕДЛИВОГО БАЛАНСА»

2. Внутригосударственное законодательство должно определять, при каких условиях юридическое лицо, созданное одним или несколькими лицами, может быть наделено правосубъектностью, и в какой степени правосубъектность компании отделена от правосубъектности ее акционеров. Если законодательство страны предусматривает, что компания определенного типа обладает отдельной правосубъектностью, суды, включая международные, должны принимать во внимание характеристики такой правосубъектности. Соответственно, в принципе только компания может действовать в защиту своих прав, и только компания может нести ответственность по своим обязательствам.

3. Из данного принципа имеются исключения. Как пояснил Международный суд ООН в Постановлении по делу «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”», которое приведено в § 111 настоящего Постановления, снятие корпоративной вуали допускается внутригосударственным законодательством многих,

если не всех, государств «в интересах лиц изнутри юридического лица, а также лиц извне юридического лица, которые имели дело с таким юридическим лицом» (Постановление Международного суда ООН по делу «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» («Бельгия против Испании») (Barcelona Traction, Light and Power Company Limited) (Belgium v. Spain)¹ от 5 февраля 1970 г., *ICJ Reports* 1970, p. 40, § 56). Международный суд ООН указал на различную периодичность рассмотренных ситуаций: в то время, как «снятие корпоративной вуали чаще применяется извне, в интересах лиц, которые вели дела с юридическим лицом... указанный принцип также применялся изнутри в интересах, среди прочего, акционеров, но только в исключительных случаях» (*ibid.*, p. 40, § 57). На основе анализа внутригосударственных законов Международный суд ООН пришел к выводу, что процесс снятия корпоративной вуали, «который является исключительным и признается внутригосударственным законодательством в отношении созданных им же институтов, в равной степени приемлем для того, чтобы играть аналогичную роль в международном праве». В частности, Международный суд ООН признал наличие «особых обстоятельств, которые оправдывают снятие корпоративной вуали в интересах акционеров» (*ibid.*, p. 40, § 58).

Дело «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» касалось требования государства, действующего от имени акционеров, которые являлись его гражданами. Европейский Суд ссылаясь на указанное постановление при решении вопроса о том, могут ли отдельные акционеры (сами юридические лица) подать жалобы в Европейский Суд на нарушение прав их компаний. Европейский Суд заключил (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Агротексим” и другие против Греции» (Agrotexim and Others v. Greece) от 24 октября 1995 г., § 66, Series A, № 330-A):

«...“снятие корпоративной вуали” или игнорирование корпоративной правосубъектности оправдано только в исключительных обстоятельствах, в частности, когда четко установлено, что у компании отсутствует возможность обратиться в конвенционные органы, учрежденные в соответствии с ее уставом или в случае ликвидации через ее ликвидаторов».

Мы бы хотели подчеркнуть, что в ситуациях, аналогичных тем, что были рассмотрены в делах «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» и «Компания “Агротексим” и другие против Греции», снятие корпоративной вуали осуществляется в соответствии с общим принципом (корпоративного) права, применяемым в интересах акционеров. В таком особом

¹ Так в тексте. В параграфе 111 настоящего Постановления это название дела не указано (*примеч. редактора*).

контексте требование о наличии исключительных обстоятельств вполне понятно и четко применимо: снятие корпоративной вуали является отступлением от общего правила отделения правосубъектности компании от правосубъектности ее акционеров, как определено законодательным органом.

4. Настоящее дело имеет иной характер. Большинство судей признали наличие этой разницы и даже отметили, что «то направление прецедентной практики, которое сложилось на основе упоминавшегося выше дела “Компания “Агротексим” и другие против Греции”, не может быть непосредственно использовано для содействия Европейскому Суду в разбирательстве такого дела, как настоящее, которое касается снятия корпоративной вуали компании с ограниченной ответственностью в интересах ее кредиторов...» (см. выше § 111). Судьи Европейского Суда, тем не менее, постановили, как указано выше, что снятие корпоративной вуали в таком деле, как настоящее, может быть допустимым в соответствии с Конвенцией только в тех случаях, когда такая «необходимость обусловлена исключительными обстоятельствами» (см. § 112 настоящего Постановления). Несмотря на формулировку, свидетельствующую об обратном, данное утверждение представляется прямым применением критерия, установленного в деле «Компания “Агротексим” и другие против Греции», к настоящему делу.

Различие между указанными двумя видами дел заключается не только в том, кто извлекает выгоду из снятия корпоративной вуали: акционеры (как в делах «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» и «Компания “Агротексим” и другие против Греции») или кредиторы компании (как в настоящем деле). Различие носит фундаментальный характер и касается правовых оснований снятия корпоративной вуали: в первом случае, как указано выше, правовым основанием является общий принцип права, допускающий отступление от общего правила, установленного законодательным органом, во втором случае сам законодательный орган при определенных условиях допускает отступление от общего правила о том, что отдельные акционеры не несут ответственности по долгам компаний¹.

Мы не считаем, что Европейский Суд должен ограничивать пределы усмотрения внутригосударственных законодательных органов при установлении ими такой правосубъектности юридических лиц, которую они считают надлежащей. В част-

ности, по нашему мнению, в принципе² ничто не должно препятствовать законодательному органу в принятии решения о том, что отдельный акционер может нести ответственность по долгам компании или в определении обстоятельств, при которых это может и должно иметь место. Решение о том, что законодательный орган может делать это только «в исключительных обстоятельствах» (неясное понятие, фактически оставленное на усмотрение Европейского Суда), по нашему мнению, является неоправданным ограничением пределов усмотрения, которыми располагает внутригосударственный законодательный орган.

Нам непонятно, как такое ограничение может следовать из статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Фактически большинство судей превращают принцип (исключительно) корпоративного права (принцип отделения правосубъектности компаний от правосубъектности их акционеров и вытекающей из этого ограниченной ответственности акционеров, от которого законодательный орган может свободно отступать) в принцип Конвенции (от которого законодательный орган может отступать только «в исключительных обстоятельствах»).

Наконец, мы считаем, что включение большинством судей требования о наличии «исключительных обстоятельств» в состав общих принципов, которые должны применяться, создает некоторую неопределенность. Действительно, когда речь идет о применении общих принципов, требование о наличии «исключительных обстоятельств» упоминается только в § 115 настоящего Постановления. Большинство судей поясняют, что «исключительный характер обстоятельств, которые могут оправдать снятие корпоративной вуали, по сути сводится к природе вопросов, подлежащих решению компетентным внутригосударственным судом, а не к частоте возникновения таких ситуаций». Однако «это не означает, что подобные меры могут быть оправданы только в редких случаях». При этом, когда речь идет о конкретных критериях для установления справедливого баланса (см. §§ 116–129 настоящего Постановления), требование о наличии исключительных обстоятельств не упоминается.

В. УСТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОГО БАЛАНСА В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

5. Даже если оставить в стороне критерий «исключительных обстоятельств», это не будет означать, что выбор законодательного органа находится вне контроля Европейского Суда. Как указано выше, Конвенция требует, чтобы при

¹ Мы не выражаем мнения относительно того, в какой степени в отсутствие четкой законодательной нормы общий принцип права допускает снятие корпоративной вуали в интересах третьих лиц, таких как кредиторы компании. Данный вопрос был кратко рассмотрен в упоминавшемся деле «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» (*ibid.*, р. 40, § 56, *in fine*) и как таковой не имеет отношения к настоящему делу.

² Мы используем выражение «в принципе», поскольку законодательный орган ограничен требованием достижения справедливого баланса между соответствующими правами и интересами (см. пункт 5 настоящего особого мнения).

вмешательстве законодательного органа в права собственности отдельных лиц был соблюден справедливый баланс между правами лиц, напрямую затронутых законодательным выбором, и конкурирующими интересами государства или общества в целом (см. § 109 настоящего Постановления).

Оценка того, был ли достигнут справедливый баланс, зависит от всех обстоятельств дела. Мы считаем, что не имеет значения, являются ли эти обстоятельства «исключительными», какое бы значение ни придавалось данному термину. Мы принимаем в качестве факта систему, установленную законодательным органом.

Что имеет значение, так это наличие у законодательного органа соответствующих и достаточных оснований для вмешательства, существование разумных отношений соразмерности между используемыми средствами и целью, которую государство пыталось достичь путем применения каких-либо мер (см. § 110 настоящего Постановления), а также возложение на заявителя индивидуального и чрезмерного бремени (см. §§ 110 и 112 настоящего Постановления).

6. Мы кратко остановимся на оценке того, был ли достигнут справедливый баланс в настоящем деле.

Прежде всего мы отмечаем, что вмешательство в права заявителя стало результатом меры общего характера, принятой законодательным органом. Действительно, FOCA определил ситуации, в которых акционеры могут быть привлечены к ответственности по долгам своих компаний. Судам Словении необходимо было только установить, соответствует ли положение заявителя ситуации, предусмотренной законом (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*) жалоба № 58278/00, § 114, *ECHR* 2006-IV), разумеется, наряду с проверкой того, было ли вмешательство в право заявителя на уважение его собственности совместимо со стандартами Конвенции.

Для определения того, установила ли мера общего характера справедливый баланс между рассматриваемыми конкурирующими интересами, Европейский Суд должен прежде всего оценить лежащий в ее основе законодательный выбор. Однако применение меры общего характера к обстоятельствам дела по-прежнему свидетельствует о ее фактическом воздействии и, следовательно, является существенным для оценки ее соразмерности (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 108, *ECHR* 2013, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коррейя де Матуш против Португалии» (*Correia*

de Matos v. Portugal) от 4 апреля 2018 г., жалоба № 56402/12¹, § 129).

7. В этом отношении мы согласны с общим подходом, принятым большинством судей при применении общих принципов к настоящему делу: сначала они изучили законодательную базу как таковую (см. §§ 113–118 настоящего Постановления), а затем применили изученное законодательство к делу заявителя (см. §§ 119–128 настоящего Постановления).

В частности, мы согласны с тем, что законодательный орган создал систему, способную достичь справедливый баланс между интересами кредиторов исключенных из судебного реестра компаний и интересами акционеров таких компаний (см. § 118 настоящего Постановления), и что качество парламентского и судебного анализа необходимости этого законодательства и принятых мер позволяло оправдать широкие пределы усмотрения в отношении сделанного законодательного и судебного выбора (*ibid.*)². Наконец, мы согласны с тем, что при обстоятельствах настоящего дела на заявителя не было возложено индивидуального и чрезмерного бремени (см. § 129 настоящего Постановления).

На основании указанных соображений мы согласны с выводом о том, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КСЕНИИ ТУРКОВИЧ И СТЕФАНИ МУРУ-ВИКСТРЕМ

(Частичный перевод)

1. При всем уважении мы не можем присоединиться к выводу большинства судей об отсутствии нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

А. ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ЖАЛОБЫ И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ FOCA

2. По нашему мнению, законодательный орган может свободно отступать от принципа отделения правосубъектности компании от правосубъектности ее акционеров, но он не вправе делать это с обратной силой в отношении долгов, возникших в период применения доктрины корпоративной вуали. При таких обстоятельствах акционеры

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018 № 5 (примеч. редактора).

² Мы пришли к такому выводу, несмотря на решение Конституционного суда Словении, согласно которому оспариваемая мера, введенная FOCA, не представляет собой вмешательство в права акционеров, гарантированные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. § 38 Постановления Конституционного Суда Словении от 9 октября 2002 г. № U-I-135/00, упомянутого в §§ 48–52 настоящего Постановления).

должны иметь законное ожидание того, что корпоративная вуаль не будет снята и что какое-либо вмешательство в их права собственности будет иметь место только в тех случаях, когда оно отвечает интересам общества. При этом данное вмешательство должно быть необходимым в демократическом обществе. Мы также полагаем, что только исключительный характер обстоятельств может оправдать снятие корпоративной вуали. Однако в настоящем деле отсутствовали какие-либо исключительные обстоятельства, при этом надлежащий критерий баланса не был предусмотрен законом и не применялся судами Словении.

3. Принимая ФОСА (Закон «О финансовой деятельности компаний»), который вступил в силу 23 июля 1999 г., власти Словении стремились решить проблему тысяч так называемых спящих, или неактивных, компаний, которые, имея высокий уровень задолженности и в большинстве случаев (92%) не имея в штате сотрудников, предположительно представляли угрозу для экономики Словении.

4. Тем не менее указанное новое законодательство было призвано обеспечить простое и эффективное разрешение ситуации, развитие которой допустило само государство и за которую оно по этой причине несет определенную степень ответственности. ФОСА был принят в 1989 году, за два года до того, как Словения получила независимость в 1991 году. Будучи независимой и свободной от оков социалистической системы, Словения решила по-прежнему применять данное законодательство, хотя у нее не было соответствующей обязанности. Следовательно, данное решение, касающееся экономической политики, было принято новым независимым государством. В этом контексте важно отметить, что проблемы, созданные законодательством, в значительной степени возникли после получения независимости и в действительности не были унаследованы от социалистической эпохи (большинство судей заняли другую позицию, см. § 106 настоящего Постановления). Благодаря своевременному реагированию власти Словении могли бы предотвратить ситуацию или, по крайней мере, значительно ограничить ее последствия.

5. Был ли законодательный орган в любом случае косвенно уполномочен занимать позицию, согласно которой переход к рыночной экономике и наличие (по общему признанию) критически большого количества компаний-«живых мертвецов», то есть возникновение ситуации, которая фактически была создана самим государством и которая могла представлять собой преимущественно и объективно, без какого-либо анализа на индивидуальной основе исключительные обстоятельства, которые оправдывали снятие корпоративной вуали?

6. С аналогичной ситуацией столкнулись и другие государства, которые ранее входили в состав

бывшей Югославии, но они не приняли таких радикальных мер в ущерб акционерам и не столкнулись в результате этого с какими-либо негативными последствиями. В отличие от большинства судей мы не считаем, что ситуация в Словении представляет собой исключительные обстоятельства, которые оправдывали бы снятие корпоративной вуали при наличии специальных гарантий (см. § 106 настоящего Постановления во взаимосвязи с §§ 112 и 116 настоящего Постановления). Кроме того, большинство судей не дали какого-либо определения исключительных обстоятельств. По нашему мнению, стандарт, установленный в Постановлении Европейского Суда по делу «Компания “Агротексим” и другие против Греции» (Agrotexim and Others v. Greece) (от 24 октября 1995 г., § 66, Series A, № 330 A), который был разработан в контексте жалобы акционера для подтверждения статуса «жертвы» по смыслу статьи 34 Конвенции, чтобы акционеры могли обращаться за защитой своих интересов в Европейский Суд, не может прямо применяться к случаям, когда снятие корпоративной вуали имеет место в целях возложения ответственности на акционеров.

7. Механизм, введенный ФОСА, предусматривал, что «активные акционеры» (имеющие 10% или более долей участия в компании) должны были подать заявление о ликвидации в течение одного года после вступления в силу законодательства, в противном случае они несли личную ответственность по любым долгам. Новая схема была введена во избежание процедур прекращения деятельности, которые были бы длительными и дорогостоящими для государства (см. § 43 настоящего Постановления). Однако данное упрощенное производство в целях исключения «спящих» компаний из судебного реестра могло лишить кредиторов возможности защитить свои интересы за счет активов исключенных из реестра компаний (см. § 52 настоящего Постановления). Таким образом, снятие корпоративной вуали было введено для того, чтобы служить «общим интересам» защиты кредиторов, а также учитывать интересы акционеров (см. § 50 настоящего Постановления). Тем самым государство отдавало предпочтение защите интересов кредиторов перед интересами акционеров и фактически полностью возлагало расходы на проведение упрощенного производства на плечи акционеров, которые только принимали корпоративные решения в рамках разумных коммерческих рисков, как и кредиторы. Акционеры были вынуждены платить за ненадлежащие политические решения государства и за неправильные коммерческие решения как акционеров, так и кредиторов, либо просто за сложные экономические условия, которые существовали в Словении в соответствующий период времени. Следовательно, мы полагаем, что акционеры были вынуждены нести чрезмерное бремя при введении упрощенного про-

изводства по исключению «спящих» компаний из судебного реестра.

8. Мы считаем, что данное положение является явно необоснованным и возлагает чрезмерное бремя на некоторых акционеров компании исключительно потому, что они не инициировали процедуру ликвидации. Лица, обратившиеся с заявлением о возбуждении процедуры ликвидации, освобождались от личной ответственности за свои активы (см. выше § 42). Таким образом, их собственность находилась в безопасности и была защищена законом исключительно на основании того, что они выполнили административные формальности. Данная мера является суровой и фактически безграничной финансовой санкцией, в то время как простой штраф и приказ об оплате производства по ликвидации достигли бы той же цели. Отсутствовала необходимость принимать подобные радикальные меры в отношении акционеров, которые не воспользовались какими-либо преимуществами корпоративной вуали (то есть не совершили преступлений, не уклонялись от налоговых обязательств, не создавали фиктивные компании, не принимали решения, противоречащие государственной политике, не использовали корпоративную форму для нарушения прав человека и т.д.).

9. В то же время снятие корпоративной вуали стало мерой защиты для кредиторов в рамках упрощенного производства по исключению компаний из судебного реестра. Данная защита потенциально могла бы быть большей по сравнению с той, что была доступна в рамках процедуры ликвидации, поскольку соответствующие акционеры несли ответственность по долгам вплоть до стоимости всего их имущества, а у «спящих» компаний зачастую не было активов. Следовательно, ФОСА создал преимущества для кредиторов в ущерб акционерам в части задолженностей, возникших до принятия ФОСА.

10. Кроме того, после исключения компании из судебного реестра акционеры более не могли избежать личной ответственности. Их личная ответственность по долгам компаний возникала автоматически, если было установлено, что они владеют долей в уставном капитале как минимум в размере 10%. Отсутствовала возможность привлечь во внимание какие-либо личные обстоятельства. Кроме того, не были предусмотрены какие-либо ограничения на сумму, которая могла быть у них истребована. Закон не предусматривал и не создавал возможности для проверки соблюдения баланса. Соответственно, ФОСА резко отступил от принципа, согласно которому в целях снятия корпоративной вуали бремя доказывания лежало на кредиторах.

11. Властям Словении не удалось надлежащим образом определить общие интересы, которые, как было указано, оправдывали введение данного законодательства. Может ли эта мера, ставящая под

сомнение защиту акционеров, которые полагали, что они были защищены самой структурой компании с ограниченной ответственностью, рассматриваться как соответствующая общим интересам? Можно ли рассматривать безусловную защиту кредиторов как «основание преобладающего общего интереса» (см. § 50 настоящего Постановления)? Это не так, тем более, что закон не содержал требования о проведении анализа соразмерности меры, и такой анализ не проводился на внутригосударственном уровне, когда дело рассматривалось исключительно в соответствии со статьей 6 Конвенции, без рассмотрения его в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Как мы указывали ранее, в распоряжении государства имелись гораздо менее радикальные средства, чтобы «заставить» акционеров *bona fide* ликвидировать «спящие» компании или соразмерно наказать их за невыполнение этой обязанности.

12. Мы считаем, в отличие от большинства судей, что ФОСА не отвечает требованиям соразмерности. Указанный закон оказал негативное влияние на субъекты хозяйственной деятельности, особенно на небольших инвесторов. Законодательный орган учредил систему, которая создала дисбаланс в защите интересов кредиторов и акционеров *bona fide* в ущерб последним. Это было признано самим законодателем. ФОСА просуществовал недолго и применялся в течение ограниченного периода времени. Он был отменен уже к 2011 году, поскольку считался несправедливым по отношению к заинтересованным акционерам и в долгосрочной перспективе причиняющим ущерб экономике (см. § 54 настоящего Постановления). Как таковой он фактически не отвечал интересам общества или по крайней мере не обеспечивал надлежащего баланса между интересами общества и интересами акционеров.

13. Его последствия для активов затронутых им акционеров были явно несоразмерными.

В. ПРИМЕНЕНИЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗАКОНА К ЗАЯВИТЕЛЮ

14. Условия, в которых заявитель занял ответственную должность в компании L.E., особенно показательны. Приобретя небольшую долю в размере 11,11% от капитала компании в 1992 году, в 1993 году он работал в отделе информационных технологий. Заявитель стал исполняющим обязанности директора только 23 февраля 1993 г. и генеральным директором 23 февраля 1995 г. вследствие трагического несчастного случая, в результате которого два главных директора погибли, а два других акционера получили травмы. Следовательно, заявитель оказался на руководящей должности практически «против своей воли» вследствие указанных драматических событий.

15. Ввиду обстоятельств, в которых заявитель принял на себя обязанности в компании L.E., а также из-за информации о его личности мы не считаем, вопреки мнению большинства судей, что заявителя можно считать хорошо информированным предпринимателем, осведомленным о правилах экономического управления компанией и процедурах коммерческого права, даже если следует справедливо отметить, что он мог ознакомиться с применимыми нормами и своими личными обязанностями, обратившись за консультацией к юристу. Однако поскольку компания не получала прибыль, возникают сомнения в том, что у него для этого имелись ресурсы.

16. В 1993 году компания «Словенские железные дороги» подала гражданский иск против компании L.E. с требованием выплаты задолженности, которая возникла задолго до того, как заявитель стал акционером компании.

17. В 1996 году заявитель принял решение уйти с должности генерального директора, хотя L.E. была компанией с ограниченной ответственностью с 1995 года. Следовательно, заявитель явно выразил желание уйти из компании, хотя он мог на законных основаниях полагать, что он был защищен корпоративной вуалью. Его намерение состояло не в том, чтобы скрыть какие-либо ненадлежащие действия или совершить правонарушение, а в том, чтобы уйти с руководящей должности. Техническая ошибка в реестрах компании привела к тому, что он остался ее генеральным директором.

18. В 1997 году заявитель от имени компании L.E. инициировал процедуру ликвидации, что мог сделать любой миноритарный акционер в соответствии со статьями 445 и 455 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года. Однако сбор за публикацию в «Официальном вестнике Республики Словения» не был оплачен, поскольку, по словам заявителя, другие акционеры отказывались платить. С учетом этого пояснения, которое не было опровергнуто властями Словении, разумно ли было ожидать, что он понесет указанные расходы самостоятельно? Можно ли считать его лично виновным? Мы так не думаем, поскольку обязанность оплатить сбор должна лежать на всех акционерах, даже если с юридической точки зрения заявитель мог оплатить его сам. Должна иметь

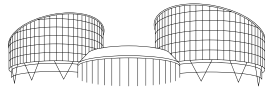
место коллективная ответственность различных лиц, входящих в состав компании с ограниченной ответственностью, а не только одного акционера, который, кроме того, стремился уйти из компании с 1995 года.

19. В то же время решение об исключении компании L.E. из судебного реестра не было доведено до сведения лично заявителя или какого-либо иного акционера, хотя заявитель должен был быть уведомлен об этом ввиду значительных последствий данного решения для его имущества. Нельзя считать, что в результате направления уведомления исключительно в головной офис компании L.E. заявитель получил информацию о нем и мог оспорить данную меру.

20. Снятие корпоративной вуали для обращения взыскания на личные активы акционера в компании с ограниченной ответственностью служит санкцией за какие-либо злоупотребления, мошеннические действия или предвзятое поведение со стороны акционера, который может прикрываться защитой, чтобы скрыть правонарушения. Однако не было доказано и даже не утверждалось, что заявитель в настоящем деле действовал незаконно. Следовательно, единственной целью снятия корпоративной вуали являлась попытка взыскать задолженность, которая не имела к заявителю никакого отношения, поскольку он не владел долями компании на момент регистрации задолженности. Заявитель не мог влиять на принятие решения, в результате которого возникла задолженность перед компанией «Словенские железные дороги», но, как оказалось, должен был возместить сумму в размере 32 795 евро, поскольку закон не устанавливал максимального предела в отношении суммы, выплаты которой можно было потребовать от заявителя. Если бы задолженность была в 10 или в 100 раз выше, он был бы обязан возместить эту сумму в полном объеме на тех же основаниях без учета его личной ситуации.

21. Соответственно, снятие корпоративной вуали имело несоразмерные последствия для права собственности заявителя.

22. В свете вышеизложенного мы придерживаемся мнения о том, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии»¹

(Жалоба № 78103/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 31 января 2019 г.

По делу «Фернандеш де Оливейра против Португалии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Ангелики Нуссбергер,
Линос-Александра Сицилианоса,
Роберта Спано,
Луиса Лопеса Герра,
Ишиль Каракаш,
Пауло Пинто де Альбукерке,
Бранко Лубарды,
Йонко Грозева,
Шиофры О'Лири,
Карла Ранзони,
Мартиньша Митса,
Армена Арутюняна,
Алёны Полачковой,
Паулиине Коскело,
Жольен Шуккинг,
Петера Пачолаи, *судей,*

а также при участии Франсуазы Эленс-Пассос, *заместителя Секретаря-канцлера Суда,*

рассмотрев дело в открытых заседаниях 7 марта и 14 ноября 2018 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 78103/14, поданной против Португальской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав челове-

ка и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Португальской Республики Марией да Глорией Фернандеш де Оливейра (*Maria da Glória Fernandes de Oliveira*) (далее – заявительница) 4 декабря 2014 г.

2. Интересы заявительницы представляли адвокаты Ж. Паис до Амарал (*J. Pais do Amaral*), А. Перейра де Соуза (*A. Pereira de Sousa*) и С. Ботельо (*C. Botelho*), практикующие в г. Коимбра (*Coimbra*). Власти Португалии были представлены их Уполномоченной при Европейском Суде М.Ф. да Граса Карвальо (*M.F. da Graça Carvalho*).

3. Заявительница жаловалась на нарушение статьи 2 Конвенции в связи с тем, что ее сын А.Ж. совершил самоубийство в результате халатности со стороны сотрудников психиатрической больницы, где он добровольно проходил лечение. Заявительница также жаловалась на нарушение статьи 6 Конвенции вследствие длительности производства по гражданскому делу по ее жалобе в отношении больницы.

4. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 28 марта 2017 г. Палата Четвертой Секции в следующем составе: Анны Юдковской, Председателя, Ноны Цоцория, Пауло Пинто де Альбукерке, Кшиштофа Войтычека, Эгидиуса Куриса, Юлии Антоанеллы Моток и Марко Бошняка, судей, а также при участии Андреа Тамиэтти, заместителя Секретаря Секции Суда, – объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу. В своем Постановлении, вынесенном в тот же день, Палата Европейского Суда единогласно пришла к выводу, что по делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом и процессуально-правовом аспектах. В соответствии со статьей 43 Конвенции 27 июня 2017 г. власти Португалии ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение Большой Палатой Европейского Суда. 18 сентября 2017 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила это ходатайство.

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда. Судья Луис Лопес Герра, чей срок полномочий истек во время производства по делу, продолжил рассматривать дело в соответствии с пунктом 3 статьи 23 Конвенции и пунктом 4 правила 24 Регламента Европейского Суда. Судья Петер Пачолаи, запасной судья, заменил судью Хелену Ядерблом, которая не могла продолжать участие в деле (пункт 3 правила 24 Регламента Европейского Суда).

6. Заявительница и власти Португалии представили письменные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда во взаимосвязи с пунктом 1 правила 71 Регламента Европейского Суда).

¹ Перевод с английского языка А.С. Новиковой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 31 января 2019 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

7. Открытое слушание по делу состоялось 7 марта 2018 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Португалии:

М. де Фатима да Граса Карвальо, Уполномоченная Португалии при Европейском Суде,

А. Гарсиа Маркес (A. Garcia Marques),

А. Жозе Пирес Прету (A. José Pires Preto), советники;

(b) со стороны заявителя:

А. Перейра де Соуза, адвокат,

С. Ботельо,

С. Фернандеш да Сильва (C. Fernandes da Silva), советники.

Европейский Суд заслушал выступления М.Ф. да Граса Карвальо, А. Перейра де Соуза и А. Жозе Пирес Прету, а также их ответы на вопросы судей Европейского Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявительница родилась в 1937 году и проживает в г. Сейра (Seira), Португалия.

9. Обстоятельства дела, как они были установлены судами Португалии и представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

A. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛА

10. Сын заявительницы А.Ж. родился 29 мая 1964 г.

11. А.Ж. страдал некоторыми психическими расстройствами, и на протяжении нескольких лет врачи ставили ему несколько возможных диагнозов, таких как шизофрения или тяжелая депрессия. У заявителя также наблюдалась патологическая зависимость от алкоголя и медицинских препаратов (*medicamentos*), он вел себя агрессивно по отношению к матери и сестре. Согласно заключению эксперта, полученному после смерти А.Ж. в ходе производства в судах Португалии (см. ниже § 33), он также мог страдать пограничным расстройством личности.

12. А.Ж. был госпитализирован в психиатрическую больницу «Собрал Сид» в г. Коимбре (*Hospital Psiquiátrico Sobral Cid*, далее – больница или больница г. Коимбры) с его согласия восемь раз:

1) с 5 по 8 августа 1984 г.;

2) с 15 марта по 3 апреля 1985 г., когда в течение как минимум части периода его нахождения в больнице ему было запрещено покидать ее;

3) с 15 по 28 ноября 1985 г.;

4) с 10 по 18 ноября 1993 г., после его доставления в больницу сотрудниками полиции, прибывшими к нему домой по вызову после семейной ссоры. Он был освобожден по его просьбе после заполнения соответствующих документов;

5) с 1 по 12 февраля 1993 г.;

6) с 1 по 3 сентября 1999 г., когда он поступил в больницу 1 сентября в порядке оказания неотложной медицинской помощи (диагноз «хронический алкоголизм»). Он был отпущен по рекомендации врача после заполнения соответствующих документов;

7) с 12 декабря 1999 г. по 14 января 2000 г., когда он был госпитализирован после приступа бредового состояния и направлен в больницу из отделения неотложной помощи. В начале его нахождения в больнице ему было запрещено покидать здание, в котором он содержался;

8) со 2 по 27 апреля 2000 г., когда заявитель дважды покидал здание больницы без разрешения, 3 и 27 апреля 2000 г.

13. Из истории болезни А.Ж. следует, что степень его зависимости от медицинской помощи (*grau de dependência*) отличалась в разные периоды его нахождения в больнице: иногда ему требовалось оказание лишь частичной помощи, в некоторых случаях – полной или интенсивной. Были также периоды, когда степень зависимости А.Ж. от медицинской помощи не фиксировалась в медицинских документах, например, в последний период его лечения в 2000 году. В промежутках между нахождением в больнице А.Ж. получал консультации у врача больницы в амбулаторном режиме, но это было редко.

14. По утверждению властей Португалии, нахождение А.Ж. в больнице каждый раз было связано с чрезвычайными обстоятельствами либо с последствиями алкогольной интоксикации, и только последний раз он поступил в больницу после попытки самоубийства.

15. В течение некоторых периодов нахождения А.Ж. в больнице ему разрешалось проводить выходные дома с семьей: три выходных в течение периода с 12 декабря 1999 г. по 14 января 2000 г. и два выходных – со 2 по 27 апреля 2000 г.

V. СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ СМЕРТИ А.Ж.

16. В марте 2000 года А.Ж. поехал в г. Лиссабон для того, чтобы восстановить свои водительские права для управления грузовыми автомобилями, но эта попытка оказалась безуспешной. 1 апреля 2000 г. он попытался покончить жизнь самоубийством, приняв большое количество лекарств, и был доставлен в отделение неотложной помощи больницы г. Коимбры.

17. 2 апреля 2000 г. А.Ж. с его согласия был переведен в больницу из отделения неотложной

помощи (это был последний период его пребывания в больнице, см. выше § 12). Его лечащим врачом была А.А., которая наблюдала А.Ж. с декабря 1999 года. Согласно документам, предоставленным администрацией больницы и датированным 2 апреля 2000 г., а также свидетельским показаниям врача А.А., попытка самоубийства могла быть вызвана отказом в восстановлении водительских прав. По словам врача, у А.Ж. началась депрессия, он думал, что его жизнь больше не имеет смысла, он чувствовал себя маргиналом, неспособным достигнуть какой-либо цели в жизни.

18. В течение первой недели его нахождения в больнице в отношении А.Ж. действовал ограничительный режим, хотя он дал согласие на лечение (см. ниже § 54). Он должен был носить в пижаму в корпусе № 8, где находилась общая мужская психиатрическая клиника (госпитализация по причине острых случаев), и ему не было разрешено покидать клинику. Однако из документов, предоставленных администрацией больницей, следует, что 3 апреля 2000 г., после обеда, заявитель покинул здание больницы и отправился домой. Около 13.30 муж сестры доставил А.Ж. обратно. В течение второй и третьей недель пребывания в больнице, учитывая улучшение состояния А.Ж., ограничительный режим в отношении него был отменен, и ему было разрешено передвигаться за пределами корпуса и по территории больницы. Такой режим оставался без изменений вплоть до смерти А.Ж. 27 апреля 2000 г. (см. ниже § 28). В данный период ему было разрешено проводить два выходных дня дома.

19. Во второй выходной день А.Ж. было разрешено поехать домой и провести Пасху с заявительницей и другими членами семьи. Он ушел из больницы в пятницу 21 апреля 2000 г., в 10.00, после завтрака и должен был вернуться в среду 26 апреля 2000 г., после завтрака. Врач А.А. отсутствовала в тот период (она уехала 19 апреля 2000 г.), ее заменял врач Е.Р., который видел А.Ж. два раза перед тем, как последний уехал домой на пасхальные выходные.

20. Во вторник 25 апреля 2000 г., примерно в 22.30, заявительница отвезла А.Ж. в отделение неотложной помощи университетской больницы г. Коимбры, так как А.Ж. выпил много алкоголя. Протокол осмотра пациента, составленный около полуночи, содержал следующие сведения:

«Пациент госпитализирован в больнице, находится под наблюдением врача А.А. Пациент проводил выходные дома и, по-видимому, вел себя безрасчетно, поскольку выпил много алкоголя. Ранее у него были зафиксированы случаи психических расстройств, депрессии и повторяющиеся попытки самоубийства, которые, однако, не наблюдались в течение этих выходных. Отправлен обратно в больницу, где проходит лечение».

А.Ж. были прописаны лекарства для приема в исключительных случаях, и из документов, предоставленных больницей, следует, что заявителю

давали данные препараты в больнице 26 апреля 2000 г., около 2.00.

21. Согласно записям, сделанным 26 апреля 2000 г. врачами больницы с 8.00 до 16.00, А.Ж. оставался в постели и вставал только, чтобы поесть. Ему звонила сестра, она же приходила его навещать. Во время дежурств с 16.00 по 24.00 и с 00.00 по 8.00 не было сделано каких-либо записей. Суды Португалии признали, что А.Ж. принимал лекарства в течение всего дня, но заявительница оспаривала этот факт, ссылаясь на отсутствие записей в документах больницы.

22. Записи возобновились 27 апреля 2000 г., в 8.00. Медсестра отметила, что с 8.00 до 16.00 поведение А.Ж. было спокойным и что он гулял около корпуса № 8. Согласно устным показаниям одной медсестры, а также больничным записям он хорошо ел, в том числе во время полдника, около 16.45.

23. В записях больницы не упоминается, что дежурный врач осматривал А.Ж. после возвращения последнего в больницу. В соответствии с устными показаниями Е.Р. последний исходил из того, что состояние А.Ж. было хорошим, поскольку медсестры не просили его осмотреть пациента (см. ниже § 35).

24. Около 16.00 заявительница позвонила в больницу. Ее попросили перезвонить позже, во время полдника, поскольку ее сына в это время не было в больничном корпусе. Ее заверили, что несколькими минутами ранее он стоял у дверей корпуса и выглядел хорошо.

25. Около 19.00 заметили, что А.Ж. не вернулся к ужину. О его отсутствии была извещена медсестра-координатор. После этого сотрудники больницы начали осматривать места, где пациенты могли свободно передвигаться, такие как столовая и парк.

26. В какое-то время между 19.00 и 20.00 медсестра-координатор сообщила об отсутствии А.Ж. доктору М.Ж.Р., который был дежурным в тот день (но в это время находился за пределами больницы), и связалась с национальной республиканской охраной.

27. Около 20.00 медсестра-координатор позвонила заявительнице и сказала ей, что А.Ж. не пришел к ужину.

28. Точное время, когда А.Ж. покинул корпус и территорию больницы после полдника и направился к дому заявительницы, неизвестно. А.Ж., одетый в пижаму, в 17.37 прыгнул под поезд, следовавший из г. Лоусы (*Lousã*) в г. Коимбру.

С. ПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ БОЛЬНИЦЫ В СУДАХ ПОРТУГАЛИИ

29. 17 марта 2003 г. заявительница подала гражданский иск к больнице в административный суд г. Коимбры (*Tribunal Administrativo do*

Círculo de Coimbra, далее – административный суд), ссылаясь на Закон об ответственности государства (Декрет-закон от 21 ноября 1967 г. № 48051) и требуя возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда в размере 100 403 евро.

30. Заявительница отмечала, что ее сын несколько раз лечился в этой больнице от психических расстройств. 2 апреля 2000 г. он поступил в больницу с его согласия, поскольку пытался совершить самоубийство. Она утверждала, что во время пасхальных выходных он предпринял еще одну аналогичную попытку, когда находился дома вместе с ней. Из того факта, что ее сын смог покинуть территорию больницы 27 апреля 2000 г., заявительница сделала вывод о том, что сотрудники больницы проявили халатность при исполнении своих обязанностей. Вследствие попыток самоубийства и его психического состояния А.Ж. должен был находиться под присмотром медицинского персонала, который был обязан помешать ее сыну покинуть больницу. Она считала, что самоубийство ее сына было вызвано плохой организацией оказания медицинской помощи в больнице. Недостатки в работе больницы проявлялись в отсутствии (а) ограждений на границе территории больницы, что позволяло пациентам свободно покидать больницу без какого-либо контроля, (б) механизма проверки присутствия пациентов, который позволял бы сотрудникам больницы незамедлительно констатировать отсутствие одного из пациентов, и (с) в том, что не было установлено правил действия в чрезвычайной ситуации, позволяющих персоналу установить отсутствие пациента и принять эффективные меры, необходимые для того, чтобы обеспечить возвращение пациента без риска для его собственной жизни или для жизней других людей. Заявительница ссылаясь на конкретные обстоятельства, которые привели к госпитализации А.Ж. в начале апреля, а также на записи из его истории болезни, в частности, повторявшееся злоупотребление алкоголем, его психическое расстройство и предыдущую попытку самоубийства. Она утверждала, что в связи со всеми этими обстоятельствами меры наблюдения за А.Ж. должны были быть усилены с целью помешать ему покинуть территорию больницы.

31. 29 октября 2003 г. административный суд вынес предварительное решение (*despacho saneador*), где были изложены факты, которые этот суд счел установленными, и факты, которые следовало установить.

32. 5 июля 2005 г. административный суд назначил экспертизу в отношении клинического состояния А.Ж. и мер наблюдения, которые требовались в связи с состоянием его здоровья.

33. 27 сентября 2006 г. психиатр, назначенный медицинской ассоциацией (*Ordem dos Médicos*),

составил заключение, основанное на анализе ксерокопий медицинских документов больницы. В соответствующих частях заключения указывалось следующее:

«...Хотя основным диагнозом была “алкогольная зависимость”, также рассматривались несколько других диагнозов. В частности, “зависимое расстройство личности” (*personalidade dependente*), “приступы бреда” (*surto delirante*), “шизофрения, маниакально-депрессивный психоз” (*psicose maníaco-depressiva*)...

История болезни А.Ж. позволяет считать его больным человеком с рецидивами чрезмерного употребления алкоголя... а также другими симптомами...

Он был “очень жестоким и агрессивным, когда был пьян, и даже когда он не пил, он был конфликтным молодым человеком, легко раздражался”...

В медицинских документах отсутствуют подробные сведения о его психопатологическом состоянии 26 апреля 2000 г. (после алкогольной интоксикации, в результате которой он оказался в отделении неотложной помощи 25 апреля 2000 г.), 27 или 28 апреля 2000 г.

...Сын [истицы] страдал расстройствами, которые вызывали депрессивное поведение со значительной склонностью к самоубийству.

Принимая во внимание медицинские документы, его клиническое состояние могло привести к новой попытке самоубийства, которая оказалась роковой.

Кроме того, необходимо подчеркнуть полиморфизм психиатрического состояния пациента. Психопатологическое состояние, которое наблюдалось у пациента, обычно имеет плохой прогноз и часто следует за попыткой (или попытками) самоубийства... Необходимо пояснить, что... он мог страдать пограничным расстройством личности [*perturbação de personalidade borderline*]...

Есть ссылка на множественность диагнозов, которые в совокупности могли усилить риск самоубийства пациента (а также суицидального поведения)...

История болезни и психопатологический контекст [*quadro psicopatológico*] по уже указанным причинам предполагали суицидальное поведение в будущем, таким образом, самоубийство пациента не было неожиданным.

Что касается предупреждения самоубийства, без сомнения, должны были быть приняты меры содержания и наблюдения. Однако в отношении такого пациента, как А.Ж., данные меры сложно принять (см., например, его просьбы вернуться домой, несмотря на обоснованное мнение лечащего врача), и они никогда не являются достаточными ввиду высокой вероятности самоубийства...

Мы можем предполагать или утверждать, что существует повышенный риск самоубийства при таком психопатологическом контексте, как шизофрения, тяжелая депрессия, хронический алкоголизм, все эти отклонения упомянуты в истории болезни пациента. Данный риск также

увеличивается, если пациент страдает пограничным расстройством личности, как мы указывали, и это обстоятельство не может быть исключено в отношении соответствующего пациента. Самоубийства весьма распространены среди пациентов, страдающих подобными расстройствами. Следовательно, то, что произошло, не являлось исключительной ситуацией.

Тот факт, что пациент принимал антидепрессанты более двух недель, гулял по территории больницы, не ставя свою жизнь под угрозу, и то, что в медицинских документах отсутствуют записи о его суицидальных мыслях, не означают, что вероятность данного события (самоубийства) была незначительной. Однако этого было сложно избежать.

[Полностью эффективное] предупреждение самоубийства подобных пациентов является невыполнимой задачей.

Такое предупреждение в отношении пациента, который гуляет по больнице и симптомы которого не указывают на непосредственную опасность самоубийства, когда эта возможность высока, но не столь существенна в конкретный момент (учитывая предшествующие обстоятельства и характеристики пациента), является еще более сложным».

34. Первое судебное заседание состоялось 8 октября 2008 г. Заявительница и психиатр, который составил упомянутое выше заключение, дали показания во время судебного заседания.

35. В ходе пяти судебных заседаний (а именно 8 и 9 октября 2008 г., 14 января, 9 и 13 февраля 2009 г.) административный суд заслушал различных свидетелей, включая дочь заявительницы (сестру А.Ж.), медсестер, врачей и медицинских ассистентов, которые раньше работали или продолжали работать в больнице, часть из которых заступила на свое дежурство 27 апреля 2000 г., в 16.00, социального работника, работавшего в больнице с 1995 года и контактировавшего с А.Ж., машиниста поезда. А.А., которая была лечащим врачом А.Ж. в больнице, сообщила, что его лечение состояло в приеме назначенных лекарств, в обеспечении того, чтобы он добровольно получал лечение, и в установлении доверительных отношений с целью получения пациентом терапии. Она подтвердила, что свобода передвижения пациентов, проходивших лечение на добровольной основе, могла быть ограничена, когда это считалось необходимым. В этих случаях пациентам запрещалось покидать больницу и предписывалось носить пижаму. Врач Е.Р., который заменил А.А. в соответствующий период, подтвердил, что 27 апреля 2000 г. на информационной доске в корпусе № 8 отсутствовали записи о каких-либо ограничительных мерах в отношении А.Ж. Иными словами, он мог свободно покидать корпус больницы, хотя для того, чтобы покинуть территорию больницы, ему бы понадобилось специальное разрешение врача. Врач М.Ж.Р., которая дежурила 27 апреля 2000 г., объяснила, что, если бы медсестры заметили что-либо подозрительное в поведении А.Ж. в тот день,

они бы позвали ее, однако они этого не сделали. Административный суд также проанализировал несколько документов, приложенных к истории болезни А.Ж., представленных администрацией больницы.

36. 9 марта 2009 г. административный суд осмотрел место происшествия (см. ниже § 48).

37. 7 января 2010 г. административный суд провел судебное заседание, в ходе которого принял решение по поводу фактов дела. Он счел, *inter alia*, что ему не требовалось точно определять, каким расстройством страдал А.Ж. Относительно эпизода, имевшего место 25 апреля 2000 г., административный суд решил рассматривать его лишь как злоупотребление алкоголем, принимая во внимание хронический алкоголизм А.Ж. и тот факт, что последний пил после обеда и преимущественно в кафе.

38. 25 апреля 2011 г. административный суд вынес решение по делу, отказав заявительнице в удовлетворении ее исковых требований. Что касается довода заявительницы о том, что по периметру территории больницы должны были быть возведены заборы или другие ограждения, административный суд отметил, что текущий подход к лечению психически больных людей предполагает содействие их социальному взаимодействию. Наличие заборов приведет к стигматизации и изоляции психически больных пациентов. В этом отношении административный суд счел, что отсутствие заборов или стен

«соответствовало современным теориям психиатрической науки, согласно которым лечение пациентов, страдающих психическими расстройствами, должно осуществляться в атмосфере доверия и свободы передвижения, в физических условиях, которые содействуют свободе и автономии передвижения, а также взаимодействию и доброжелательности между пациентами и персоналом с целью содействовать реинтеграции [пациента], и наблюдение за такими пациентами должно осуществляться скрытым образом».

39. Что касается жалобы заявительницы на отсутствие механизма проверки присутствия пациентов, административный суд установил, что в больнице действовала процедура наблюдения, которая заключалась в проверке присутствия пациентов во время приемов пищи и лекарств. Данный порядок соответствовал последним рекомендациям ученых-психиатров и соблюдению прав пациентов на достоинство и личную жизнь. Вместе с тем административный суд установил, что пациентам, в отношении которых действовал ограничительный режим госпитализации, медсестры и медицинские ассистенты уделяли больше внимания, проверяя их присутствие в корпусе больницы, в котором они содержались, и в случае необходимости в районе выхода из корпуса. Что касается довода заявительницы об отсутствии правил действия в чрезвычайных ситуациях, административный суд г. Коимбры отметил, что суть этих правил состояла

в том, чтобы предупредить полицию и семью пациента в случае отсутствия последнего в больнице. Административный суд пришел к выводу, что эта процедура соответствовала требованиям сложившейся ситуации.

40. Относительно жалобы заявительницы на то, что ее сын совершил самоубийство в результате отсутствия постоянного наблюдения, административный суд решил, что его самоубийство нельзя было предвидеть. Сын заявительницы действительно был психически болен, а точный диагноз ему поставлен не был либо потому, что симптоматика была сложной, либо поскольку у А.Ж. была зависимость от алкоголя и лекарств. В этом отношении административный суд отметил, что на протяжении нескольких лет сыну заявительницы ставили диагнозы «шизофрения» и «тяжелая депрессия». Однако только после его смерти в результате проведения медицинской ассоциацией экспертизы в ходе производства по делу (см. выше § 33) А.Ж. был поставлен диагноз «пограничное расстройство личности». Административный суд установил, что А.Ж. в последний раз был госпитализирован после попытки самоубийства. Однако административный суд считал, что, несмотря на возможность совершения самоубийства пациентами, страдающими такими психическими заболеваниями, которые были установлены у сына заявительницы, в последние дни перед смертью он не совершал поступков и не проявлял в своем поведении признаков, которые бы заставили персонал больницы предположить, что 27 апреля 2000 г. произойдет что-либо другое, чем в предыдущие дни.

По мнению административного суда г. Коимбры, то обстоятельство, что А.Ж. был доставлен в отделение неотложной помощи больницы г. Коимбры в связи с употреблением большого количества алкоголя, стало результатом не попытки самоубийства, а безрассудного поведения А.Ж. Административный суд установил, что после возвращения в больницу сын заявительницы содержался под присмотром медицинского персонала целый день, принимал медикаменты и находился под наблюдением медицинских работников, и что его состояние улучшилось. В связи с этим административный суд пришел к выводу об отсутствии факторов, которые бы позволяли предвидеть трагический исход. Было невозможно утверждать, что самоубийство А.Ж. было предсказуемым. Кроме того, в материалах дела не указывалось на признаки того, что в дни, предшествовавшие трагедии, можно было применить процедуру принудительного лечения, поскольку ничто не позволяло предвидеть, что А.Ж. совершит самоубийство. Административный суд решил, что поведение А.Ж. было «абсолютно неожиданным и непредвиденным» при конкретных обстоятельствах дела.

41. 12 мая 2011 г. заявительница подала жалобу на решение административного суда в Верховный

административный суд Португалии, утверждая, что суд первой инстанции неправильно оценил доказательства и что его выводы о фактах дела были неверными, а также что административный суд неправильно истолковал закон.

42. 26 сентября 2012 г. у заместителя генерального адвоката при Верховном административном суде Португалии было запрошено заключение по поводу жалобы. Он рекомендовал отменить решение суда первой инстанции. В своем заключении заместитель генерального адвоката сделал акцент на отсутствии механизма наблюдения, специально адаптированного к психическим расстройствам А.Ж., и риску самоубийства, а также на предполагаемом нарушении администрацией больницы обязанности по предупреждению самоубийства. В заключении указывалось следующее:

«...Что касается пациентов со склонностью к совершению самоубийства, только рекомендация и применение усиленного наблюдения (*vigilância acrescida*) могли считаться соответствующими мерами.

В истории болезни А.Ж. упоминаются попытки самоубийства, последняя из которых имела место 1 апреля 2000 г., незадолго до 26 апреля 2000 г., когда пациент вернулся в больницу после лечения в [больнице г. Коимбры] в связи с употреблением большого количества алкоголя. Таким образом, возможность новой попытки самоубийства представляла собой “вероятный риск” или один из возможных рисков, который можно было предвидеть, поскольку осторожный эксперт (*avaliador prudente*) его бы ожидал.

Следовательно, по нашему мнению, это решение было ошибочным в части признания определения уровня наблюдения, требовавшегося от ответчика, и того, что самоубийство А.Ж. было абсолютно неожиданным и непредвиденным фактом и что в данном конкретном деле отсутствовали основания для усиления наблюдения.

[Администрация больницы] не рекомендовала и не устанавливала режим усиления наблюдения за А.Ж., режим, который позволил бы предотвратить любой возможный выход за пределы больницы...

Усиленное наблюдение с целью защиты пациента является частью терапевтического обязательства больницы и не противоречит такому методу лечения, как открытый режим, применявшийся к пациентам, когда соответствующие обстоятельства признавались подходящими с учетом обстоятельств дела».

43. Что касается указанных заявительницей в жалобе фактов относительно других пациентов больницы, покинувших ее без разрешения, что привело к трагическим последствиям, в заключении указывалось, что эти сведения не следует принимать во внимание.

В соответствии с заключением:

«Степень наблюдения, которое должно быть установлено, необходимо принимать во внимание “все вероятные риски” и все риски, “которые соответствуют ожиданиям осторожного эксперта”.

История болезни А.Ж. сама по себе содержала упоминания о попытках самоубийства, одна из которых произошла за 25 дней до этого. Таким образом, было возможно предвидеть их повторение.

Следовательно, можно заключить, что ответчик не установил и не применял каких-либо мер по наблюдению, которые могли бы считаться адекватными статусу психиатрической больницы и характеристикам А.Ж. как пациента, хотя администрация больницы могла и должна была это сделать».

44. 29 мая 2014 г. Верховный административный суд Португалии отклонил жалобу заявительницы двумя голосами «за» при одном – «против», согласившись с выводами административного суда г. Коимбры относительно фактов и вопросов права. Верховный административный суд Португалии счел, что указанные заявительницей в суде первой инстанции факты, касавшиеся нескольких аналогичных случаев с пациентами больницы, покинувших ее без разрешения, не имели значения для принятия решения по настоящему делу. Верховный административный суд Португалии отклонил аргумент заявительницы о том, что А.Ж. проявлял признаки депрессивного поведения с «сильной» тенденцией к совершению самоубийства, которое он несколько раз пытался совершить. Верховный административный суд Португалии согласился с выводом нижестоящего суда, который установил, что имела место только одна попытка самоубийства, 1 апреля 2000 г.

45. Верховный административный суд Португалии решил, что практика контроля за присутствием пациентов во время приемов пищи и лекарств была надлежащей и позволила сотрудникам больницы проверить присутствие А.Ж. во время обеда и полдника 27 апреля 2000 г. Верховный административный суд Португалии отклонил довод заявительницы о том, что проверка присутствия пациентов на месте в то время, когда им выдавались подносы с едой, был «глубоко дилетантской». В отношении предсказуемости самоубийства Верховный административный суд Португалии отметил, что сотрудниками больницы не были нарушены какие-либо обязательства по оказанию помощи, поскольку в случае А.Ж. отсутствовали признаки, которые позволили бы персоналу больницы подозревать, что сын заявительницы попытается в этот день совершить самоубийство, а именно покинуть территорию больницы. Верховный административный суд Португалии принял во внимание, что в течение предшествующих периодов госпитализации сын заявительницы также покидал территорию больницы и что не было установлено связи между этим поведением и повышенным риском самоубийства, так как мог быть установлен факт только одной попытки самоубийства 1 апреля 2000 г.

46. В своем особом мнении один из судей Верховного административного суда Португалии

указал, что администрации больницы следовало обезопасить территорию каким-либо образом с целью выполнения обязанности по оказанию помощи и наблюдения. Не сделав этого, администрация больницы позволила пациентам легко покидать территорию без разрешения и тем самым нарушила данные обязанности. Подобное бездействие стало причиной «побега» и самоубийства сына заявительницы.

D. ИНФОРМАЦИЯ О БОЛЬНИЦЕ

47. Больница является психиатрическим учреждением, расположенным за пределами г. Коимбры и занимающим 17 гектаров земли. Она является государственным учреждением и частью университетской больницы г. Коимбры.

48. Согласно материалам осмотра места происшествия, проведенного административным судом г. Коимбры 9 марта 2009 г. в ходе производства по жалобе заявительницы в отношении больницы, на ее территории находились 18 корпусов (по одному для каждого отделения больницы). Из материалов, предоставленных Европейскому Суду, следует, пациенты содержались в разных корпусах больницы в зависимости от их пола, вида заболеваний и характера их проявлений. Территория больницы не была огорожена какими-либо заборами или стенами. Корпуса больницы были окружены зеленой зоной с деревьями и другой растительностью, и к ним вели автодороги и тропинки, вокруг которых также росли деревья и растения. На главном входе в больницу был шлагбаум, и там дежурил охранник. Один из возможных выходов из больницы вел к дороге на железнодорожную станцию. Этим выходом можно было воспользоваться, пройдя по дороге за корпусом № 9. Станция находилась в 15–20 минутах ходьбы от этой части территории больницы.

49. В соответствии с руководством, подготовленным администрацией больницы, пациенты принимали пищу в столовой больницы и должны были оставаться там до конца приема пищи. Правила госпитализации пациентов были изложены в Руководстве пользователя, предназначенном для пациентов больницы. Пациентам не разрешалось покидать здание, предварительно не уведомив соответствующую медсестру. Пациентам также запрещалось покидать территорию больницы без разрешения специалиста. Если пациент хотел покинуть больницу до получения разрешения, он должен был подписать соответствующий формуляр.

50. Во время нахождения А.Ж. в апреле 2000 года в больнице был установлен следующий распорядок дня:

- подъем с 7.00 до 8.00;
- отход ко сну по желанию, после 22.00 пациент должен соблюдать тишину и погасить свет;

– приемы пищи:

- 1) завтрак с 8.35 до 9.30;
- 2) обед с 12.00 до 13.00;
- 3) полдник в 16.45;
- 4) ужин с 19.00 до 20.00;
- 5) последний прием пищи в 22.00.

51. Как было установлено судами Португалии, в больнице действовал механизм проверки присутствия пациентов во время каждого приема пищи (пять раз в сутки) и во время приема лекарств. В дополнение к этому присутствие пациента проверялось при отходе ко сну. За пациентами, в отношении которых действовал ограничительный режим госпитализации, устанавливалось более пристальное наблюдение.

52. К чрезвычайной процедуре прибегали в тех случаях, когда отмечалось отсутствие пациента. Данная процедура состояла в том, чтобы предупредить полицию, дежурного доктора и близких родственников пациента.

53. Во время госпитализации пациента сопровождала медицинская бригада, состоявшая из врача, медсестры, социального работника и медицинского помощника.

54. В больнице проводилось различие между добровольной и принудительной госпитализацией (см. ниже § 58). При добровольной госпитализации пациент мог в любой момент отказаться от лечения. Однако согласно показаниям врачей, данным ими в ходе производства в судах Португалии, и замечаниям властей Португалии по настоящему делу к добровольно госпитализированным пациентам мог применяться один из двух режимов: ограничительный, в соответствии с которым пациентам запрещалось покидать здание, и общий, при котором пациентам разрешалось покидать здание, известив дежурную медсестру, но им также запрещалось покидать территорию больницы без разрешения. Пациенты, в отношении которых действовал ограничительный режим, обычно носили пижаму и халат, а пациенты, к которым применялся общий режим, могли сами выбирать, что им одевать. Из материалов дела следует, что в начале нахождения в больнице к пациентам часто применялся ограничительный режим, даже если они поступили в больницу в добровольном порядке. Для очень буйных и агрессивных пациентов действовал изолятор, который мог использоваться и для размещения пациентов, проходящих лечение добровольно.

55. Заявительница представила Европейскому Суду новостные статьи о пациентах, которые, очевидно, смогли покинуть территорию больницы. Первые пять статей, содержание которых изложено ниже, были ранее представлены властям Португалии (см. выше § 44 о том, что Верховный административный суд счел информацию, которая содержалась в статьях, не имеющей значения для решения по делу):

(i) 9 марта 2008 г. вблизи территории больницы было обнаружено тело пациента, сбежавшего двумя неделями ранее (в *Diário de Coimbra*);

(ii) 29 октября 2008 г. мужчина сбежал из больницы и был сбит машиной, когда прыгнул под нее (в *Diário das Beiras*);

(iii) 31 июля 2008 г. в реке было обнаружено тело пациента, который сбежал из больницы в предыдущем месяце (в *Diário de Coimbra*);

(iv) 14 августа 2008 г. исчез пациент, госпитализированный в больнице (в *Diário de Coimbra*);

(v) в начале марта 2010 года три пациента сбежали из больницы, один из них был найден полицией после кражи машины, а другой обнаружен мертвым в реке (в *BombeirosPontopt*);

(vi) 16 октября 2011 г. пациент сбежал с территории больницы и напал с лопатой на двух полицейских (в *Correio da Manhã*);

(vii) 1 марта 2015 г. два пациента сбежали из больницы и украли машину (в *Tvi24*).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОРТУГАЛИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ЗАКОН О ЗДРАВООХРАНЕНИИ

56. Закон о здравоохранении от 24 августа 1990 г. № 48/90 устанавливает принцип, согласно которому медицинское обслуживание осуществляется государственными службами и учреждениями, а также другими государственными или частными, коммерческими либо некоммерческими организациями при осуществлении надзора со стороны государства. В силу Основного принципа XIV указанного закона лица, пользующиеся услугами системы здравоохранения, имеют наряду с другими правами право на свободный выбор врача и медицинского учреждения, право на получение лечения или отказ от него, право на оперативное и с подобающим отношением лечение в соответствующей и гуманной форме, право знать о своем состоянии здоровья, о возможных альтернативных методах лечения и об изменениях состояния своего здоровья, право подавать жалобы на способ лечения и получать компенсацию за любой причиненный ущерб.

57. Правила применения рамочного Закона о здравоохранении установлены Декретом-законом от 15 января 1993 г. № 11/93, который утвердил Положения о национальной системе здравоохранения. В соответствии со статьей 38 данного закона государство осуществляет надзор за медицинскими учреждениями, Министерство здравоохранения отвечает за установление стандартов в области здравоохранения без ущерба для функций, возложенных на Медицинскую ассоциацию и Ассоциацию фармацевтов.

В. ЗАКОН О ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

58. Закон о психиатрической помощи от 24 июля 1998 г. № 36/98 определяет общие принципы политики в области оказания психиатрической помощи и регулирует добровольную и принудительную госпитализацию пациентов, страдающих психическими расстройствами. Этот закон в соответствующих частях гласит следующее:

«Статья 3. Общие принципы

...а) психиатрическая помощь предоставляется в обществе с целью избежать исключения пациентов из их привычной обстановки и способствовать их реабилитации и социальной интеграции;

б) психиатрическая помощь предоставляется в наименее ограничивающей обстановке...

Статья 7. Определения

а) Принудительная госпитализация (*Internamento compulsivo*) – госпитализация в соответствии с судебным решением в отношении пациента с тяжелым психическим расстройством;

б) добровольная госпитализация (*Internamento voluntário*) – госпитализация по просьбе пациента, страдающего психическим расстройством, или по просьбе законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет...

Статья 12. Требования для госпитализации

1. Пациент с тяжелым психическим расстройством, который создает в связи с данным заболеванием опасную ситуацию для охраняемых законом интересов (*bens jurídicos*) значительной ценности, личного или имущественного характера, принадлежащих ему/ей или другим лицам, и отказывается проходить необходимое лечение, может быть помещен в соответствующее учреждение.

2. Пациент с тяжелым психическим расстройством, не обладающий необходимым здравым рассудком для того, чтобы оценивать значение и пределы дачи согласия, может быть госпитализирован, если отсутствие лечения причиняет серьезный ущерб его или ее состоянию.

Статья 13. *Locus standi*

1. Законный представитель пациента, имеющего тяжелое психическое расстройство, любое лицо, обладающее правом инициировать запретительное производство (*interdição*), органы здравоохранения и прокуратура (*Ministério Público*) обладают правом требовать принудительной госпитализации этого лица.

2. Если при выполнении своих обязанностей врач ставит диагноз о наличии психического расстройства, имеющего последствия, перечисленные в статье 12 настоящего закона, врач может передать информацию о данном диагнозе уполномоченным государственным органам здравоохранения для целей, указанных в предыдущем пункте.

3. Если диагноз поставлен во время добровольной госпитализации, руководитель медицинского

учреждения также имеет право требовать принудительной госпитализации...».

**С. ДЕКРЕТ-ЗАКОН
ОТ 21 НОЯБРЯ 1967 г. № 48051**

59. Декрет-закон № 48051, имевший юридическую силу в момент подачи заявительницей искового заявления к больнице, регулировал гражданскую внедоговорную ответственность государства. В нем содержались следующие положения, имеющие отношение к настоящему делу:

«Статья 2

1. Государство и другие субъекты публичного права несут гражданско-правовую ответственность перед третьими лицами за любые действия, нарушающие права этих сторон или правовые положения, направленные на защиту их интересов, в результате незаконных действий, совершенных по халатности государством или государственными органами либо должностными лицами при исполнении ими своих обязанностей или вследствие этого...

Статья 4

1. Халатность (*culpa*) должностных лиц или сотрудников государственных агентств оценивается в соответствии с положениями статьи 487 Гражданского кодекса.

2. Если ответственность несут несколько лиц, применяются положения статьи 497 Гражданского кодекса...

Статья 6

Для целей настоящего декрет-закона правовые акты, нарушающие соответствующие правовые и регулятивные нормы или общие принципы, считаются незаконными, равно как и физические действия, нарушающие указанные нормы или принципы или технические правила либо принципы разумной осмотрительности, которые должны были быть приняты во внимание...».

60. Согласно прецедентной практике судов Португалии в области внедоговорной ответственности государства последнее должно выплатить компенсацию, если только незаконные действия были совершены в результате халатности и если была установлена причинно-следственная связь между действиями и предполагаемым вредом.

**Д. ДЕКРЕТ-ЗАКОН
ОТ 5 ФЕВРАЛЯ 1999 г. № 35/99**

61. Декрет-закон от 5 февраля 1999 г. № 35/99, имевший юридическую силу во время периода последнего нахождения А.Ж. в больнице, содержал положения об организации психиатрической помощи. В преамбуле этого декрета-закона указывалось следующее:

«Следовательно, принимая во внимание, в частности, рекомендации ООН и Всемирной органи-

зации здравоохранения относительно такого приоритета, как поощрение предоставления ухода на уровне общества наименее ограничительным образом и в конкретном контексте психосоциальной реабилитации, оказания ухода в центрах повседневного ухода и в адаптационных структурах, соответствующих конкретному уровню автономии пациентов, срочность пересмотра политики в области психического здоровья и последующего изменения модели организации определенных услуг, которое не удалось осуществить в результате принятия Декрет-закона № 127/92, стала еще более необходима с середины 1990-х годов».

Соответствующие положения [Декрет-закона от 5 февраля 1999 г. № 35/99¹] гласят:

«Статья 1. Предмет настоящего декрет-закона

Настоящий декрет-закон определяет руководящие принципы для организации, управления и оценки услуг в области психиатрии и психиатрической помощи (далее – психиатрическая помощь).

Статья 2. Общие принципы

...6. Предоставление психиатрической помощи должно быть акцентировано на конкретных потребностях и обстоятельствах лиц в соответствии с их возрастом и должно осуществляться в первую очередь на уровне общества наименее ограничительным образом. Отделения по госпитализации предпочтительнее всего размещать в общегражданских больницах...

Статья 16. Задачи психиатрических больниц

1. Психиатрические больницы несут ответственность за:

...с) обеспечение необходимого ухода за госпитализированными в них пациентами с длительной историей болезни (*doentes de evolução prolongada*) и поощрение гуманизации и улучшения их условий проживания путем разработки программ реабилитации, адаптированных к их специфическим потребностям и поддерживающих их реинтеграцию в общество...».

Е. ПРОТОКОЛ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ «МЕХАНИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ» ВО ВСЕХ БОЛЬНИЦАХ ПОРТУГАЛИИ, ВКЛЮЧАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ (НОРМАТИВНЫЙ ЦИРКУЛЯР № 08/DSPSM/DSPCS)

62. В 2007 году Министерство здравоохранения Португалии приняло Протокол об использовании средств «механического принуждения» во всех больницах Португалии, включая психиатрические. Впоследствии, в 2011 году, этот протокол был отменен и заменен более обширными Руководящими принципами (см. ниже).

Г. РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ, ПРИНЯТЫЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ИНСПЕКТОРАТОМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПОРТУГАЛИИ ОТ 6 ИЮНЯ 2011 г. № 21/2011

63. В соответствии с подпунктом «с» пункта 2 статьи 2 регуляторного Закона от 29 мая 2007 г. № 66/2007, в который были внесены изменения регуляторным Законом от 2 декабря 2008 г. № 21/2008, были изданы следующие Руководящие принципы:

«1. Использование средств принуждения должно применяться после оценки клинического риска.

2. Меры принуждения могут применяться к пациентам, если последние:

2.1) демонстрируют признаки поведения, которое ставит их лично или их окружение под угрозу причинения ущерба;

2.2) отказываются от обязательного лечения, предусмотренного законом;

2.3) отказываются от жизненно необходимого срочного лечения...

6. Главная медсестра несет ответственность за обеспечение того, чтобы в истории болезни пациента фиксировались следующие сведения:

6.1) оценка состояния пациента, которая потребовала бы применения мер принуждения;

6.2) использованные превентивные меры и их результаты;

6.3) описание различных мер принуждения, которые обсуждались с пациентом или лицом, которое принимает решения вместо него;

6.4) указание сотрудников, участвующих в процессе принятия решений по поводу применения мер принуждения;

6.5) последующие оценки примененной меры принуждения. Это включает изменение состояния пациента и телесные повреждения, связанные с использованием меры принуждения;

6.6) пересмотр плана лечения в результате применения меры принуждения...

9. Каждое учреждение по предоставлению медицинской помощи определяет в рамках, определенных данными руководящими принципами, стандарты внутренней результативности применения мер принуждения, в соответствии с особенностями предоставляемых им медицинских услуг...

Критерии

...к) Необходимо принимать во внимание:

i) терапевтическое принуждение – мера, используемая для контроля физической активности или поведения лица либо части его тела во время оказания ему медицинской помощи с целью улучшения состояния здоровья и предупреждения осложнений. Целью терапевтического принуждения является оптимизация безопасности пациентов и окружающих их лиц при обеспечении, по мере возможности, их комфорта и достоинства;

¹ Текст в квадратных скобках добавлен при переводе (примеч. редактора).

ii) принуждение, связанное с окружающей обстановкой – использование перемен в обстановке для контроля за передвижениями пациента. Это может быть отдельная комната, закрытое или ограниченное пространство, где пациент может свободно передвигаться под контролем медицинского персонала;

iii) физическое принуждение – ситуация, в которой одно или более лиц из терапевтической бригады удерживают или перемещают пациента либо блокируют его передвижение с целью предупреждения его попадания в ситуацию риска;

iv) механическое принуждение – использование инструментов или оборудования, которые ограничивают движения пациента;

v) химическое или фармакологическое принуждение – психоактивные медикаменты, направленные на создание определенного движения или поведения.

Мотивировка

Существуют доказательства того, что принуждение является одной из наиболее используемых практик на международном уровне для лечения пациентов, поведение которых представляет риск для них самих или для окружающих их лиц. Из различных исследований по данному вопросу следует необходимость предупреждения инцидентов и негативных событий, связанных с принуждением...».

Г. ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС ПОРТУГАЛИИ

64. Соответствующие положения Гражданского кодекса Португалии гласят:

«Статья 487

1. Потерпевшая сторона должна доказать ответственность за ущерб, причиненный в результате халатности (*culpa*), если только не существует правовой презумпции этого.

2. В отсутствие каких-либо иных правовых критериев халатность оценивается со ссылкой на старательность *bonus pater familias*¹ с учетом обстоятельств дела».

Н. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА ПОРТУГАЛИИ И ВЕРХОВНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДА ПОРТУГАЛИИ

65. В Постановлении от 25 июля 1985 г. Верховный суд Португалии проанализировал обязанность надзора за госпитализированными пациентами с психическими расстройствами. Верховный суд Португалии постановил, что в ситуации, когда

¹ *Bonus pater familias* (лат.) – (букв.) добрый отец семейства. Определение в римском праве разумного поведения человека в общественной и частной жизни: он должен действовать как *bonus pater familias* – хороший (или добрый) отец семейства, осторожный, предусмотрительный, заботящийся о людях и ценностях, которые находятся на его попечении, при необходимости избегающий грозящей ему опасности (*примеч. редактора*).

пациент был госпитализирован и проходил лечение, на администрацию больницы была возложена обязанность по выполнению своих функций по лечению и надзору. В данном деле Верховный суд Португалии заключил, что администрация больницы не выполнила своих обязанностей, разрешив пациенту с психическим расстройством, госпитализированному в рамках открытого режима, покинуть помещение без разрешения больницы и не приняв всех надлежащих мер для обеспечения его немедленного возвращения.

66. В Постановлении от 25 ноября 1998 г. Верховный суд Португалии рассмотрел вопрос о том, являлось ли отсутствие возражений на просьбу пациента покинуть психиатрическое отделение нарушением обязанности персонала больницы по надзору за пациентами. Верховный суд Португалии пришел к выводу об отсутствии нарушения, поскольку было установлено, помимо прочего, что (i) психиатрическое отделение больницы функционировало в открытом режиме, (ii) медицинские сотрудники не давали ясного указания о том, что данному пациенту не разрешалось покидать отделение, (iii) врачи не рекомендовали ограничивать свободу передвижения этого пациента, (iv) в день совершения попытки самоубийства поведение пациента казалось нормальным и что (v) поведение пациента не позволяло предвидеть попытку самоубийства.

67. В Постановлении от 29 января 2009 г. Верховный административный суд Португалии счел, что обязательство по надзору за пациентом, который выпрыгнул из окна своей комнаты, не было нарушено. Верховный административный суд Португалии отметил, помимо прочего, что обязательство по надзору существовало только в отношении рисков, которые могли быть установлены осторожным экспертом. В материалах рассматриваемого дела не было доказательств того, что пациент мог попытаться совершить самоубийство. Таким образом, уровень наблюдения соответствовал состоянию пациента и предсказуемым рискам, поэтому администрация больницы не несла ответственности за то, что пациент выпрыгнул из окна.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (ДАЛЕЕ – ООН)

1. Генеральная Ассамблея ООН

68. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1991 г. № А/RES/46/119 указаны несколько принципов защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи. Соответствующими принципами являются следующие:

«...Принцип 8. Стандарты оказания помощи

1. Каждый пациент имеет право на такую медицинскую и социальную помощь, которая необходима для поддержания его здоровья, и имеет право на уход и лечение в соответствии с теми же стандартами, что и другие больные.

2. Каждый пациент пользуется защитой от нанесения вреда его здоровью, включая необоснованное использование медикаментов, злоупотребления со стороны других пациентов, персонала или других лиц и другие действия, причиняющие психические страдания или физический дискомфорт.

Принцип 9. Лечение

1. Каждый пациент имеет право на лечение в обстановке, предусматривающей наименьшие ограничения, и при помощи наименее ограничительных или инвазивных методов, соответствующих необходимости поддержания его здоровья и защиты физической безопасности других лиц...

3. Психиатрическая помощь всегда предоставляется в соответствии с применимыми этическими нормами для специалистов, работающих в области психиатрии...

4. Лечение каждого пациента должно быть направлено на сохранение и развитие автономности личности...

Принцип 15. Принципы госпитализации

...2. Доступ в психиатрическое учреждение должен регулироваться таким же образом, как и доступ в любое другое лечебное учреждение при любом другом заболевании.

3. Каждый пациент, госпитализированный не в принудительном порядке, имеет право в любое время покинуть психиатрическое учреждение, если только не применяются критерии для его принудительного содержания, предусмотренные в Принципе 16, ниже, и он должен быть проинформирован об этом праве...».

2. Конвенция ООН о правах инвалидов

69. Конвенция ООН о правах инвалидов (далее – КПИ), принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. Резолюцией № A/RES/61/106, нацелена на поощрение, защиту и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства. В КПИ обновлены и пересмотрены стандарты, установленные вышеупомянутой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. КПИ была ратифицирована Португалией 23 сентября 2009 г. Все государства – члены Совета Европы за исключением Лихтенштейна сейчас являются участниками КПИ. Соответствующие положения КПИ гласят:

«...Статья 10. Право на жизнь

Государства-участники вновь подтверждают неотъемлемое право каждого человека на жизнь и принимают все необходимые меры для обеспе-

чения его эффективного осуществления инвалидами наравне с другими...

Статья 12. Равенство перед законом

1. Государства-участники подтверждают, что каждый инвалид, где бы он ни находился, имеет право на равную правовую защиту.

2. Государства-участники признают, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни.

3. Государства-участники принимают надлежащие меры для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей правоспособности.

4. Государства-участники обеспечивают, чтобы все меры, связанные с реализацией правоспособности, предусматривали надлежащие и эффективные гарантии предотвращения злоупотреблений в соответствии с международным правом прав человека. Такие гарантии должны обеспечивать, чтобы меры, связанные с реализацией правоспособности, ориентировались на уважение прав, воли и предпочтений лица, были свободны от конфликта интересов и неуместного влияния, были соразмерны обстоятельствам этого лица и подстроены под них, применялись в течение как можно меньшего срока и регулярно проверялись компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебной инстанцией. Эти гарантии должны быть соразмерны той степени, в которой такие меры затрагивают права и интересы данного лица...

Статья 14. Свобода и личная неприкосновенность

1. Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды наравне с другими:

a) пользовались правом на свободу и личную неприкосновенность;

b) не лишались свободы незаконно или произвольно и чтобы любое лишение свободы соответствовало закону, а наличие инвалидности ни в коем случае не становилось основанием для лишения свободы.

2. Государства-участники обеспечивают, чтобы в том случае, если на основании какой-либо процедуры инвалиды лишаются свободы, им наравне с другими полагались гарантии, согласующиеся с международным правом прав человека, и чтобы обращение с ними соответствовало целям и принципам настоящей Конвенции, включая обеспечение разумного приспособления...

Статья 25. Здоровье

Государства-участники признают, что инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности. Государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, учитывающим гендерную специфику, в том числе к реабилитации по состоянию здоровья. В частности, государства-участники:

a) обеспечивают инвалидам тот же набор, качество и уровень бесплатных или недорогих

услуг и программ по охране здоровья, что и другим лицам...

б) предоставляют те услуги в сфере здравоохранения, которые необходимы инвалидам непосредственно по причине их инвалидности, включая раннюю диагностику, а в подходящих случаях – коррекцию и услуги, призванные свести к минимуму и предотвратить дальнейшее возникновение инвалидности, в том числе среди детей и пожилых;

с) организуют эти услуги в сфере здравоохранения как можно ближе к местам непосредственного проживания этих людей, в том числе в сельских районах;

д) требуют, чтобы специалисты здравоохранения предоставляли инвалидам услуги того же качества, что и другим лицам, в том числе на основе свободного и информированного согласия посредством, среди прочего, повышения осведомленности о правах человека, достоинстве, самостоятельности и нуждах инвалидов за счет обучения и принятия этических стандартов для государственного и частного здравоохранения...».

3. Комитет по правам инвалидов

70. В апреле 2014 года Комитет по правам инвалидов (далее – Комитет) принял Замечание общего порядка по статье 12 КПИ «Равенство перед законом». В соответствующих положениях, касающихся лиц, госпитализированных принудительно, в этих замечаниях указывается:

«Статьи 14 и 25 [КПИ]¹. Свобода, неприкосновенность и согласие

36. ...Сохраняется проблема лишения инвалидов правоспособности и их помещения в специальное учреждение против их воли, либо без их согласия, либо с согласия лица, ответственного за субститутивное принятие решений. Эта практика является произвольным лишением свободы и нарушает статьи 12 и 14 Конвенции...

37. Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 25) включает в себя право на получение услуг в области здравоохранения на основе свободного и информированного согласия. Государства-участники обязаны требовать от всех специалистов здравоохранения и медицинского персонала (в том числе профессиональных психиатров) получать до начала любого лечения свободное и информированное согласие инвалидов...».

71. В сентябре 2015 года Комитет принял Руководящие принципы по статье 14 КПИ. Соответствующие положения, касающиеся принудительно госпитализированных лиц, гласят:

«...В. Право на свободу и личную безопасность инвалидов

3. Комитет подтверждает, что свобода и личная безопасность лица являются одними из наиболее ценных прав, которыми обладает каждый чело-

век. В частности, все инвалиды, и особенно лица с ограниченными интеллектуальными и психосоциальными возможностями, имеют право на свободу в соответствии со статьей 14 Конвенции².

4. Статья 14 Конвенции является по существу положением о запрете дискриминации. Она уточняет пределы права на свободу и личную безопасность лица в отношении инвалидов, запрещая дискриминацию по признаку инвалидности...

С. Абсолютный запрет лишения свободы в связи с инвалидностью

6. Сегодня по-прежнему существует практика, при которой государства-участники допускают лишение свободы на основании реальной или предполагаемой инвалидности. В этом отношении Комитет установил, что статья 14 Конвенции не допускает исключений из запрета лишения свободы на основании реальной или предполагаемой инвалидности. Однако законодательство нескольких государств, включая законы о психиатрической помощи, по-прежнему предусматривает случаи, в которых лицо может быть лишено свободы на основании реальной или предполагаемой инвалидности, при наличии других причин для их лишения свободы, включая то, что они считаются опасными для самих себя или для других. Данная практика несовместима со статьей 14 Конвенции; она является дискриминационной по своему характеру и приравнивается к произвольному лишению свободы...

Д. Принудительная или недобровольная госпитализация в психиатрических учреждениях

10. Принудительная госпитализация инвалидов по состоянию здоровья противоречит абсолютному запрету лишения свободы на основании инвалидности (подпункт "b" пункта 1 статьи 14) и принципу свободного и информированного согласия заинтересованного лица на лечение (статья 25). Комитет неоднократно указывал, что государства-участники должны отменить положения, разрешающие принудительную госпитализацию инвалидов в психиатрических учреждениях в связи с реальной или предполагаемой инвалидностью. Принудительная госпитализация в психиатрических учреждениях предполагает отрицание правоспособности лица в области принятия решений о лечении, уходе и госпитализации в больнице или учреждении и, следовательно, нарушает статью 12 во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции...

Г. Лишение свободы на основании опасности, которую предполагается представлять инвалиды, предполагаемой необходимости ухода или лечения или по другим причинам

13. В ходе рассмотрения всех докладов государств Комитет указывал, что лишение инвалидов свободы на основании предполагаемой опасности, которую они представляют для себя или для окружающих, противоречит статье 14 Конвенции. Принудительная госпитализация инвалидов на основании риска или опасности, предполагаемой

¹ Текст в квадратных скобках добавлен при переводе (примеч. редактора).

² В данном параграфе и последующих при цитировании имеется в виду Конвенция ООН о правах инвалидов (примеч. редактора).

необходимости лечения или ухода или по другим причинам, связанным с инвалидностью или диагнозом, противоречит праву на свободу и является произвольным лишением свободы.

14. Лица с ограниченными интеллектуальными или психосоциальными возможностями часто считаются опасными для себя самих и для других лиц, когда они не соглашаются на лечение и/или сопротивляются ему. Все лица, включая инвалидов, обязаны не причинять вреда. В системах, основанных на верховенстве права, существуют уголовные и другие законы, регулирующие случаи нарушения данного обязательства. Инвалиды часто лишены защиты со стороны таких законов наравне с другими лицами, поскольку к ним применяются специальные законы, в том числе о психиатрической помощи. Данные законы и процедуры обычно предполагают более низкий стандарт защиты прав человека, в частности, права на надлежащий процесс и справедливое судебное разбирательство, и несовместимы со статьей 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции.

15. Свобода выбора, провозглашенная в качестве принципа в пункте «а» статьи 3 Конвенции, включает свободу принимать на себя риски и допускать ошибки наравне с другими. В Замечании общего порядка № 1 Комитет указал, что решения, касающиеся медицинского и психиатрического лечения, должны приниматься только на основе свободного и информированного согласия лица и с соблюдением его или ее автономии, воли и предпочтений. Лишение свободы на основании реальной или предполагаемой инвалидности или состояния здоровья в психиатрических учреждениях, которое лишает инвалидов их правоспособности, также является нарушением статьи 12 Конвенции...».

4. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека

72. В сентябре 2014 года Управление Верховного комиссара ООН по правам человека сделало заявление относительно статьи 14 КПИ. В нем было указано следующее:

«Свобода и личная безопасность лица являются одними из наиболее ценных прав, которые гарантированы каждому. В частности, все инвалиды и особенно лица с ограниченными психическими или психосоциальными возможностями имеют право на свободу в соответствии со статьей 14 Конвенции.

С самого начала рассмотрения докладов государств-участников на Пятой сессии Комитета в апреле 2011 года Комитет систематически привлекал внимание государств-участников к необходимости правильно обеспечивать данное конвенционное право. Прецедентную практику Комитета по статье 14 Конвенции легче понять, представив ее различные элементы следующим образом:

1) абсолютный запрет лишения свободы на основании инвалидности. Сегодня по-прежнему существует практика, при которой государства-участники допускают лишение свободы на осно-

вании реальной или предполагаемой инвалидности. В этом отношении Комитет установил, что статья 14 Конвенции не допускает исключения из запрета лишения свободы на основании реальной или предполагаемой инвалидности. Однако законодательство нескольких государств, включая законы о психиатрической помощи, по-прежнему предусматривает случаи, в которых лицо может быть лишено свободы на основании реальной или предполагаемой инвалидности, при наличии иных причин для его или ее лишения свободы, включая то, что он или она считаются опасными для самих себя или для других лиц. Данная практика несовместима со статьей 14 Конвенции в соответствии с прецедентной практикой Комитета;

2) законы о психиатрической помощи, которые допускают лишение инвалидов свободы на основании предполагаемой опасности, которую они представляют для себя или для других лиц. В ходе рассмотрения всех докладов государств Комитет указывал, что лишение инвалидов свободы на основании предполагаемой опасности, которую они представляют для себя или окружающих, противоречит статье 14 Конвенции. Принудительная госпитализация инвалидов на основании риска или опасности, связанных с инвалидностью, противоречит праву на свободу. Например, нельзя лишать свободы только потому, что лицу поставлен диагноз «параноидальная шизофрения»...».

5. Комитет ООН по правам человека

73. 16 декабря 2014 г. Комитет ООН по правам человека принял Замечание общего порядка № 35 по поводу статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах «Свобода и личная неприкосновенность». В разделе II этих замечаний Комитет ООН по правам человека подробно осветил вопрос о произвольном содержании под стражей и незаконном содержании:

«...19. Государствам-участникам следует пересмотреть устаревшие законы и практику в области охраны психического здоровья с тем, чтобы избежать произвольного содержания под стражей. Комитет подчеркивает вред, который наносит любое лишение свободы, и особый вред, который может причиняться в случаях принудительной госпитализации. Государствам-участникам следует предоставлять надлежащие услуги социальной помощи по месту жительства или альтернативные услуги социальной защиты лицам, страдающим психосоциальными расстройствами, в целях обеспечения применения менее ограничительных средств в качестве альтернативы содержанию в учреждениях закрытого типа. Наличие инвалидности само по себе не является основанием для лишения свободы; напротив, любое лишение свободы должно быть необходимым и соразмерным для цели защиты данного лица от серьезного вреда или предотвращения причинения вреда окружающим. Лишение свободы может применяться лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени и должно подкрепляться надлежащими процессуальными и материальными гарантиями, установленными законом. Процедуры долж-

ны обеспечивать уважение мнений лица, а также обеспечивать, чтобы любые его представители действительно представляли и защищали чаяния и интересы данного лица. Государства-участники должны предлагать помещенным в учреждения лицам программы лечения и реабилитации, отвечающие целям, которые приводятся в обоснование принудительного содержания. Лишение свободы должно подлежать переоценке через соответствующие промежутки времени на предмет сохраняющейся необходимости в нем. Отдельным лицам должна предоставляться помощь в получении доступа к эффективным средствам правовой защиты для обеспечения их прав, в том числе при первоначальном и периодическом судебном пересмотре законности их содержания под стражей, а также для предотвращения условий содержания под стражей, несовместимых с Пактом».

6. Специальный докладчик по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья

74. 2 апреля 2015 г. Специальный докладчик по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья представил доклад о праве на здоровье всех инвалидов. В отношении КПИ он указал следующее:

«...96. Конвенция бросает вызов традиционным практикам в психиатрии как на научном, так и на клинично-практическом уровнях. В этом отношении существует серьезная необходимость обсуждения вопросов, связанных с правами человека в психиатрии, и развития механизмов эффективной защиты прав лиц с инвалидностью психического характера.

97. История психиатрии показывает, что добрые намерения лиц и учреждений, предоставляющих соответствующие услуги, могут приводить к нарушениям прав тех, кто этими услугами пользуется. В отношении традиционных аргументов, определяющих пределы прав лиц с ограниченными психосоциальными и интеллектуальными возможностями на основании их медицинской необходимости предоставления данным лицам необходимого лечения и/или защиты безопасности данных лиц и/или общества, сегодня существуют серьезные вопросы, поскольку они не соответствуют Конвенции...

99. Большое количество лиц с ограниченными психосоциальными возможностями лишены свободы в закрытых учреждениях и лишены правоспособности на основании их диагноза. Это иллюстрация неправильного применения научной и практической медицины, она подчеркивает необходимость переоценки роли текущей биомедицинской модели как доминирующей в области психиатрической помощи. Для выведения текущей науки и практики на новый уровень должны рассматриваться альтернативные модели с сильным акцентом на права человека, опыт и отношения и принимающие во внимание социальные контексты...».

В. СОВЕТ ЕВРОПЫ

1. Комитет министров Совета Европы

75. 22 сентября 2004 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию № Rec(2004)10 в отношении защиты прав человека и достоинства лиц, страдающих психическими расстройствами. Соответствующие положения этой рекомендации гласят:

«...Статья 7. Защита уязвимых лиц, страдающих психическими расстройствами

1. Государства-члены обеспечивают механизмы защиты уязвимых лиц, страдающих психическими расстройствами, в частности, не способных к самостоятельному волеизъявлению или противостоянию посягательствам на их права человека.

2. При необходимости должны быть предусмотрены законные меры защиты экономических интересов лиц, страдающих психическими расстройствами.

Статья 8. Принцип минимальных ограничений

Лица, страдающие психическими расстройствами, имеют право на содержание в условиях минимально возможных ограничений и прохождение лечения наименее радикальными методами при минимально возможных ограничениях при учете состояния их здоровья и необходимости обеспечения безопасности окружающих.

Статья 9. Окружающая обстановка и условия жизни

1. Учреждения, предназначенные для изолированного содержания лиц, страдающих психическими расстройствами, должны обеспечивать каждому такому лицу, при учете состояния его здоровья и необходимости обеспечения безопасности окружающих, окружающую обстановку и условия жизни, максимально приближенные к обычной окружающей обстановке и обычным условиям жизни людей данной возрастной группы, данного пола и данной культуры. Также должны предусматриваться меры по профессиональной реабилитации, способствующие интеграции данных лиц в общество...».

76. В пояснительном докладе к настоящей рекомендации указано, что «принцип минимальных ограничений» является основополагающим. Это означает, что, если состояние здоровья лица улучшилось, данное лицо должно быть перемещено в менее ограничивающую обстановку в соответствии с требованиями его или ее состояния здоровья.

77. В статье 17 настоящей рекомендации перечислены критерии для принудительного помещения в психиатрические учреждения. Лицо может быть принудительно помещено в психиатрическое учреждение исключительно в случае соблюдения всех нижеперечисленных условий, если: i) лицо страдает психическим расстройством; ii) состояние данного лица представляет серьезную угрозу

его здоровью или окружающим; iii) помещение в психиатрическое учреждение преследует и терапевтическую цель; iv) отсутствуют средства лечения, сопряженные с меньшими ограничениями; v) мнение соответствующего лица было принято во внимание.

2. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП)

78. В ходе периодических визитов в Португалию в 1999, 2003, 2008, 2012 и 2016 годах ЕКПП посетил ряд психиатрических учреждений Португалии. В составленных по итогам визитов докладах ЕКПП повторял рекомендацию о том, что во всех психиатрических больницах должна быть своя политика по документальному фиксированию использования мер принуждения и что каждый случай применения таких мер к пациенту должен быть отражен в специальном реестре, созданном для этой цели.

79. ЕКПП посещал больницу «Собрал Сид» в 1999 и 2012 годах. В 1999 году делегация ЕКПП сконцентрировала внимание на судебно-медицинском отделении больницы (для пациентов, в отношении которых уголовным судом было вынесено решение о признании их не несущими уголовной ответственности и об их принудительном лечении), а также посетил мужское отделение общей психиатрии. В 2012 году ЕКПП посетил только судебно-медицинское отделение больницы (корпус № 16) и отдельно не рассматривал вопрос о пациентах, проходивших лечение добровольно, как сын заявительницы. В своем докладе Правительству Португалии по поводу визита в Португалию с 7 по 16 февраля 2012 г. ЕКПП отметил, что принятие Министерством здравоохранения руководящих принципов в июне 2011 года было шагом вперед. Однако ЕКПП вновь подтвердил данную им ранее рекомендацию о том, что во всех психиатрических больницах должна быть своя политика по документальному фиксированию использования мер принуждения. ЕКПП также рекомендовал принять необходимые меры для того, чтобы прекратить практику, в соответствии с которой все вновь поступившие в больницу пациенты должны были носить пижамы.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

80. Заявительница жаловалась на то, что власти государства-ответчика не обеспечили защиту права ее сына на жизнь в нарушение статьи 2 Конвенции. В частности, она утверждала, что персонал больницы проявил халатность, поскольку не

обеспечил наблюдения за ее сыном в достаточной мере, не установил соответствующих ограждений, чтобы помешать ее сыну покинуть территорию больницы, и не воспользовался адекватной процедурой действий в чрезвычайных ситуациях. Ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, она также жаловалась на длительность гражданского разбирательства по ее жалобе против больницы.

81. Европейский Суд полагает, что жалобы заявительницы следует рассматривать только с точки зрения материально-правового и процессуально-правового аспектов статьи 2 Конвенции, учитывая, что, поскольку Европейский Суд сам определяет, какую юридическую квалификацию следует дать фактам дела, он не связан мнением заявителя или властей государства-ответчика по этому поводу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹, § 126).

82. Статья 2 Конвенции в соответствующей части гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание...».

A. МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

1. Постановление Палаты Европейского Суда

83. Палата Европейского Суда единогласно пришла к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте. Учитывая историю болезни А.Ж. и, в частности, тот факт, что он пытался покончить жизнь самоубийством 1 апреля 2000 г., Палата Европейского Суда решила, что у персонала больницы были причины ожидать новых попыток совершения самоубийства. Таким образом, с учетом диагнозов А.Ж. следовало предполагать с его стороны новой попытки покинуть территорию больницы и возможного фатального исхода.

84. Хотя в современной медицине наметилась тенденция предоставления лечения психически больным лицам исходя из принципа наименьшего ограничения и применения режима «открытых дверей», Палата Европейского Суда сочла, что такой режим не мог освободить государство от обязанности защищать психически больных пациентов от риска, который они представляли для самих себя, в частности, при наличии конкретных признаков того, что пациент может совершить само-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

убийство. Палата Европейского Суда отметила, что не должно проводиться различие в зависимости от характера госпитализации пациента. Пациент, госпитализированный с его согласия, находится под наблюдением и надзором со стороны персонала больницы, и, следовательно, обязательства государства в отношении этого пациента были такими же, как и в отношении пациентов, поступивших в принудительном порядке. Противоположный вывод был бы равнозначен лишению добровольно проходящих лечение пациентов защиты, предусмотренной статьей 2 Конвенции.

85. Палата Европейского Суда установила, что две существовавшие в больнице процедуры, а именно проверка присутствия пациентов во время приемов пищи и лекарств и действия в чрезвычайных ситуациях, включавшие поиск пациента на территории больницы и оповещение полиции и членов семьи, были неэффективными для целей того, чтобы помешать А.Ж. покинуть территорию больницы и впоследствии препятствовать его самоубийству. Кроме того, риск самоубийства усугублялся в силу открытого и неограниченного доступа к платформе железнодорожной станции. От сотрудников больницы следовало ожидать принятия большего количества мер предосторожностей для обеспечения того, чтобы А.Ж. не вышел за пределы территории больницы. В этом отношении Палата Европейского Суда установила, что настоящее дело отличалось от дела «Хиллер против Австрии» (Hiller v. Austria) (Постановление Европейского Суда от 22 ноября 2016 г., жалоба № 1967/14).

2. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(а) Заявительница

86. В своих замечаниях, представленных Большой Палате Европейского Суда, заявительница вновь утверждала, что способ наблюдения в больнице, который заключался в том, чтобы пересчитывать пациентов, когда последние забирали свои подносы с едой, через сравнительно маленькое отверстие в стене, был неэффективным. Кроме того, процедура действий в чрезвычайных ситуациях была непрофессиональной. Времени в перерывах между приемами пищи, которое составляло около двух часов, было достаточно для пациента, чтобы покинуть здание и территорию больницы и совершить самоубийство. Это и произошло с А.Ж., чье присутствие было отмечено во время полдника в 16.45, а его отсутствие – только во время ужина, около 19.00, когда он уже был мертв.

87. Что касается присутствия врачей, последние осматривали пациентов лишь один раз в день, и только если у врачей не было назначе-

но консультаций или срочных вызовов. В больнице не было отделения неотложной помощи. Если у пациента был кризис, больница связывалась с дежурным врачом, и последний решал, следует ли отправить пациента в отделение неотложной помощи в другой больнице. Кроме того, по словам заявительницы, среди лечащих врачей больницы не было психолога, что негативно сказывалось на лечении А.Ж. Заявительница также обратила внимание на неблагоприятные диагнозы, поставленные в больнице относительно психического состояния А.Ж. на протяжении нескольких лет. Данный факт был признан судами Португалии и явно зафиксирован в решении административного суда г. Коимбры. Более того, отсутствовали новые или подробные сведения о клиническом состоянии А.Ж., об изменении его состояния или о предоставленном ему лечении. А.Ж. не получал соответствующей помощи психолога. Это следовало из медицинских документов, в которых соответствующие разделы о плане лечения или оценке были не заполнены.

88. Заявительница не выступала за применение к пациентам строгого наблюдения. По ее мнению, при госпитализации пациентов с психиатрическими расстройствами должны сочетаться свобода, с одной стороны, и необходимость ограничений, с другой. А.Ж. нуждался в особом лечении, сопровождавшемся личным наблюдением и ограничительными мерами. Было доказано, что он уже пытался совершить самоубийство и много раз вел себя безрассудно.

89. Риск совершения А.Ж. самоубийства был предсказуем или, по крайней мере, вероятным. Персонал больницы знал или должен был знать, что жизнь А.Ж. подвергалась реальному и непосредственному риску. Лечение с применением открытого режима не могло освободить власти от их обязанности защищать психическое здоровье пациентов от рисков, которые они сами для себя представляли. В деле А.Ж. требовалась особая бдительность.

90. Предусмотренная в статье 2 Конвенции позитивная обязанность государства по принятию оперативных превентивных мер должна быть одинаковой независимо от того, был ли пациент госпитализирован добровольно или принудительно. Даже если госпитализация была добровольной, пациент явно находился под защитой государства. Государство должно было создать соответствующие законодательные рамки, обязывающие как государственные, так и частные больницы принимать необходимые меры и следовать установленным процедурам.

91. Что касается процедуры запроса принудительной госпитализации в больнице, такой запрос мог быть сделан любым врачом при исполнении своих обязанностей либо директором учреждения здравоохранения.

92. Наконец, заявительница подчеркивала, что предоставленные ею сведения из прессы о пациентах, сбежавших из больницы, имели значение для настоящего дела, поскольку они демонстрировали недостаточность процедур наблюдения и действий в чрезвычайных ситуациях.

(b) Власти Португалии

93. Власти Португалии утверждали, что в период последнего нахождения А.Ж. в больнице с 2 по 27 апреля 2000 г. он получал помощь психиатра и ежедневно принимал лекарства. Врач осматривал А.Ж. не менее семи раз в течение этого периода, и в истории болезни А.Ж. не было отмечено каких-либо сведений о его суицидальных мыслях. Сотрудники больницы, врачи и медсестры встречались каждый день, чтобы обсудить состояние каждого пациента. После поступления А.Ж. в больницу 2 апреля 2000 г. в течение приблизительно одной недели ему было запрещено покидать здание и переодеваться из пижамы и халата. Поскольку в состоянии А.Ж. наметились улучшения, в течение второй и третьей недель в апреле к нему применялся менее строгий режим и ему было разрешено покидать здание больницы, предварительно уведомив дежурную медсестру. Ему также разрешили провести два выходных дома в течение этого периода.

94. Власти Португалии не отрицали тот факт, что на администрации больницы лежала обязанность по принятию мер по наблюдению и защите А.Ж., в частности, при вероятности самоубийства, разумным и соразмерным способом. Данная обязанность также должна была принимать во внимание лечебный план, составленный для каждого пациента, и право пациента на свободу. Согласно законодательству Португалии (см. выше § 58) принудительная госпитализация могла быть предписана судьей в ходе особого судебного производства либо в случае тяжелого психического расстройства, способного поставить под угрозу жизнь самого пациента либо третьих лиц, и в случае отказа пациента от прохождения лечения в добровольном порядке, если пациент представлял собой угрозу для общества и не попадал под правила системы уголовного наказания, применяемого к лицам, совершившим тяжкое преступление. Власти Португалии утверждали, что А.Ж. не относился к какой-либо из двух категорий. Заявительница никогда не просила о принудительной госпитализации А.Ж., хотя она знала, что больница была открытой и не имела ограждений и что во время лечения ее сын мог покинуть территорию больницы, иногда для того, чтобы вернуться к ней домой. Более того, власти Португалии утверждали, что согласно действовавшему на тот момент законодательству общие принципы политики в области охраны психиче-

ского здоровья предусматривали лечение в наименее ограничительной обстановке (пункт «b» статьи 3 Закона о психиатрической помощи, см. выше § 58).

95. По мнению властей Португалии, заявительница предлагала возвести стены с выходами, которые бы препятствовали пациентам покинуть территорию больницы в случаях, когда у них были суицидальные наклонности. Учитывая, что такие наклонности наблюдались у большинства пациентов с психическими расстройствами, данный подход означал бы переход к системе принудительного лишения свободы, который не соответствовал ни текущим тенденциям в психиатрии, ни международным стандартам в этой области. Наилучший подход, по мнению властей Португалии, состоял в том, чтобы наблюдать каждого пациента лично с применением наименее ограничительного подхода к госпитализации, при возможности предоставляя лечение в группах, либо в противоположном случае в рамках открытого режима, при котором пациенты сохраняли право свободно передвигаться. Даже в случаях принудительной госпитализации было признано и рекомендовано предоставление пациентам определенной свободы передвижений.

96. Власти Португалии считали, что не было доказано, что 27 апреля 2000 г. либо в предшествующие дни существовал реальный и непосредственный риск самоубийства А.Ж. Согласно показаниям медицинского эксперта, данным в судах Португалии, риск самоубийства А.Ж., хотя и существовал, он не был непосредственным, и самоубийство могло стать результатом импульсивного порыва. Лечащий врач А.Ж. (А.А.) полагала, что надлежащим подходом было установление доверительных отношений с пациентом. 27 апреля 2000 г. поведение А.Ж. было нормальным, он гулял по территории больницы и принимал пищу, в том числе во время полдника.

97. Власти Португалии подчеркнули требование прецедентной практики Европейского Суда о том, что позитивное обязательство властей должно толковаться таким способом, чтобы не возлагать на власти чрезмерное или непропорциональное бремя, и, следовательно, не каждый риск для жизни влечет за собой обязательства в соответствии с Конвенцией (см. Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., жалоба № 23452/94, § 116, и Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» (*Renolde v. France*) от 16 октября 2008 г., жалоба № 5608/05, § 82). Постоянный контроль за передвижениями А.Ж. мог привести к нарушению других прав, гарантированных Конвенцией (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу

«Хиллер против Австрии», § 55). Система, действовавшая в больнице, а именно наблюдение за пациентами пять раз в день во время приемов пищи в дополнение к терапевтическому режиму, была соответствующей и соразмерной.

98. Власти Португалии признали, что позитивное обязательство по защите пациентов от опасности, которую они могли представлять для себя или для третьих лиц, применялось в случаях как добровольной, так и принудительной госпитализации. Однако они считали, что в случае принудительной госпитализации на основании судебного решения данное обязательство предполагало особую интенсивность и особый характер.

99. Они утверждали, что Европейский Суд в соответствии с принципом субсидиарности должен согласиться с выводами, к которым пришли власти Португалии в результате справедливого и состязательного производства, о том, что самоубийство А.Ж. не было предсказуемым и что лечение, предоставленное в больнице, было соответствующим.

100. Что касается того, были ли у А.Ж. сильные суицидальные наклонности, суды Португалии признали доказанным только тот факт, что А.Ж. пытался покончить с жизнью один раз, 1 апреля 2000 г. Они также пришли к выводу, что внутренние правила о наблюдении и применении процедуры действий в чрезвычайных ситуациях были соответствующими и достаточными.

101. Власти Португалии подтвердили, что все пациенты (независимо от того, были ли они госпитализированы в принудительном или добровольном порядке) могли быть лишены права покинуть корпус, в котором они содержались, в течение определенного периода времени в зависимости от их состояния. В случае крайнего перевозбуждения пациента его также могли поместить в изолятор.

102. Наконец, власти Португалии заключили, что согласно современным методам лечения пациентов с психическими расстройствами, которые предполагали уважение достоинства и свободы пациента, невозможно было избежать смертельного исхода во всех ситуациях, а государство не могло нести ответственность за те случаи, которые имели место.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Предварительные замечания и пределы рассмотрения дела Большой Палатой Европейского Суда

103. Прежде всего Большая Палата Европейского Суда отмечает, что настоящее дело касается предполагаемой медицинской халатности в контексте самоубийства во время добровольной

госпитализации в государственном психиатрическом учреждении. Следовательно, затронуты два различных, хотя и связанных между собой позитивных обязательства, предусмотренных статьей 2 Конвенции и рассмотренных в прецедентной практике Европейского Суда. Во-первых, на властях государства-ответчика лежит позитивная обязанность по созданию нормативной базы, предписывающей больницам принимать соответствующие меры для защиты жизни пациентов (см. ниже §§ 104–107). Во-вторых, существует позитивное обязательство по принятию оперативных превентивных мер для защиты лица от другого человека или при особых обстоятельствах от самого себя (см. ниже §§ 108–115).

(b) Общие принципы

104. Европейский Суд изложит общие принципы, касающиеся двух упомянутых выше обязательств, и затем оценит применение данных принципов в настоящем деле. Европейский Суд напоминает, что первое предложение статьи 2 Конвенции, которое является одним из основополагающих ее положений и закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы, требует от государств не только воздерживаться от «преднамеренного» лишения жизни, но и принимать соответствующие меры для охраны жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чиглио против Италии» (Calvelli and Ciglio v. Italy) от 17 января 2002 г., жалоба № 32967/96, § 48).

(i) Позитивное обязательство по созданию нормативной базы

105. Во-первых, в конкретном контексте медицинской помощи Европейский Суд интерпретирует материально-правовое позитивное обязательство государства как требующее от последнего установления нормативных правил, предписывающих больницам, государственным и частным, принимать соответствующие меры для защиты жизни пациентов. Данное позитивное обязательство также требует наличия эффективной независимой судебной системы для того, чтобы можно было установить причину смерти пациентов, находящихся под контролем врачей в государственных или частных учреждениях, и привлечь к ответственности виновных (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чиглио против Италии», а также Постановление Европейского Суда по делу «Додов против Болгарии» (Dodov v. Bulgaria) от 17 января 2008 г., жалоба № 59548/00, § 80).

106. В деле «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (Lopes de Sousa Fernandes v.

Portugal) (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19 декабря 2017 г., жалоба № 56080/13¹, § 165) Большая Палата недавно подтвердила и разъяснила сферу действия позитивных обязательств государств, предусмотренных в статье 2 Конвенции, в контексте предполагаемой халатности врачей. Даже в делах, где был установлен факт халатности со стороны врачей, Европейский Суд приходил к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте, только если соответствующая законодательная база не обеспечивала надлежащую защиту жизни пациента. Европейский Суд подтвердил, что, если Договаривающееся Государство в нормативном порядке обеспечивало применение высоких профессиональных стандартов в области медицины и защиту жизней пациентов, такие факты, как ошибочное суждение со стороны профессионального медицинского работника или отсутствие надлежащей координации между медицинскими работниками при лечении конкретного пациента, не могут сами по себе считаться достаточными для привлечения Договаривающегося Государства к ответственности с точки зрения его позитивных обязательств по статье 2 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 187).

107. Вопрос о том, было ли допущено со стороны государства нарушение обязательства по созданию нормативной базы, требует скорее конкретной, чем абстрактной оценки предполагаемого нарушения. Задача Европейского Суда, как правило, заключается не в том, чтобы рассматривать соответствующее законодательство и правоприменительную практику абстрактно, а в том, чтобы определить, являлось ли то, каким образом они были применены к пациенту или отразились на нем, нарушением Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 188). Следовательно, сам факт того, что в нормативной базе могут быть определенные недостатки, не является достаточным, чтобы вызвать вопросы с точки зрения статьи 2 Конвенции. Необходимо доказать, что эти недостатки негативным образом отразились на состоянии пациента.

(ii) Позитивное обязательство по принятию оперативных превентивных мер

108. Во-вторых, статья 2 Конвенции может предполагать при некоторых четко определенных обстоятельствах позитивное обязательство по при-

нятию оперативных превентивных мер для защиты лица от другого лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства», § 115) или при определенных обстоятельствах от самого себя (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции», а также Постановление Европейского Суда по делу «Хаас против Швейцарии» (Haas v. Switzerland) от 20 января 2011 г., жалоба № 31322/07, § 54).

109. В Постановлении по делу «Осман против Соединенного Королевства» Европейский Суд установил необходимость определения того, что власти знали или должны были знать в соответствующий период о существовании реального и непосредственного риска для жизни конкретных лиц или лица в силу совершения уголовно наказуемых деяний со стороны третьего лица и что они в рамках своих полномочий не приняли мер, которые с разумной точки зрения могли помочь предотвратить данный риск (§ 116).

110. В делах, в которых риск был связан не с уголовно наказуемыми деяниями третьего лица, а с возможностью причинения лишенным свободы лицом вреда самому себе, Европейский Суд признавал, что позитивное обязательство возникало в том случае, когда власти знали или должны были знать о наличии реального и непосредственного риска самоубийства. Когда Европейский Суд приходил к выводу, что власти знали или должны были знать о таком риске, он анализировал, сделали ли они всё, что от них можно было разумно ожидать, чтобы предотвратить данный риск (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии», § 49, и Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» (Keenan v. United Kingdom) от 3 апреля 2001 г., жалоба № 27229/95, § 93). Таким образом, Европейский Суд определяет, был ли с учетом всех обстоятельств дела риск реальным и непосредственным.

111. Европейский Суд уже установил в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Осман против Соединенного Королевства», что, учитывая сложность управления современным обществом, непредсказуемость действий людей и необходимость выбора оперативных действий в зависимости от приоритетов и ресурсов, данное обязательство должно толковаться таким образом, чтобы не возлагать на власти чрезмерное или непропорциональное бремя. Соответственно, не каждый предполагаемый риск для жизни может привести к возникновению для властей требования принять оперативные меры с целью предупреждения реализации этого риска (см. *ibid.*, § 116).

112. В то же время Европейский Суд напоминает, что самую суть Конвенции составляет уважение человеческого достоинства и свободы. В этом отношении власти должны выполнять свои обязанно-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 6 (примеч. редактора).

сти таким способом, который совместим с правами и свободами соответствующего лица и который снижает возможность причинения лицом вреда самому себе, не нарушая личную автономию (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Митич против Сербии» (Mitić v. Serbia) от 22 января 2013 г., жалоба № 31963/08, § 47). Европейский Суд признает, что чрезмерно ограничивающие меры могут вызвать вопросы с точки зрения статей 3, 5 и 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии», § 55).

113. Что касается людей с психическими расстройствами, Европейский Суд считает их особенно уязвимыми (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции», § 84). Если власти приняли решение о лишении свободы лица, страдающего психическим расстройством, они должны проявлять тщательную заботу при обеспечении таких условий, которые соответствуют особым потребностям данного лица, вытекающим из его или ее состояния здоровья. Аналогичные рассуждения применимы к лицам, которые принудительно содержатся в психиатрических учреждениях (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии», § 48, с дальнейшими ссылками).

114. Европейский Суд также рассматривал жалобы родственников пациентов, добровольно проходивших лечение в психиатрических учреждениях. В деле «Рейнольдс против Соединенного Королевства» (Reynolds v. United Kingdom) (см. Постановление Европейского Суда от 13 марта 2012 г., жалоба № 2694/08) сын заявительницы проходил лечение на добровольной основе и впоследствии совершил самоубийство, выпрыгнув из окна на шестом этаже из-за психического расстройства. Сделав вывод о нарушении статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции, Европейский Суд отметил, что у заявительницы не было возможности обратиться в суд в порядке гражданского производства с целью привлечения к ответственности и определения компенсации в отношении ее страданий и смерти ее сына (см. упоминавшееся выше Постановление по делу «Рейнольдс против Соединенного Королевства», § 67), и счел, что заявительница представила доказуемую жалобу на нарушение статьи 2 Конвенции при обстоятельствах смерти сына после его добровольной госпитализации в психиатрическое учреждение. В данном Постановлении Европейский Суд не указал определенно, что позитивное обязательство по принятию оперативных превентивных мер распространялось на пациентов, добровольно проходивших лечение в психиатрическом учреждении. Однако данный вывод явно не исключался. Европейский Суд призван рассмотреть этот вопрос в настоящем деле.

115. Что касается, в частности, риска самоубийства, Европейский Суд ранее принимал во внимание различные факторы, когда лицо было лишено властями свободы (в основном содержалось под стражей), с целью установить, знали ли власти или должны ли были они знать, что жизнь конкретного лица подвергалась реальному и непосредственному риску, в результате чего у властей возникло обязательство по принятию превентивных мер. Данные факторы обычно включают:

i) историю проблем с психическим здоровьем (см. Постановление Европейского Суда по делу «Волк против Словении» (Volk v. Slovenia) от 13 декабря 2012 г., жалоба № 62120/09, § 86), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Митич против Сербии» и Решение Европейского Суда по делу «Янгер против Соединенного Королевства» (Younger v. United Kingdom) от 7 января 2003 г., жалоба № 57420/00);

ii) тяжесть психического состояния пациента (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Дондер и Де Клиппель против Бельгии» (De Donder and De Clippel v. Belgium) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 8595/06, § 75, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства»);

iii) предыдущие попытки совершения самоубийства или самотравмирования (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции», § 86, Постановление Европейского Суда по делу «Кетреб против Франции» (Ketreb v. France) от 19 июля 2012 г., жалоба № 38447/09, § 78, и Постановление Европейского Суда по делу «Чошелав против Турции» (Çoşelav v. Turkey) от 9 октября 2012 г., жалоба № 1413/07, § 57, и см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии», § 52);

iv) суицидальные мысли или угрозы (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Рейнольдс против Соединенного Королевства», § 10);

v) признаки физического или психического истощения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Дондер и Де Клиппель против Бельгии», и см. для сравнения упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Янгер против Соединенного Королевства»).

(с) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(i) Позитивное обязательство по созданию нормативной базы

116. Европейский Суд прежде всего напоминает, что анализ нормативной базы государства-ответчика не является абстрактным, скорее, оцени-

вається то, каким образом она оказала влияние на положение заявителя в конкретном деле (см. выше § 107).

117. Что касается жалобы заявительницы на отсутствие заборов и стен вокруг больницы, Европейский Суд, как и власти Португалии, не усматривает причин сомневаться в подходе, избранном администрацией больницы в этом отношении и соответствовавшем Закону о психиатрической помощи, который действовал в период, относившийся к обстоятельствам дела (см. выше § 58). Закон о психиатрической помощи предписывал, чтобы лечение психических расстройств осуществлялось в наиболее ограничительной среде. Данные общие принципы отражали стремление врачей к созданию открытого режима, при котором за пациентом сохраняется право на свободное передвижение. Этот подход соответствует международным стандартам лечения психических расстройств, появившимся в последние годы (см. выше раздел «Соответствующие международное право и правоприменительная практика», а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии», § 54). Европейский Суд также отмечает, что в законодательстве Португалии, а именно в Законе о психиатрической помощи от 24 июля 1998 г. (см. выше § 58), предусмотрена возможность принудительной госпитализации, если она обоснована специфическими требованиями. Независимо от того, была ли необходима принудительная госпитализация, чтобы избежать риска для жизни А.Ж., нормативная база, без сомнения, предоставляла администрации больницы необходимые средства для лечения А.Ж. с учетом возможных медицинских и психиатрических потребностей последнего.

118. Хотя письменные инструкции относительно ограничительных мер, применимых к пациентам, страдающим психическими расстройствами, были введены только в 2011 году (см. выше § 63), Европейский Суд не рассматривает это как недостаток, который сам по себе сделал нормативную базу неэффективной для целей предоставления необходимых средств для защиты жизни А.Ж.

119. В этом отношении Европейский Суд проводит различие между требованием качества закона с точки зрения статей 3, 5 и 8 Конвенции в делах, затрагивающих негативный аспект соответствующего права, и в делах, касающихся обязанности создания нормативной базы для защиты лица от причинения ему вреда третьими лицами или им самому себе. Требование качества закона, предусмотренное в пункте 1 статьи 5 Конвенции, предполагает, что, если законодательство страны разрешает лишение свободы, это законодательство должно быть достаточно доступным, точным и предсказуемым в его применении с тем, чтобы исключить любой риск произвола (см. Постановление Европейского Суда по делу «J.N. про-

тив Соединенного Королевства» (J.N. v. United Kingdom) от 19 мая 2016 г., жалоба № 37289/12, § 77, с дальнейшими ссылками). Поскольку цель требования о создании соответствующей нормативной базы по статье 2 Конвенции заключается в ином, а именно в предоставлении необходимых средств для защиты жизни пациента, отсутствие письменных правил об использовании мер принуждения не является определяющим для его эффективности и само по себе не означает, что было допущено нарушение статьи 2 Конвенции. Более того, нельзя забывать, что А.Ж. проходил лечение на добровольной основе и что жалоба заявительницы не относилась к определенному периоду, в течение которого к ее сыну применялся ограничительный режим. Следовательно, Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость далее рассматривать этот вопрос (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии», § 126).

120. Европейский Суд также не может усмотреть каких-либо вопросов, связанных с процедурой наблюдения за пациентами, проходившими лечение на добровольной основе, и способных служить подтверждением вывода о том, что предполагаемые недостатки привели к смерти А.Ж. Эта процедура заключалась в установлении четкого распорядка дня для всех пациентов и в проверке присутствия пациента во время всех приемов пищи и медикаментов, а также в общем наблюдении за пациентами со стороны дежурного персонала (см. выше § 50–51). Более ограничивающая процедура наблюдения также могла применяться в начале пребывания пациента в больнице и в другое время, если лечащий врач считал это необходимым (см. выше § 54). Когда применялась ограничивающая процедура, пациентам не разрешалось покидать территорию больницы, и медсестры более пристально наблюдали за их передвижениями. Наконец, при чрезвычайных обстоятельствах сотрудники больницы могли прибегать к иным мерам принуждения, в том числе к использованию изолятора. Таким образом, существовавшая в больнице процедура наблюдения и доступные для медицинского персонала меры принуждения предоставляли больнице достаточные средства, необходимые для лечения А.Ж.

121. Европейский Суд также соглашается с выводом судов Португалии о том, что установленная в больнице процедура наблюдения имела целью уважение личной жизни А.Ж. и соответствовала принципу лечения пациентов при наименее ограничивающем режиме. Европейский Суд сам установил, что чрезмерно ограничивающие меры в отношении пациентов психиатрических учреждений могут вызвать вопросы с точки зрения статей 3, 5 и 8 Конвенции (см. выше § 112, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда

по делу «Хиллер против Австрии», § 55), и более ограничительный режим наблюдения за А.Ж. мог быть оспорен как нарушавший данные положения Конвенции, в частности, с учетом его статуса пациента, проходившего лечение добровольно.

122. Что касается процедуры действий в чрезвычайных ситуациях, она заключалась в том, чтобы предупредить дежурного врача, полицию и семью пациента (см. выше § 52). В какое-то время, между 19.00 и 20.00, медсестра-координатор сообщила об отсутствии А.Ж. доктору J.P., который дежурил в тот день (но в это время находился за пределами больницы), и связалась с национальной республиканской охраной и с заявительницей. Европейский Суд соглашается с выводом суда Португалии о том, что процедура действий в чрезвычайных ситуациях была надлежащей, и в любом случае он не усматривает наличия причинно-следственной связи между какими-либо предполагаемыми недостатками процедуры и смертью А.Ж. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что данная процедура не обладала недостатками, которые вызвали бы вопросы с точки зрения статьи 2 Конвенции.

123. Наконец, Европейский Суд отмечает, что заявительница обратилась в суды, которые могли установить, кто нес ответственность за смерть А.Ж. Заявительница подала гражданский иск в административный суд г. Коимбры и жалобу на решение об отказе ей в требованиях Верховного административного суда Португалии (см. выше §§ 29–46). Хотя данные производства вызывают вопросы в связи и их длительностью, которые Европейский Суд рассмотрит в рамках анализа соблюдения статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте (см. ниже §§ 134–140), в представленных Европейскому Суду материалах дела ничто не указывает на системную проблему функционирования судебной системы, в результате которой заявительница была лишена эффективного рассмотрения ее иска.

(ii) Позитивное обязательство по принятию оперативных превентивных мер

124. Отсутствуют сомнения в том, что как лицо с серьезными психическими расстройствами А.Ж. находился в уязвимом положении. Европейский Суд полагает, что пациент психиатрического учреждения является особенно уязвимым лицом, даже если он проходит лечение добровольно. В связи с психическим заболеванием пациента его или ее способность принимать обдуманное решение о совершении самоубийства может быть в некоторой степени ограничена. Далее, любая госпитализация в психиатрическом учреждении, добровольная или принудительная, неизбежно предполагает определенную степень принуждения в результате

клинического состояния пациента и его последующего лечения. В процессе лечения часто необходимо прибегать к иным мерам принуждения. Такое принуждение может принимать различные формы, включая ограничение прав лица на свободу и на личную жизнь. Принимая во внимание все эти факторы, а также учитывая характер и развитие прецедентной практики, указанной выше в §§ 108–115, Европейский Суд полагает, что на властях лежит общее оперативное обязательство в отношении добровольных пациентов по принятию всех разумных мер для защиты лица от реального и непосредственного риска самоубийства. То, какие именно меры необходимо принять, зависит от конкретных обстоятельств дела, и данные обстоятельства часто различаются в зависимости от того, госпитализирован ли пациент добровольно или принудительно. Следовательно, обязательство по принятию всех разумных мер для предупреждения причинения лицом вреда само себе действует в отношении обеих категорий пациентов. Однако Европейский Суд считает, что в случае пациентов, госпитализированных на основании судебного решения и, соответственно, принудительно, Европейский Суд при проведении им собственной оценки может применять более строгий подход.

125. Таким образом, Европейский Суд должен проверить, знали ли власти или должны ли были они знать о том, что в отношении А.Ж. существовал реальный и непосредственный риск самоубийства, и, если да, сделали ли они всё, что можно было от них разумно ожидать, чтобы предотвратить данный риск путем принятия доступных для них принудительных мер в отношении А.Ж. (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», § 93). Европейский Суд будет учитывать необходимость выбора оперативных действий в зависимости от приоритетов и ресурсов при предоставлении медицинской помощи и других услуг в государственных учреждениях, а также сложность управления современным обществом (см. выше § 111).

126. Как указано выше, в § 115, Европейский Суд установил ряд соответствующих критериев относительно оценки риска самоубийства. Он рассмотрит данные факторы в свете конкретных обстоятельств настоящего дела с целью установить, знали ли власти или должны были они знать, что жизнь сына заявительницы подвергалась реальному и непосредственному риску, из чего следовала обязанность властей по принятию соответствующих превентивных мер.

127. Что касается, во-первых, истории болезни А.Ж., сторонами не оспаривалось, что он был добровольно госпитализирован в больницу восемь раз в 1984–2000 годах (см. выше § 12). Данные периоды содержания в больнице обычно следовали за приступами психического заболевания или алкогольной интоксикацией, и только последний

раз лечение А.Ж. было следствием попытки самоубийства. Суды Португалии установили, что А.Ж. страдал несколькими психическими расстройствами, вызванными патологическим пристрастием к алкоголю и лекарствам. Также было признано, что он иногда страдал депрессией. После его смерти назначенный судом эксперт-психиатр (см. выше § 33) счел возможным, что А.Ж. также страдал пограничным расстройством личности. Во-вторых, что касается тяжести проблем А.Ж. со здоровьем, ясно, что А.Ж. страдал тяжкими психическими расстройствами в течение длительного периода (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции», § 109).

128. Что касается суицидальных мыслей или угроз, Европейский Суд не находит причин не согласиться с выводами судов Португалии о том, что в течение последних дней своей жизни А.Ж. не проявлял в своем поведении признаков или настроений, которые позволили бы персоналу больницы предполагать, что 27 апреля 2000 г. поведение А.Ж. будет иным, чем в предшествующие дни (см. выше § 40). В судах Португалии были проведены пять заседаний, в ходе которых суд заслушал многочисленных свидетелей и провел комплексный анализ собранных доказательств. В связи с этим Европейский Суд признает, что А.Ж. не проявлял суицидальных наклонностей во время его нахождения в больнице с 2 апреля 2000 г. (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии», § 52). Заявительница утверждала в судах Португалии, что А.Ж. снова попытался совершить самоубийство 25 апреля 2000 г. путем употребления чрезмерного количества алкоголя. Этот довод был отклонен судами Португалии, которые установили, что поведение А.Ж., которое привело к его доставлению в университетскую больницу г. Коимбры 26 апреля 2000 г., было «безрассудным», но не суицидальным (см. выше § 40). Суды Португалии пришли к такому выводу на основе соответствующего комплексного и убедительного анализа тщательно рассмотренных ими доказательств. Европейский Суд соглашается с выводами судов Португалии в отношении данного эпизода, принимая во внимание, что А.Ж. страдал хроническим алкоголизмом и что пил он в основном после обеда и в кафе. Таким образом, Европейский Суд признает, что А.Ж. пытался совершить самоубийство один раз, 1 апреля 2000 г., более, чем за три недели до его смерти.

129. Наконец, что касается признаков физического или психического истощения, в медицинских документах от 27 апреля 2000 г. содержатся записи о том, что А.Ж. был спокоен, гулял вокруг корпуса, в котором он находился, хорошо ел во время обеда и присутствовал на полднике (см. выше § 22). Европейский Суд вновь соглашается с выводами судов Португалии о том, что в поведении А.Ж. в дни, непосредственно предшествовавшие его самоубий-

ству, не было каких-либо признаков, что могло бы вызвать тревогу (см. выше § 40).

130. Европейский Суд считает, что сотрудникам больницы было известно о том, что А.Ж. в течение длительного времени страдал психическими расстройствами и периодически представлял собой угрозу для собственной жизни. Однако Европейский Суд отмечает, что, хотя А.Ж. был уязвимым, он находился в обстановке, которая была ему уже хорошо известна, и он общался с персоналом, который был ему знаком и который в свою очередь знал заявителя. Когда в больнице сочли, что риск, который А.Ж. представлял для его собственной жизни, снизился, ему была предоставлена свобода передвижения вокруг корпусов больницы и по ее территории, а также ему разрешили провести выходные с семьей. В материалах дела отсутствуют подтверждения тому, что родственники А.Ж. возражали против того, чтобы он возвращался домой на выходные. Когда риск представлялся серьезным, А.Ж. предписывалось оставаться в больнице в своей пижаме и соблюдать более ограничительный режим. Так обстояло дело, когда А.Ж. поступил в больницу 2 апреля 2000 г., когда он провел первую неделю своего пребывания в больнице в рамках ограничительного режима (см. выше § 18), и во время предшествовавших госпитализаций. Однако ограничительный режим всегда отменялся, когда считалось, что состояние А.Ж. улучшилось. Это соответствовало общей философии больницы по предоставлению пациентам значительной свободы передвижения с целью увеличения их ответственности и оптимизации их возвращения в семью и в общество в целом. Европейский Суд не усматривает причин ставить под сомнение заключение лечащего психиатра А.Ж., врача А.А., принятого судами Португалии, о том, что лечение А.Ж., которое состояло в том, чтобы принимать назначенные лекарства, добровольно проходить лечение и установить доверительные отношения (см. выше § 35), было соответствующим и соразмерным обстоятельствам.

131. Европейский Суд, как и психиатр, назначенный медицинской ассоциацией (см. выше § 33), приходит к выводу, что, хотя риск самоубийства нельзя было исключать применительно к таким пациентам, как А.Ж., чье психопатологическое состояние было основано на множественности диагнозов, непосредственный характер этого риска мог различаться. В настоящем деле сотрудники больницы стремились приспособиться к риску, который представляло часто менявшееся психическое состояние А.Ж., путем снижения или увеличения наблюдения за ним. Данное решение было принято бригадой медицинских работников, которые несли за А.Ж. ответственность (см. выше § 35). Европейский Суд ссылается на факторы, перечисленные выше, в §§ 127–129. Кроме того, Европейский Суд принимает во внимание то об-

стоятельство, что согласно заключениям экспертов предупреждение самоубийства у таких пациентов, как А.Ж., чтобы полностью исключить его риск, было невозможно (см. выше § 33) и что административный суд г. Коимбры установил, что самоубийство А.Ж. не было предсказуемо (см. выше § 40). Более того, Европейский Суд рассматривает вопрос о риске с целью оценки того, был ли он одновременно реальным и непосредственным, и отмечает, что позитивное обязательство государства должно толковаться таким образом, чтобы не возлагать на власти чрезмерное или непропорциональное бремя. С учетом данных элементов Европейский Суд приходит к выводу, что не было доказано, что власти знали или должны были знать о существовании непосредственного риска для жизни А.Ж. в дни, предшествовавшие 27 апреля 2000 г.

132. Следовательно, отсутствует необходимость применять вторую часть теста, разработанного в упоминавшихся выше делах «Осман против Соединенного Королевства» и «Кинан против Соединенного Королевства», а именно проверять, приняли ли власти все меры, которые можно было разумно от них ожидать.

(d) Заключительные замечания

133. Что касается позитивного обязательства по созданию нормативной базы, Европейский Суд приходит к выводу, что то, каким образом существовавшая в Португалии на момент событий настоящего дела нормативная база была применена, не нарушало статью 2 Конвенции при обстоятельствах настоящего дела. В отношении обязанности принятия оперативных превентивных мер Европейский Суд приходит к заключению, что не было доказано, что власти знали или должны были знать о наличии риска для жизни А.Ж., который был одновременно реальным и непосредственным. В итоге Европейский Суд приходит к выводу, что по делу не было допущено нарушения статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

В. ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

1. Постановление Палаты Европейского Суда

134. Палата Европейского Суда постановила, что по делу было допущено нарушение процессуально-правового аспекта статьи 2 Конвенции. Власти Португалии признали, что производство в судах страны было длительным, но не представили каких-либо убедительных причин для этого. Палата Европейского Суда указала на несколько длительных периодов отсутствия каких-либо действий по делу. В частности, по мнению Палаты Европейского Суда, административному суду

г. Коимбры понадобились два года, чтобы запросить заключение эксперта относительно клинического состояния А.Ж.: первое заседание суда состоялось 8 октября 2008 г., через два года после составления экспертом заключения, и после этого суду понадобилось еще три года, чтобы вынести решение по делу.

2. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(a) Заявительница

135. Заявительница утверждала, что задержка производства по ее делу представляла собой явное нарушение статьи 2 Конвенции. Заявительница подала гражданский иск против больницы 17 марта 2003 г. С 12 декабря 2003 г. по 11 января 2005 г. каких-либо действий по делу не проводилось в ожидании решения по ходатайству заявительницы об изменении некоторых частей предварительного решения суда по делу (см. выше §§ 31 и 32). С 13 октября 2005 г. по 16 июня 2006 г. дело было отложено для получения заключения эксперта (см. выше §§ 32 и 33). Эксперту, назначенному судом, пришлось ждать предоставления ему необходимых материалов более восьми месяцев. 9 ноября 2007 г. суд назначил заседание на 8 октября 2008 г. Задержка рассмотрения дела привела к тому, что свидетели были допрошены через пять лет после того, как заявительница подала иск, и через восемь лет после событий настоящего дела. Заявительница упоминала также о других задержках производства по делу, а именно о периоде, который прошел с момента передачи дела в Верховный административный суд Португалии 11 октября 2011 г. до составления заключения заместителем генерального адвоката 26 сентября 2012 г., а также до вынесения Верховным административным судом Португалии постановления 29 мая 2014 г.

(b) Власти Португалии

136. Власти Португалии признали, что длительность производства по делу была чрезмерной. Однако они считали, что это указывало на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, а не статьи 2 Конвенции.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(a) Общие принципы

137. Процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2 Конвенции в контексте медицинской помощи требует, помимо прочего, чтобы производство по делу было завершено в течение разумного срока (см. упоминавшееся выше

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 218). Знание фактов дела и возможных ошибок, допущенных в ходе лечения, имеет наиважнейшее значение для того, чтобы позволить соответствующим учреждениям и медицинскому персоналу исправить потенциальные недостатки и предотвратить аналогичные упущения. Быстрое рассмотрение подобных дел является, таким образом, важным для безопасности тех лиц, кто прибегает к услугам в сфере здравоохранения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилич против Словении» (*Šilih v. Slovenia*) от 9 апреля 2009 г., жалоба № 71463/01, § 196). В особенности в тех делах, которые касаются установления обстоятельств смерти в больнице, длительность производства по делу является надежным показателем того, что производство по делу имело такие недостатки, которые представляли собой нарушение обязательства соответствующего государства по Конвенции, если только оно не привело очень убедительные и аргументированные причины, чтобы обосновать данную длительность (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 219, и Постановление Европейского Суда по делу «Билбья и Блажевич против Хорватии» (*Bilbija and Blažević v. Croatia*) от 12 января 2016 г., жалоба № 62870/13, § 107).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

138. Производство в судах Португалии продолжалось 11 лет, два месяца и 15 дней на двух уровнях юрисдикции. Европейский Суд отмечает, что власти Португалии признали, что производство по делу было чрезмерно длительным и что разумный срок рассмотрения дела не был соблюден, даже принимая во внимание предполагаемую сложность дела и необходимость отложения судебных заседаний.

139. Власти Португалии не представили каких-либо убедительных и аргументированных причин, оправдывающих длительность производства в судах государства-ответчика. В настоящем деле свидетели были заслушаны через восемь-девять месяцев после смерти А.Ж. и через шесть-семь лет после того, как по жалобе заявительницы было начато разбирательство (см. выше § 35). Течение времени могло оказать влияние на то, насколько хорошо свидетели могли вспомнить ключевые факты, относившиеся к смерти А.Ж. Более того, как Европейский Суд уже указал, оперативность производства по делу была важна для того, чтобы в случае выявления недостатков или ошибки они могли быть исправлены в будущем (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», § 218).

140. С учетом вышеизложенного Большая Палата Европейского Суда приходит к выводу, что по делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

141. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

142. В ходе производства в Палате Европейского Суда заявительница требовала присудить ей 703,80 евро в качестве компенсации материального ущерба, а именно расходов на погребение. Она также требовала присудить ей 40 000 евро в отношении утраты ее дохода в размере 200 евро, которые ее сын выплачивал ей. Она также просила присудить ей 40 000 евро в качестве компенсации морального вреда (30 000 евро в отношении материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции и 10 000 евро в отношении процессуально-правового аспекта статьи 2 Конвенции).

143. Палата Европейского Суда полностью удовлетворила требования заявительницы относительно возмещения расходов на погребение. Однако что касается утраты финансовой помощи, Палата Европейского Суда не усмотрела наличия причинно-следственной связи между установленным нарушением и предполагаемым материальным ущербом. Что касается требования о компенсации морального вреда, Палата Европейского Суда сочла разумным присудить заявительнице 25 000 евро в качестве компенсации страданий, которые заявительница испытала в связи с обстоятельствами смерти ее сына и невозможностью получить решение судов Португалии по ее делу в разумный срок.

144. В ходе рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда заявительница подтвердила свои требования, высказанные ею в ходе рассмотрения дела в Палате Европейского Суда относительно материального ущерба и морального вреда.

145. Что касается материального ущерба, Европейский Суд отмечает, что ответственность властей государства-ответчика за смерть ее сына не была установлена. Следовательно, поскольку не было выявлено наличия причинно-следственной связи между действиями больницы и смертью А.Ж., Европейский Суд не присуждает заявительнице

це каких-либо сумм в отношении материального ущерба.

146. Что касается морального вреда, Европейский Суд полагает, что заявительница должна была испытать страдания и разочарование в связи с продолжительностью разбирательства в судах Португалии по делу, возбужденному по ее иску, поданному с целью установления причины смерти ее сына. В связи с этим Большая Палата Европейского Суда присуждает ей 10 000 евро по данному основанию.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

147. В ходе рассмотрения дела в Палате Европейского Суда и в Большой Палате Европейского Суда заявительница просила присудить ей 409 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных во время разбирательства дела в судах Португалии и соответствующих размеру государственных пошлин. Она предоставила квитанцию в качестве доказательства своих требований. Палата Европейского Суда полностью удовлетворила требования заявительницы.

148. В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек лишь в той части, в которой было доказано, что последние были необходимы, были фактически понесены заявителем и были разумными по размеру (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана» (*Sargsyan v. Azerbaijan*) (справедливая компенсация) от 12 декабря 2017 г., жалоба № 40167/06¹, § 61). В настоящем деле с учетом предоставленных ему документов и вышеупомянутых критериев Европейский Суд считает разумным присудить заявительнице требуемую ей сумму в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде. Заявительница, которой было предоставлено право на оплату юридической помощи в ходе рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда, не представила требований о возмещении судебных расходов и издержек в связи с данным рассмотрением.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

149. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 5 (примеч. редактора).

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила 15 голосами «за» при двух – «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте;

2) постановила единогласно, что по делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте;

3) постановила единогласно, что:

(а) власти государства-ответчика должны выплатить заявительнице в течение трех месяцев следующие суммы:

(i) 10 000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 409 (четыреста девять) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) отклонил 15 голосами «за» при двух – «против» оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, оглашено в открытом судебном заседании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 31 января 2019 г.

Франсуаза ЭЛЕНС-ПАССОС
Заместитель
Секретаря-канцлера
Суда

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты
Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судьи Паоло Пинто де Альбукерке, к которому присоединился судья Армен Арутюнян.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАОЛО ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ АРМЕН АРУТЮНЯН

1. Я голосовал за нарушение статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в ее материально-правовом и процессуально-правовом аспектах. Хотя в целом я могу согласиться с выводами большинства судей по последнему вопросу, я не разделяю мнения большинства по первому вопросу, то есть по фактическим и правовым основаниям. Что касается фактов, я докажу, что мнение большинства судей основано на предположении о фактах, которые

просто не имели места, и, что еще хуже, о нормативной базе с «общей философией»¹ о защите права на жизнь пациентов психиатрических учреждений, которой со всей очевидностью не существовало. Проще говоря, мнение большинства судей было изложено не по поводу Португалии во время событий настоящего дела, а какой-то другой страны. Настоящее Постановление является результатом творческого осуществления судебной юрисдикции в отношении воображаемой страны.

2. Что касается законодательства, я докажу, что мнение большинства судей следует закрепить в деле «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии»² идеологически нагруженному минималистскому подходу к позитивным обязательствам государств в сфере здравоохранения, на этот раз применительно к особенно уязвимой категории пациентов психиатрических учреждений, находящихся под контролем государства. В результате степень защиты, предоставляемой Конвенцией, снижается до недопустимого уровня инерции государства.

Обязательство по созданию нормативной базы

3. Позитивное обязательство государства в сфере здравоохранения требует принятия нормативных актов, предписывающих больницам, государственным или частным, принимать соответствующие меры для защиты жизней пациентов³. Согласно упомянутому выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии»⁴ обязательство государства по статье 2 Конвенции в контексте здравоохранения включает обязанность по созданию нормативной базы для защиты пациента. Большинство судей согласилось с данным подходом прецедентной практики Европейского Суда⁵. Даже предположив наличие такого конвенционного обязательства в той узкой формулировке, которая была использована в настоящем Постановлении⁶, власти Португалии

не выполнили данного обязательства по нижеследующим причинам.

4. Статья XVII Закона от 11 апреля 1945 г. № 2006 регулировала обязательство государства по защите жизни пациентов с психическими расстройствами, добровольно проходивших лечение в государственных больницах, предусматривая для них открытый и закрытый режимы. Эта статья дополнялась статьей XXII Закона от 3 апреля 1963 г. № 2118, а после революции 1974 года – Указом от 3 июля 1992 г., которые также упоминали о таких режимах. Действующий в настоящее время Закон от 24 июля 1998 г. № 36/98 отменил данные режимы, но на практике они остались без какого-либо правового основания.

5. Что касается законодательства Португалии и, в частности, больницы «Собрал Сид» (далее – больница) во время событий настоящего дела, полезно процитировать следующие извлечения из заключения Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП):

«108. ...Пациенты также могли быть временно изолированы (то есть могли содержаться в палате в одиночестве). При изоляции, которая никогда не продолжалась долго, пациент содержался в своей палате или, если с ним в палате обычно находились другие пациенты, в одной из отдельных палат.

109. ...ЕКПП полагает, что *каждый случай применения к пациенту физического принуждения* должен отмечаться в специальном реестре, созданном для этой цели. Отметка должна включать сведения о том, когда началось и закончилось применение меры принуждения, об обстоятельствах дела, о причинах применения меры, данные врача, который предписал или одобрил применение меры, а также о любых телесных повреждениях, нанесенных при этом пациенту или персоналу» (курсив мой. – П.П. А.)⁷.

6. В 2003 и 2008 годах ЕКПП в общих выражениях подчеркивал необходимость наличия «детальной» и «документально фиксированной» политики в отношении изоляции пациентов во «всех психиатрических больницах», включая «частные психиатрические больницы»:

«...119. Изоляция психически больных пациентов должна осуществляться в рамках детальной политики... ЕКПП рекомендует властям Португалии разработать такую политику»⁸...

¹ См. § 130 настоящего Постановления.

² См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal) от 19 декабря 2017 г., жалоба № 56080/13 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 6 (примеч. редактора)).

³ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чиглио против Италии» (Calvelli and Ciglio v. Italy) от 17 января 2002 г., жалоба № 32967/96, § 49.

⁴ См. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии».

⁵ См. §§ 106 и 107 настоящего Постановления.

⁶ *Ibid.*

⁷ Португалия: визит 1999 года, СРТ/Inf(2001)12, раздел 38/47, 20 декабря 1999 г., «Психиатрическая больница “Собрал Сид”», «5. Меры принуждения». В ходе данного визита ЕКПП посетил «общее мужское психиатрическое отделение», где А.Ж. содержался несколько раз (см. §§ 17 и 19 настоящего Постановления).

⁸ Португалия: визит 2003 года, СРТ/Inf(2007)13, раздел 37/47, 30 июля 2004 г., «С. Пенитенциарные психиатрические учреждения», «6. Средства принуждения и использование изоляции».

130. ЕКПП рекомендует властям Португалии принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы во всех психиатрических больницах была своя документально фиксированная политика в отношении использования мер принуждения или применения упомянутого выше Протокола. Данная рекомендация также применяется к частным психиатрическим больницам...» (курсив мой. – П.П. А.)¹.

7. Только в 2007 году Министерство здравоохранения приняло Протокол об использовании средств «механического принуждения» во всех больницах Португалии, включая психиатрические (Нормативный циркуляр № 08/DSPSM/DSPCS), который был отменен и заменен в 2011 году новыми, более широкими Руководящими принципами, принятыми Генеральным инспектором здравоохранения 6 июня 2011 г. № 21/2011, в отношении использования мер принуждения, которые распространяются на «изоляцию и механическое и химическое принуждение» (*Orientação da Direção-Geral da Saúde Nº 21/2011, de 6/06/2011 Prevenção de comportamentos dos doentes que põem causa a sua segurança ou da sua envolvente – Contenção de Doentes*).

Руководящие принципы упоминают о пяти видах принуждения: терапевтическом (контроль физической активности или поведения лица либо части его тела); связанном с окружающей обстановкой (использование перемены обстановки для контроля за передвижениями пациента; это может быть ограниченное пространство, например, отдельная комната (*sala de confinamento*), где пациент может свободно передвигаться под контролем медицинского персонала); физическом (удержание, перемещение или блокирование пациента с целью избежать возникновения риска); механическом (использование инструментов для ограничения движения); химическом (прием лекарственных препаратов, которые препятствуют движениям пациента). Согласно пункту 9 Руководящих принципов каждое учреждение по предоставлению медицинской помощи должно подготовить внутренние стандарты по имплементации этих принципов в соответствии с особенностями предоставляемых им медицинских услуг. Причины для разработки Руководящих принципов изложены следующим образом:

«Существуют доказательства того, что принуждение является одной из наиболее используемых практик на международном уровне для лечения пациентов, поведение которых представляет риск для них самих или для окружающих их лиц. Из различных исследований по данному вопросу вытекает необходимость предупреждения инцидентов и негативных событий, связанных с принуждением. В то же время установлена польза для обеспечения безопасности, которую может принести обучение в профессиональном контексте и при применении данных мер».

¹ Португалия: визит 2008 года, СРТ/Inf(2009)13, раздел 36/44, 24 июля 2008 г., «С. Психиатрические учреждения», «4. Меры принуждения».

8. В 2012 году по итогам визита в Португалию ЕКПП отреагировал на новые правила следующим образом:

«107. В своих докладах по итогам визитов 2003 и 2008 годов ЕКПП рекомендовал разработать политику в отношении использования мер принуждения. Принятие в 2011 году Министерством здравоохранения Руководящих принципов по применению мер принуждения² является шагом вперед. Они касаются изоляции, механического и химического принуждения и заменяют принятый в 2007 году Протокол о механическом принуждении³. Однако можно пожалеть о том, что Руководящие принципы не касаются отдельно многих важных вопросов, таких как типы дел, в которых могут быть использованы меры принуждения; требование о том, что любое применение мер принуждения должно всегда быть либо предписано врачом, либо немедленно доведено до его или ее сведения с целью получения разрешения; продолжительность принуждения и необходимость частого пересмотра, надлежащего межличностного контакта и повышенного наблюдения со стороны медицинского персонала; создание специального реестра по использованию мер принуждения (в дополнение к записи об использовании меры в истории болезни пациента или в журнале медсестер). Руководящие принципы 2011 года должны были быть имплементированы в судебно-психиатрических больницах, которые посетил ЕКПП, и в любом случае они не применялись в психиатрической больнице тюрьмы “Санта Круз до Биспо” (*Santa Cruz do Bispo*), которая находилась в ведении Министерства юстиции. ЕКПП рекомендует властям Португалии принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы во всех судебно-психиатрических больницах, включая те, которые находятся в ведении Министерства юстиции, была установлена письменная политика в отношении использования мер принуждения в соответствии с более ранними рекомендациями ЕКПП по данному вопросу»⁴.

9. На самом деле Руководящие принципы, принятые в 2011 году Министерством здравоохранения в отношении мер принуждения, применялись в стране нерегулярно⁵. Что еще хуже, даже в отношении лиц, проходивших лечение добровольно, последние не знали о применении таких правил⁶. Медицинские работники поступали, как им хотелось и когда хотелось.

² *Orientação da Direção-Geral da Saúde Nº 021/2011, data 06/06/2011 Prevenção de comportamentos dos doentes que põem causa a sua segurança ou da sua envolvente – Contenção de Doentes*.

³ Протокол Министерства здравоохранения об использовании средств «механического принуждения» (май 2007 года, Нормативный циркуляр № 08/DSPSM/DSPCS), см. сноску 59 документа СРТ/Inf(2009)13.

⁴ Португалия: визит 2012 года, СРТ/Inf(2013)4, раздел 38/45, 25 июля 2012 г., «С. Психиатрические учреждения для судебных пациентов», «6. Изоляция и меры принуждения. (а) Политика в отношении использования мер принуждения».

⁵ См. доклад ЕКПП о визите в больницу «Собрал Сид» в 2012 году, § 107.

⁶ *Ibid.*, § 123.

Что касается, использования мер принуждения и пижам, ЕКПП не мог выразиться яснее, настаивая в особенности на необходимости создания централизованного реестра для «всех форм» применения принуждения «во всех психиатрических учреждениях»:

«111. ...ЕКПП повторяет свою рекомендацию о том, что *каждое использование мер принуждения*, в том числе химического, должно всегда быть специально назначено врачом или немедленно доведено до его или ее сведения. Назначение “*сопрепаратов*” не может оправдывать использования таких препаратов для мер химического принуждения.

112. Другим ограничением свободы передвижения, которое применялось к пациентам обоих отделений, была мера наблюдения, известная как “*пижамный*” режим. Пациенты, к которым применялся данный режим, были обязаны носить пижаму в течение всего дня, и им не разрешалось выходить во двор. “*Пижамный*” режим применялся в центральной больнице г. Лиссабона и в больнице “Собрал Сид” в течение первых двух недель после поступления пациента в учреждение. В больнице “Собрал Сид” он также мог применяться к пациентам, которые вели себя агрессивно или нарушали некоторые правила пребывания (например, запрет курения в помещении), на срок от одного до нескольких дней. В таких случаях решение о применении специального режима наблюдения принималось в режиме *ad hoc* дежурным персоналом и при этом не сопровождалось соблюдением ясных процедур и гарантий.

По мнению ЕКПП, систематическое использование пижам как средства наблюдения за вновь поступившими пациентами вызывает много вопросов. Должны применяться другие методы наблюдения за вновь поступившими пациентами без ограничения их свободы передвижения. ЕКПП рекомендует принять все необходимые меры для того, чтобы *положить конец практике, в соответствии с которой вновь поступившие пациенты* центральной больницы г. Лиссабона и больницы “Собрал Сид” *должны носить пижаму.*

113. Что касается реестров, то необходимо отметить, что централизованный электронный реестр случаев использования мер механического принуждения был создан в центральной психиатрической больнице г. Лиссабона. Однако в нем содержались только статистические данные о частоте применения мер принуждения в различных отделениях, но отсутствовала конкретная информация относительно, например, продолжительности или типа примененной меры. В больнице “Собрал Сид” не велось специального реестра для фиксации случаев применения мер принуждения. В обеих больницах, которые посетил ЕКПП, отметки об использовании мер принуждения делались в журнале медсестер и иногда в истории болезни пациента, однако данные отметки часто были поверхностными, и в них не указывалось сведений о начале и прекращения применения меры.

ЕКПП несколько раз обращался к данному вопросу¹. Следует высказать сожаление, что

¹ Аналогичные замечания по данному вопросу были сделаны после визитов ЕКПП в Португалию в 1999, 2000 и 2008 годах, см.: СРТ/Inf(2009)13, § 129.

в Руководящих принципах Министерства здравоохранения 2011 года об использовании мер принуждения (см. выше § 107) не предусмотрена *обязанность по созданию централизованного реестра для всех форм применения принуждения, включая изоляцию, механическое и химическое принуждение, в каждом психиатрическом учреждении.* ЕКПП призывает власти Португалии принять необходимые меры для того, чтобы *каждый случай применения мер принуждения к пациенту был зафиксирован в специальном реестре в каждом психиатрическом учреждении.* Отметка о применении мер принуждения должна включать сведения о начале и окончании ее применения, данные о враче, который предписал или разрешил ее применение, и о любых телесных повреждениях, причиненных пациенту или персоналу².

123. ...ЕКПП должен вновь напомнить о своей позиции, в соответствии с которой поступление пациента в психиатрическое учреждение на недобровольной основе, независимо от того, считается ли пациент общегражданским или “судебным”, не должно рассматриваться как позволяющее лечение данного пациента без его или ее согласия. Каждый правоспособный пациент, поступивший на добровольной или недобровольной основе, должен получать исчерпывающую информацию относительно лечения, которое ему собираются назначить, и иметь возможность отказаться от лечения или любого другого медицинского вмешательства. Любое отступление от этого фундаментального принципа должно основываться на законе и быть связано только с ясно и строго определенными исключительными обстоятельствами. ЕКПП призывает власти Португалии принять все необходимые меры для того, чтобы пересмотреть соответствующее законодательство с учетом данных замечаний³ (курсив мой. – П.П. А.).

10. Очень показательным, что ЕКПП установил стандарты, которые должны применяться в «каждом» психиатрическом учреждении к «каждому правоспособному лицу, поступившему на добровольной или недобровольной основе». В частности, «каждый правоспособный пациент, поступивший на добровольной или недобровольной основе, должен получать исчерпывающую информацию относительно лечения, которое ему собираются назначить, и иметь возможность отказаться от лечения или любого другого медицинского вмешательства»; «каждое использование принуждения, в том числе химического, должно быть всегда специально назначено врачом или немедленно доведено до его или ее сведения». «ЕКПП призывает власти Португалии принять необходимые меры для того, чтобы каждый случай применения принуждения

² Португалия: визит 2012 года, СРТ/Inf(2013)4, раздел 39/45, 25 июля 2012 г., «С. Психиатрические учреждения для судебных пациентов», «6. Изоляция и меры принуждения»... (b) Судебно-медицинские отделения в больнице “Собрал Сид” и в Центральной психиатрической больнице г. Лиссабона.

³ Португалия: визит 2012 года, СРТ/Inf(2013)4, раздел 39/45, 25 июля 2012 г., «С. Психиатрические учреждения для судебных пациентов», «7. Гарантии... (b) Гарантии в течение госпитализации».

к пациенту был зафиксирован в специальном реестре в каждом психиатрическом учреждении». Аналогичным образом ЕКПП отметил недостатки в психиатрической госпитализации как добровольных, так и недобровольных пациентов, в том числе принятие решения о применении специального режима наблюдения «в режиме *ad hoc* дежурным персоналом» без соблюдения «ясных процедур и гарантий», систематическое использование пижам как способа наблюдения за вновь поступившими пациентами и отсутствие централизованного реестра по применению всех форм принуждения, включая изоляцию, механическое и химическое принуждение, в каждом психиатрическом учреждении.

11. Таким образом, безусловно, неправильно ограничивать сферу действия стандартов ЕКПП обязательным лечением, назначенным по решению суда по уголовным делам¹. Вся указанная выше информация была проигнорирована большинством судей при их оценке материально-правового аспекта настоящего дела, как и тот факт, что первая национальная психиатрическая программа (2007–2016 годы) была одобрена Резолюцией Совета министров от 24 января 2008 г. № 48/2008. Этот 55-страничный документ содержит девять упоминаний о случаях самоубийств и в очень неопределенных терминах предусматривает создание в будущем программ по предупреждению самоубийств. В данном документе предусматривается функционирование трех психиатрических больниц на всю страну: «Магальяэш де Лемош» (*Magalhães de Lemos*) в г. Порту, «Собрал Сид» (*Sobral Cid*) в г. Коимбре и «Жулио де Матош» (*Júlio de Matos*) в г. Лиссабоне, – и 39 психиатрических отделений в общегражданских больницах. Декрет-закон № 1490/2017 предусматривал оценку имплементации плана с целью установить дальнейшие действия на период до 2020 года. В рамках этой оценки ситуация была описана следующим образом:

«Оценка национального плана в сфере психиатрической помощи на 2007–2016 годы (*Avaliação do Plano Nacional de Saúde Mental 2007–2016*): «отсутствие эффективной координации различных элементов системы психиатрической помощи с постоянной асимметрией концентрации кадров в центральных больницах... сниженная автономия местных и региональных центров, принимающих решения... слабая имплементация сети продолжающейся и интегрированной психиатрической помощи, отсутствие причин для создания системы общественного вмешательства...»².

12. Первая национальная программа по предупреждению самоубийств на 2013–2017 годы основывается на документе Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) «Действия государственного здравоохранения для предупреждения

самоубийств» (2012 год)³. В первый раз национальная стратегия борьбы с самоубийствами была разработана с конкретными рекомендациями для групп и индивидов, находящихся в зоне риска, включая лиц с ограниченными психическими возможностями, а также с инструкциями по наблюдению и оценке имплементации.

13. Иными словами, в 2000 году Португалия находилась на доисторическом этапе предупреждения совершения самоубийств пациентами психиатрических учреждений. В стране не было законодательства или подзаконных актов, которые бы определяли, какие типы режимов могли быть применены при каких обстоятельствах кем и до какого времени. Регулятивный протокол о мерах защиты пациентов, который применялся во всех психиатрических учреждениях, был принят в 2011 году, и данные вопросы не были отрегулированы на уровне каждой больницы, как это изначально предполагалось. Этот протокол со всей очевидностью не является достаточным с точки зрения международных стандартов, определенных ЕКПП. Таким образом, в Португалии не было и до сих пор не существует четкой нормативной базы в сфере обязательства государства по защите жизни пациентов с психическими расстройствами, проходящих лечение в государственных больницах, таких как больница «Собрал Сид», на добровольной основе. Проще говоря, в 2000 году больница «Собрал Сид» находилась в черной правовой дыре.

14. Проигнорировав основные факты, большинство судей освобождают власти государства-ответчика от ответственности по двум причинам: они утверждают, что подход, избранный администрацией больницы в отношении отсутствия стен и заборов, соответствовал Закону о психиатрической помощи, который действовал в период, относившийся к обстоятельствам дела, и, по мнению большинства судей, соответствовал международным стандартам. Это просто неверно. Как сказано выше, международные стандарты, установленные уполномоченным органом, а именно ЕКПП, были соблюдены лишь в 2011 году, и то частично. Следовательно, можно полагать, что «нормативная база, без сомнения, предоставляла администрации больницы необходимые средства для лечения А.Ж. с учетом возможных медицинских и психиатрических потребностей последнего»⁴ только при очень неправильном прочтении повторяющихся рекомендаций ЕКПП в адрес властей Португалии. Более того, довод о том, что Закон о психиатрической помощи предусматривал возможность недобровольной госпитализации и, таким образом, отвечал возможным медицинским и психиатрическим нуждам А.Ж., не отвечает на аргумент заявительницы. Заявительница никогда не утверждала, что ее

¹ См. §§ 78 и 79 настоящего Постановления.

² См. <http://www.sns.gov.pt>

³ См. www.dgs.pt

⁴ См. § 117 настоящего Постановления.

сына нужно было держать взаперти. Скорее, она настаивала на том, что ее сын нуждался не в одной из форм строгого наблюдения, а в специальном режиме ухода за ним вместе с мерами принуждения, которые бы обеспечивали в достаточной степени его потребности в лечении и безопасности¹.

15. По поводу главной проблемы отсутствия руководящих принципов в отношении использования мер принуждения, применимых к добровольным психиатрическим пациентам в 2000 году, проблемы, значение которой было деликатно преуменьшено властями государства-ответчика до того момента, когда был поднят конкретный вопрос в ходе заседания Большой Палаты Европейского Суда, ответ большинства судей поразителен: они не рассматривают это как «недостаток», который привел к нарушению статьи 2 Конвенции, поскольку этот недостаток имеет значение только для целей оценки качества закона по статье 5 Конвенции. По мнению большинства судей, отсутствие задокументированной политики в области использования мер принуждения могло привести к выводу о нарушении статьи 5 Конвенции, но не требовало аналогичного вывода с точки зрения статьи 2 Конвенции, даже когда отсутствие ясной и предсказуемой нормативной основы по поводу использования мер принуждения ставит под угрозу жизнь пациентов с психическими расстройствами, находящихся под контролем государства. Данный довод приводит к алогичному заключению о том, что более важное право (статья 2 Конвенции) заслуживает меньшей защиты, чем менее важное право (статья 5 Конвенции).

16. Однако наиболее поразительная часть настоящего Постановления следует после. В параграфе 120 настоящего Постановления так называемая существующая процедура наблюдения на самом деле является *ab ovo* созданием большинства судей. На тот момент не было правил, регулировавших «процедуру наблюдения». Такой «процедуры наблюдения» не существовало, не говоря уже о «более ограничительной процедуре» или «процедуре действий в чрезвычайных ситуациях», просто потому, что каждое решение врачей и медсестер принималось в режиме *ad hoc*, что ЕКПП недавно подтвердил по итогам визита в Португалию в 2012 году². Параграф 120 настоящего Постановления, как и его источник в разделе о фактах (§ 54) являются изобретательным описанием виртуальной реальности. Аналогичным образом очень натянутым является утверждение большинства судей в § 49 настоящего Постановления о том, что в руководстве пользователя «были изложены» «правила госпитализации пациентов». В реальности в этом документе содержались лишь «полезные сведения, чтобы сделать нахождение

в больнице приятным» (*informações úteis para que se sinta bem neste Hospital*), а именно ряд предназначенных для пациентов практических сведений, не имевших нормативного характера³. У большинства судей, безусловно, есть право на собственное мнение относительно фактов, но не на «собственные факты».

17. Это правда, что в материалах дела медицинский персонал и власти Португалии ссылались на «открытый режим» и «закрытый режим», но ни в одном законе или подзаконном акте не было установлено обязательство государства применять один из этих режимов. Наилучшим подтверждением данного хаотического положения дела является противоречие, о котором сами власти государства-ответчика упоминают в связи с «закрытым режимом» (*regime fechado*). Изначально они утверждали, что в отношении А.Ж. мог быть применен закрытый режим, но этого не произошло, поскольку это не являлось «соответствующим» режимом⁴. Позднее власти государства-ответчика отмечали, что закрытый режим мог применяться только к недобровольно госпитализированным пациентам⁵, но также признали, что А.Ж., поступившему добровольно, «запрещалось покидать здание и переодеваться из пижамы и халата» (*confinado ao respetivo pavilhao, permanecendo vestido com pijama e roupao*) в апреле 2000 года и что только в течение второй и третьей недель нахождения в больнице ему было разрешено покидать корпус в больнице⁶.

18. Изначальное намерение большинства судей ясно и предельно четко изложено в § 122 настоящего Постановления: действуя как суд первой инстанции, большинство судей пришли к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между «какими-либо предполагаемыми недостатками процедуры действий в чрезвычайных ситуациях и смертью А.Ж.» до того, как приступить к рассмотрению вопроса об оценке *in concreto* наличия «реального и непосредственного риска»⁷ для жизни сына заявительницы и необходимости принятия соответствующих оперативных превентивных мер. Настоящее Постановление могло закончиться здесь. Однако большинство судей доставили заявительнице также боль ознобления со второй частью анализа по материально-правовому аспекту раздела «Право» настоящего Постановления (см. §§ 124–132), где ей пришлось прочесть, что первая неудачная попытка

¹ См. § 88 настоящего Постановления.

² См. выше § 112 доклада ЕКПП за 2012 год.

³ Я цитирую сам документ, который содержится на с. 35 меморандума властей Португалии по делу, представленному Большой Палате Европейского Суда.

⁴ См. § 104 меморандума властей Португалии по делу, представленному Палате Европейского Суда.

⁵ См. § 130 меморандума властей Португалии по делу, представленному Большой Палате Европейского Суда.

⁶ *Ibid.*, §§ 21 и 85.

⁷ См. § 131 настоящего Постановления.

самоубийства ее сына и его тяжелая алкогольная интоксикация накануне второй, удачной попытки самоубийства, не были настолько серьезными, чтобы заслуживать тщательного внимания властей Португалии, и, таким образом, большинство судей смогли умыть руки.

Обязательство по принятию оперативных превентивных мер

19. Большинство судей предлагают применить тест из дела «Осман против Соединенного Королевства»¹ для оценки позитивного обязательства по принятию оперативных превентивных мер. Согласно критериям, выработанным в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства», должна учитываться крайняя уязвимость жертвы². Данный тест был применен в Постановлении Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», которое касалось самоубийства³. В следующем деле об отсутствии гражданского производства, призванного обеспечить привлечение к ответственности и выплату компенсации при наличии аргументированного требования о нарушении статьи 2 Конвенции в связи с самоубийством пациента, добровольно проходившего лечение в психиатрическом учреждении, Европейский Суд пришел к выводу о нарушении статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции⁴. В этом деле Европейский Суд впервые установил позитивное обязательство государства в соответствии со статьей 2 Конвенции по принятию превентивных оперативных мер в отношении добровольных пациентов психиатрических учреждений, представляющих риск совершения самоубийства.

20. Большинство судей не только подтверждают данное позитивное обязательство, но и говорят о его применении также в случае принудительной госпитализации в том смысле, что «Европейский

Суд может применять более строгий подход» к оценке выполнения государством обязательства по принятию разумных мер для предупреждения самоубийства⁵. С другой стороны, это, конечно, означает, что Европейский Суд будет придерживаться политики невмешательства при оценке ситуации добровольных пациентов, в отношении которых существует риск самоубийства. Я не вижу причин для проведения этого различия, а большинство судей даже не потрудились указать одну подобную причину. Такое оправдание должно было быть предоставлено Большой Палатой Европейского Суда хотя бы потому, что данная позиция противоречит единогласному решению Палаты Европейского Суда. В Постановлении Палаты Европейского Суда изложена иная точка зрения, согласно которой с добровольными и недобровольными пациентами следует обращаться одинаково, поскольку:

«независимо от того, имеет ли госпитализация принудительный или добровольный характер, и поскольку добровольный пациент находится под наблюдением сотрудников больницы и получает помощь со стороны ее персонала, обязанности государства должны быть одинаковыми. Иной подход означал бы, что пациенты, проходящие лечение добровольно, лишаются защиты статьи 2 Конвенции»⁶.

21. Довод о том, что появляется тенденция лечить пациентов с психическими расстройствами в «открытом режиме», не является решающим⁷. Во-первых, он показывает только одну сторону монеты, поскольку существует также и противоположная тенденция усиления обязательств государства в отношении предупреждения самоубийств,

⁵ См. § 124 настоящего Постановления.

⁶ См. Постановление Европейского Суда по делу «Фернандеш де Оливейра против Португалии» (*Fernandes de Oliveira v. Portugal*) от 28 марта 2017 г., жалоба № 78103/14, § 73. Степень уважения к данному решению проявляется также в том, что оно даже не упоминается при обсуждении большинством судей вопросов, затронутых в § 124 настоящего Постановления.

⁷ См. академическую литературу о новой парадигме психиатрической помощи: *Davidson. An international comparison of legal frameworks for supported and substitute decision-making in mental health services* (2016) 44 // *International Journal of Law and Psychiatry*. P. 30–40; *Richardson. Mental Disabilities and the Law: From Substitute to Supported Decision Making?* (2012) // *Current Legal Problems*. P. 1–22; *Richardson. Mental Capacity at the Margin: The Interface between Two Acts* (2010) 18 // *Medical Law Review*. P. 56–77; *Donnelly. Healthcare Decision-Making and the Law* // Cambridge: Cambridge University Press, 2010; *McSherry and Weller* (eds.). *Rethinking Rights-Based Mental Health Laws* // Oxford: Hart Publishing, 2010; *Nuffield Council on Bioethics, Dementia: Ethical Issues*, London: Nuffield Council on Bioethics, 2009; *Maclean. Autonomy, Informed Consent and Medical Law: A Relational Challenge*, Cambridge // Cambridge University Press, 2008; *Fistein and Others. A Comparison of Mental Health Legislation from Diverse Commonwealth Jurisdictions* (2000) 32 // *International Journal of Law and Psychiatry*. P. 147–155; *Mackenzie and Stoljar* (eds.). *Relational Autonomy: Feminist Perspectives on Autonomy, Agency and the Social Self*, New York // Oxford University Press, 2000.

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., жалоба № 23452/94. Я выступал за изменение данного теста при рассмотрении дела «Валиульене против Литвы» (*Valiulienė v. Lithuania*) (Постановление Европейского Суда от 26 марта 2013 г., жалоба № 33234/07) и упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» § 63). В настоящем деле, чтобы не усложнять, я не буду возвращаться к этой дискуссии.

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Ван Колле против Соединенного Королевства» (*Van Colle v. United Kingdom*) от 13 ноября 2012 г., жалоба № 7678/09, § 91.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» (*Keenan v. United Kingdom*) от 3 апреля 2001 г., жалоба № 27229/95.

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Рейнольдс против Соединенного Королевства» (*Reynolds v. United Kingdom*) от 13 марта 2012 г., жалоба № 2694/08.

которую большинство судей абсолютно игнорировали, как я покажу далее¹. В настоящее время проблема заключается именно во взаимодействии между этими двумя противоположными направлениями в международном праве и практике в области здравоохранения, но большинство судей даже не стремились ее рассмотреть.

Более того, как указала в своем особом мнении в Постановлении Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии» судья Юлия Антоанелла Моток, «нельзя приносить в жертву обязанность защищать право на жизнь при попытке соответствовать упомянутой выше недавно появившейся тенденции в сфере здравоохранения»². Право на жизнь превалирует над правом на свободу, особенно когда психопатологическое состояние лица ограничивает его или ее способность к самоопределению. Утверждение о том, что государство должно предоставить уязвимым пациентам со склонностью к суицидам в государственных психиатрических больницах свободу покончить с жизнью только для того, чтобы соблюдать право пациентов на свободу, является не чем иным, как лицемерием. В итоге реальные мотивы большинства судей заключаются не в заботе о большей или меньшей свободе пациентов государственных психиатрических больниц, а в чисто финансовом интересе ограждения руководителей больниц от оспаривания «чрезмерно ограничительных мер»³, учитывая «необходимость выбора оперативных действий в зависимости от приоритетов и ресур-

сов при предоставлении медицинской помощи и других услуг в государственных учреждениях»⁴. В результате это отражает скрытую политику снятия с себя обязательств в области социального обеспечения с целью сделать услуги в области здравоохранения максимально удобными и, прежде всего, защитить медицинских работников путем создания вокруг них неприкасаемого правового пузыря, освобождая государство от ответственности за смерть или серьезный ущерб здоровью, связанные с системой здравоохранения и больницами, и тем самым ограничивая юрисдикцию Европейского Суда в этой области. Иными словами, настоящее Постановление вписывается в точно такую же идеологическую повестку, как и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии»⁵.

22. Как признало большинство судей, А.Ж. был особенно уязвимым лицом⁶. Несколько факторов, указывавших на его крайнюю уязвимость, с очевидностью усиливали непосредственность и предсказуемость его самоубийства, в частности, и прежде всего, тот факт, что А.Ж. пытался совершить самоубийство незадолго до этого. 1 сентября 1999 г. в «истории болезни»⁷ А.Ж. отмечалась «вероятность посягательства на его физическую и психологическую неприкосновенность ввиду лишения алкоголя». Как указал заместитель генерального адвоката при Верховном суде Португалии в своем заключении, «История болезни А.Ж. сама по себе содержала упоминания о попытках самоубийства, одна из которых имела место за 25 дней до этого. Таким образом, было возможно предвидеть их повторение»⁸.

1 апреля 2000 г. сын заявительницы попытался совершить самоубийство⁹. Вот что было записано

⁴ См. § 125 настоящего Постановления.

⁵ См. мое особое мнение в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии», §§ 64, 73 и 74.

⁶ См. § 124 настоящего Постановления, а также Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» (Renolde v. France) от 16 октября 2008 г., жалоба № 5608/05, § 84, в котором лица с психическими расстройствами рассматривались как особенно уязвимая группа лиц.

⁷ Было бы очень натянуто называть кипу неполных, перепутанных, неструктурированных, иногда почти нечитаемых копий, которые власти государства-ответчика представили Европейскому Суду, «историей болезни», но я буду использовать данное выражение для простоты цитирования. Такое хаотическое состояние данной «истории болезни» наглядно отражает качество медицинской помощи, которую получал А.Ж.

⁸ См. § 43 настоящего Постановления.

⁹ По мнению ВОЗ, «каждому самоубийству может, по всей вероятности, предшествовать более 20 попыток покончить с жизнью. Совершение одного или более действий по совершению самоубийства или причинению себе вреда является единственным важным предвестником смерти в результате самоубийства... Степень, в которой о таких случаях извест-

¹ Стандарты, на которые я ссылаюсь, были установлены в следующих документах: «Практическое руководство для установления и поддержания систем наблюдения за попытками самоубийства и причинения себе вреда» (*Practice manual for establishing and maintaining surveillance systems for suicide attempts and self-harm*), Женева, ВОЗ, 2016 год; «Предупреждение самоубийств: общая цель» (*Preventing suicide: a global imperative*), Женева, Всемирная организация здравоохранения, 2014 год; План действий в области психиатрической помощи на 2013–2020 годы (*Mental Health Action Plan 2013–2020*), Женева, ВОЗ, 2013 год; «Предупреждение самоубийств, источник информации для терапевтов» (*Preventing suicide, a resource for general physicians*), Всемирная организация здравоохранения, 2000 год (с точными указаниями относительно ведения пациентов); «Предупреждение самоубийств, источник информации для работников сферы оказания первичной медицинской помощи» (*Preventing suicide, a resource for primary health care workers*), ВОЗ, 2000 год (с точными указаниями относительно ведения суицидальных пациентов); «Первичное предупреждение психических, неврологических и психосоциальных расстройств». «Глава 4: Самоубийство» (*Primary prevention of mental, neurological and psychosocial disorders. Chapter 4: Suicide*), ВОЗ, 1998 год; «Предупреждение самоубийств: руководящие принципы для формулирования и имплементации государственных стратегий» (*Prevention of suicide: guidelines for the formulation and implementation of national strategies*), Нью-Йорк, ООН, 1996 год.

² См. особое мнение судьи Юлии Антоанеллы Моток в Постановлении Европейского Суда по делу «Хиллер против Австрии» (Hiller v. Austria) от 22 ноября 2016 г., жалоба № 1967/14.

³ См. § 121 настоящего Постановления.

в его истории болезни в день после попытки самоубийства: он «чувствует, что его жизнь более не имеет смысла, он чувствует себя маргиналом и не способным реализовать какой-либо проект в жизни, поэтому предпочитает умереть, что он и попытался сделать»¹. Сын заявительницы явно «предпочитал умереть», поскольку считал себя «маргиналом и неспособным к чему-либо» (*marginalizado e sem poder*). Фактически А.Ж. несколько раз высказывал мысли о глубокой безнадежности своего положения, особенно после невозможности получить работу водителем грузовых автомобилей, что привело к попытке самоубийства².

В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» промежуток между двумя попытками самоубийства, последняя из которых была удачной, составляла 18 дней³. В случае А.Ж. промежуток составлял 26 дней, с эпизодом причинения серьезного вреда своему здоровью в течение этого промежутка, то есть за два дня до самоубийства. Ввиду сделанного в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции» вывода о том, что риск был реальным и что позитивное обязательство по принятию превентивных оперативных мер должно действовать независимо от того, что его «состояние и непосредственность риска новой попытки самоубийства менялись»⁴,

но, подобна айсбергу, где видна только верхушка (самоубийство, попытки самоубийства и причинение себе вреда с последующим попаданием в больницу или в учреждения первоначального ухода), в то время как большинство попыток самоубийства остаются «скрытыми» под поверхностью и остаются неизвестными для органов здравоохранения» («Практическое руководство для установления и поддержания систем наблюдения за попытками самоубийства и причинения себе вреда» (Practice manual for establishing and maintaining surveillance systems for suicide attempts and self-harm), Женева, ВОЗ, 2016 год, с. 6).

¹ См. отметку в истории болезни от 1 апреля 2000 г.

² Согласно данным ВОЗ «индивидуальными ключевыми факторами риска» являются следующие: «предыдущие попытки самоубийства, психические расстройства, наносящее вред здоровью, употребление алкоголя, потеря работы или денег, безнадежность, хроническая боль, история самоубийств в семье, генетические и биологические факторы... Безнадежность как когнитивный аспект психологического функционирования часто используется в качестве индикатора суицидального риска при сочетании с психическими расстройствами или предыдущими попытками самоубийства (113). Три главных аспекта безнадежности относятся к чувствам лица относительно будущего, потере мотивации и ожиданиям. Безнадежность часто может пониматься как наличие мыслей из ряда «лучше никогда не будет» и «я не вижу улучшений» и в большинстве случаев сопровождается депрессией (114)» («Предупреждение самоубийств: общая цель» (Preventing suicide: a global imperative), ВОЗ, Женева, 2014 год, с. 31 и 40).

³ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции», § 86.

⁴ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ренольд против Франции», § 89: «...данный риск был

я спрашиваю себя: почему это было не так в случае А.Ж.?

23. Во-вторых, А.Ж. болел шизофренией и страдал от «глубокой депрессии»⁵. Это было установлено судами Португалии. В первый раз диагноз «шизофрения» был поставлен заявителю уже 6 сентября 1999 г., то есть задолго до первой попытки самоубийства⁶.

В деле «Де Дондер и Де Клиппель против Бельгии»⁷ Европейский Суд рассматривал параноидальную шизофрению как предполагающую высокий и предсказуемый риск самоубийства. В этом деле Европейский Суд пришел к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции даже при отсутствии предшествующей попытки совершения самоубийства, поскольку считал, что, «конечно, непосредственность данного риска было сложно распознать, но данный критерий... не может действовать императивно в случаях самоубийства»⁸. И я снова не могу понять причин, по которым непосредственность риска не стала решающим критерием в бельгийском деле, но была строго учтена в настоящем португальском деле⁹, в котором у пациента наблюдались оба фактора высокого риска, указанные в упомяну-

реальным, и Хоселито Ренольд требовал внимательного наблюдения за ним на случай какого-либо ухудшения». См. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», § 96: «Однако непосредственность риска имела различия. В поведении Марка Кинана наблюдались периоды кажущейся нормальности или, по крайней мере, способности справиться со стрессами. Нельзя сделать вывод о том, что в отношении него существовал непосредственный риск в течение всего периода лишения свободы. Вместе с тем изменения его состояния требовали внимательного наблюдения на случай внезапного ухудшения».

⁵ Не просто «депрессии», как преуменьшено в § 127 настоящего Постановления, а «глубокой депрессии». См. заключение эксперта в ходе производства в административных судах Португалии в § 33 настоящего Постановления.

⁶ См. заключение эксперта в ходе производства в административных судах Португалии в § 33 настоящего Постановления. Как указала ВОЗ, «у лиц с психическими расстройствами наблюдается больший процент инвалидности и смертности. Например, у лиц с глубокой депрессией и шизофренией на 40–60% в больше шансов на раннюю смерть, чем у остального населения, из-за проблем с физическим здоровьем, которые часто остаются без внимания [такие как, рак, кардиоваскулярные заболевания, диабет и ВИЧ-инфекция]» (План действий в области психиатрической помощи на 2013–2020 годы (Mental Health Action Plan 2013–2020), Женева, Всемирная организация здравоохранения, 2013 год, § 11).

⁷ См. Постановление Европейского Суда по делу «Де Дондер и Де Клиппель против Бельгии» (De Donder and De Clippel v. Belgium) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 8595/06.

⁸ Ibid., § 76.

⁹ Большинство судей даже не уточняют временные рамки, которые они рассматривают применительно к оценке риска «последние дни его жизни» (см. § 128 настоящего Постановления), «предшествующие дни» (ibid.) или «дни, непосредственно предшествовавшие самоубийству» (см. § 129 настоящего Постановления)? Каковы соответствующие для этой цели временные рамки?

тых выше делах «Ренольд против Франции» и «Де Дондер и Де Клиппель против Бельгии».

Вышеизложенного было бы достаточно для появления закономерных вопросов о том, проводит ли Европейский Суд дискриминацию между пациентами первого и второго классов, поскольку нет никакого обоснования для такого различного обращения с А.Ж. и с бельгийским, и французским пациентами. Данный вопрос, очевидно, не риторический и является еще более актуальным ввиду следующих доводов, которые свидетельствуют о том, что А.Ж. был причинен ущерб, который не был возмещен.

24. В-третьих, суды Португалии пришли к выводу, что самоубийство не было предсказуемым, поскольку А.Ж. не был надлежащим образом поставлен диагноз. Иными словами, отсутствие своевременного и соответствующего диагноза, поставленного компетентными государственными органами, служит оправданием для того, чтобы государство не могло предвидеть риск самоубийства. Это типичная ситуация из романа «Уловка-22», при которой государство использует свое собственное упущение, чтобы оправдать причиненный им вред. Психиатр А.Ж. (врач А.А.) пугающим образом оправдывалась тем, что она не являлась врачом А.Ж. достаточно долго, чтобы поставить более точный диагноз¹, несмотря на то, что она стала психиатром А.Ж. в декабре 1999 года, за четыре месяца до его самоубийства.

Наиболее обескураживающим является тот факт, что А.Ж. был поставлен диагноз только после его смерти². А.Ж. поставили диагноз «пограничное расстройство личности» лишь после того, как он совершил самоубийство!³ Он был, по словам назначенного судом медицинского эксперта, «конфликтным человеком и легко раздражался... был агрессивен по отношению к своей семье (матери и сестре), выходил из себя без причины и не находясь под влиянием алкоголя... Такая агрессивность иногда оборачивалась против него самого, в его истории болезни упоминаются повторяющиеся попытки самоубийства...»⁴.

24. В-четвертых, А.Ж. имел длительную историю злоупотребления алкоголем и лекарствами. Он совершил самоубийство 27 апреля 2000 г. Вместе с тем 25 апреля 2000 г., двумя днями ранее, у него был типичный «эпизод причинения самому себе вреда» путем злоупотребления алкоголем⁵. Позднее

ни один врач не оценил последствия данного инцидента с точки зрения необходимости усиления наблюдения за А.Ж. Заявителя оставили в состоянии отчаяния, наедине с его «агрессивностью», которая «иногда оборачивалась против него», говоря словами эксперта, назначенного судом.

26. В-пятых, А.Ж. был молодым человеком, а, согласно ВОЗ, «Самоубийство является второй наиболее распространенной причиной смерти молодых людей во всем мире... Более того, молодые и пожилые люди являются возрастными группами, наиболее склонными к суицидальным мыслям и причинению себе вреда»⁶.

меренного причинения вреда самому себе (код ICD-10, таблица 3.1) (например, чрезмерное употребление алкоголя, незаконное употребление лекарств, употребление в пищу пестицидов, нанесение себе резаных или огнестрельных телесных повреждений, попытки утонуть или повеситься), когда очевидно, что причинение себе вреда было преднамеренным» («Практическое руководство для установления и поддержания систем наблюдения за попытками самоубийства и причинения себе вреда», Женева, ВОЗ, 2016 год, с. 33). См. также документ «Программа действий по сокращению разрыва между тем, что срочно необходимо, и тем, что доступно, в области психиатрической помощи. Расширение масштабов для психических и неврологических расстройств, а также расстройств, связанных со злоупотреблением различными веществами» (*Mental Health Gap Action Programme, Scaling up care for mental, neurological, and substance use disorders*), Женева, ВОЗ, 2008 год, с. 29: «Самоубийство является третьей наиболее распространенной причиной смерти по всему миру людей в возрасте от 15 до 34 лет и 13-й наиболее распространенной причиной смерти людей всех возрастов. Около 875 000 человек каждый год умирают в результате самоубийств. Высокие показатели связаны с такими психическими расстройствами, как депрессия и шизофрения, а также злоупотреблением алкоголем и наркотиками». См. также документ «Национальное конфиденциальное расследование самоубийств и убийств, совершенных психически больными лицами. Лучшая забота о пациентах с расстройством личности» (*National Confidential Inquiry into Suicide and Homicide by People with Mental Illness (NCISH), Safer Care for Patients with Personality Disorder*) Манчестер, University of Manchester, 2018): «Большинство пациентов, покончивших с жизнью, до этого причиняли себе вред (146,95%). Последний случай причинения себе вреда произошел в течение недели до самоубийства в 20 случаях (16%), а в 81 случае (70%) – в течение трех месяцев, предшествовавших самоубийству. Повторяющиеся случаи причинения себе вреда были обычными в течение года до самоубийства (77,66%). В большинстве случаев «триггеры» были известны учреждениям (106,98%). Таковыми были алкогольная интоксикация... В ходе последнего периода лечения оценка риска самоубийства, причинения себе вреда и/или насильственного поведения проводилась в 121 случае (88%), формулирование риска – в 91 случае (71%) и план управления риском – в 85 случаях (69%)».

¹ См. показания врача А.А. в приложении.

² См. § 33 настоящего Постановления.

³ См. §§ 11 и 40 настоящего Постановления.

⁴ См. заключение назначенного судом медицинского эксперта от 27 сентября 2006 г. в приложении.

⁵ Согласно утверждению ВОЗ «На основании определения применяются следующие критерии (то есть всё нижеизложенное считается случаями преднамеренного причинения вреда самому себе или попыток самоубийства): все способы предна-

⁶ План действий в области психиатрической помощи на 2013–2020 годы (*Mental Health Action Plan 2013–2020*), Женева, ВОЗ, 2013 год, §§ 11 и 75. См. также «Предупреждение самоубийств: общая цель» (*Preventing suicide: a global imperative*), Женева, ВОЗ, 2014 год, с. 11: «Молодые люди более других затронуты этой проблемой. Сегодня самоубийство является второй наиболее распространенной причиной смерти лиц в возрасте от 15 до 29 лет во всем мире». Согласно Руководящим принципам предупреждения самоубийства Международной ассоциации по предупреждению самоубийств: «Су-

27. Наконец, но, конечно, не в последнюю очередь, А.Ж. был пациентом, по результатам оценки риска которого ему уже был присвоен уровень «GD3» (*Grau de Dependência 3*), что означает «третья степень зависимости», в самой больнице¹. Третья степень зависимости соответствует «потребности в интенсивной или полной помощи при обострении и/или при неотложных ситуациях»². Вторая степень зависимости «соответствует потребности в частичной помощи». В истории болезни после 25 апреля 2000 г. не указана степень зависимости пациента. Это означает, что администрация больницы не осуществляла оценки риска пациента в течение как минимум двух дней, предшествовавших самоубийству³.

Меры, принятые для предупреждения самоубийства пациентов, добровольно госпитализированных в психиатрические учреждения

28. Ввиду вышеизложенного ситуация А.Ж. представляла собой предсказуемый и непосредственный риск самоубийства, а администрация больницы и другие органы здравоохранения знали об этом риске. Однако даже если это было не так, существуют, тем не менее, определенные базовые меры предосторожности, принятия которых следует ожидать. Большинство судей не рассматривали данный вопрос, тем не менее прецедентная практика накладывает на государства такое обязательство с целью минимизации любого потенциального риска причинения вреда самому себе и совершения самоубийства, даже если не установлено, что власти знали или должны были знать о таком риске⁴.

существуют определенные группы лиц, которые особенно подвержены риску суицидального поведения. К ним относятся лица с предшествующей историей попыток самоубийства, лица, зависящие от алкоголя и прочих веществ, молодые мужчины... Многие исследования указывали на то, что в отношении лиц, уже пытавшихся покончить с собой, существует большая вероятность того, что они совершат самоубийство в будущем, чем в отношении других групп... Давно установлено, что зависимость от алкоголя и других веществ сопровождается повышенным риском самоубийства».

¹ См. § 13 настоящего Постановления.

² См., например, отметки в истории болезни от 11 января и от 2 февраля 1993 г. Большинство судей, хотя и знали об этом факте (см. § 13 настоящего Постановления), не пытались учитывать эту информацию при оценке «долгой истории психических проблем» А.Ж. (см. § 130 настоящего Постановления).

³ Большинство судей признали, что во время «последнего периода... лечения в 2000 году» не делались отметки об оценке риска (см. § 13 настоящего Постановления).

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Еремиасова и Печова против Чешской Республики» (*Eremiasova and Pechova v. Czech Republic*) от 16 февраля 2012 г. жалоба № 23944/04, § 110, и Постановление Европейского Суда по делу «Келлер против Российской Федерации» (*Keller v. Russia*) от 17 октября 2013 г., жалоба № 26824/04, § 88.

Хотя большинство судей не сочли необходимым вдаваться в рассуждения по этому поводу⁵, я чувствую, что у меня есть этическое обязательство сделать это из соображений как последовательности прецедентной практики, так и из исчерпывающего характера юридического анализа по делу. Вопрос, на который следует сейчас ответить, заключается в том, были ли принятые оперативные меры достаточными, и ответа на этот вопрос нет, определенно нет, по следующим семи причинам.

29. Во-первых, в Португалии не было и по-прежнему нет нормативной базы в области обязательства государства по защите жизни пациентов с психическими расстройствами, добровольно проходящих лечение в государственных больницах. Законодателем не определены юридические рамки для действий врачей при решении вопроса о том, следует ли госпитализировать пациента в открытом или закрытом режиме либо в изоляторе. Дополнительной ценностью настоящего дела должна была быть возможность побудить власти устранить данный пробел и предоставить медицинским сотрудникам правовую основу для их деятельности.

30. Во-вторых, не было и по-прежнему не предусмотрено соответствующих административных мер по усиленному наблюдению за пациентами, представляющими риск самоубийства. Порядок осуществления такого наблюдения должен быть определен в пределах рамок допустимого для государств усмотрения в сфере регламентации прав человека, но при этом государство должно принимать во внимание, среди прочего, международные стандарты ВОЗ. Согласно стандартам ВОЗ в отношении пациентов с риском самоубийства требуется повышенная бдительность путем использования, например, средств видеонаблюдения или добровольного ношения браслетов либо любых иных IT-средств⁶. IT-наблюдение помогает

⁵ В параграфе 132 настоящего Постановления большинство судей избегают применения второй части теста, разработанного в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства», но на самом деле в предыдущих параграфах большинство судей уже одобрили меры, принятые властями страны (см., например, § 130 настоящего Постановления).

⁶ См. «Практическое руководство для установления и поддержания систем наблюдения для попыток самоубийства и причинения себе вреда» (*Practice manual for establishing and maintaining surveillance systems for suicide attempts and self-harm*), Женева, ВОЗ, 2016 год, с. 6: «Улучшенное наблюдение и контроль за попытками самоубийства и причинения себе вреда являются центральными элементами государственной модели здравоохранения в области предупреждения самоубийств... Однако намерение умереть может быть сложнее установить (и, следовательно, зафиксировать), поскольку в определенных случаях даже сами заинтересованные лица могут быть не уверены в своих намерениях. Следовательно, сконцентрированная на больнице система наблюдения неизбежно позволит увидеть случаи преднамеренного причинения себе вреда с разной степенью суицидального намерения».

выявить и предотвратить плохой уход и следить за соблюдением стандартов в этой области. Оно создает благоприятную обстановку, в которой люди могут быть уверены, что они получают надлежащий уход. IT-наблюдение может применяться только в общих частях помещений, а также при необходимости в спальнях и частных помещениях пациентов. Последний подход требует согласия со стороны пациента. Больницы используют как видимое, так и скрытое оборудование для наблюдения. Надлежащее наблюдение за пациентами обеспечивает быструю реакцию на кризис, что определяет шансы пациента на выживание¹. Таким образом, стандарты ВОЗ требуют не возведения стен и, конечно, не создания сходного с тюремным режимом для людей в такой ситуации, как находил-ся А.Д.².

и различными глубинными причинами, а не только попытки самоубийств с высокой степенью суицидального намерения». Согласно Руководству по вмешательствам в случае психических и неврологических расстройств, а также расстройств, связанных со злоупотреблением различными веществами, в неспециализированной медицинской обстановке» (*Intervention Guide Version 2.0 for mental, neurological and substance use disorders in non-specialized health settings*) Программы действий по сокращению разрыва между тем, что срочно необходимо сделать, и тем, что доступно (*Mental Health Gap Action Programme*) в его второй редакции, Женева ВОЗ, 2016 год, с. 136: «Для всех случаев серьезного с медицинской точки зрения причинения себе вреда или непосредственного риска причинения себе вреда/самоубийства: поместить лицо в безопасную и поддерживающую обстановку в медицинском учреждении. Не оставлять его одного/ее одну».

¹ В новой редакции стандартов ЕКПП от марта 2017 года ЕКПП допускает использование видеонаблюдения как средства принуждения в психиатрических учреждениях для взрослых, но далее отмечает, что «конечно, видеонаблюдение не может подменять собой постоянное присутствие персонала» (СРТ/Inf(2017)6). В Соединенном Королевстве независимым регулирующим органом является Комиссия по качеству медицинской помощи. Она регулирует предоставление медицинской помощи в Соединенном Королевстве и разрабатывает руководства для медицинских учреждений и общественности по поводу использования наблюдения в таких учреждениях, как больницы и дома социального обеспечения. См. «Использование наблюдения. Информация для медицинских и социальных учреждений об использовании наблюдения для контроля над услугами» (*Using surveillance. Information for providers of health and social care on using surveillance to monitor services*), декабрь 2014 года (обновлено с новыми инструкциями в июне 2015 года): «При некоторых обстоятельствах системы наблюдения могут использоваться для целей, которые охватываются определением “лишение свободы”, например, использование записывающих устройств CCTV или RFID для контроля за местонахождением лица для того, чтобы помешать ему/ей покинуть помещение. Если установленная цель использования наблюдения может привести к ограничению или лишению свободы, необходимо проявлять особую внимательность при проведении консультаций с заинтересованными лицами и ознакомлении с соответствующими руководствами. Это является дополнением к обычным соображениям по поводу использования наблюдения».

² В отношении предупреждения самоубийств и мер принуждения, включая изоляцию и видеонаблюдение за пациентами,

см.: *Dasic and Others. Improving patient safety in hospitals through usage of cloud supported video surveillance* (2017) 5 (2) // *Macedonian Journal of Medical Sciences* 101: «Безопасность пациентов приобретает все большее значение и может быть улучшена путем использования лидирующих централизованных систем наблюдения, позволяющих персоналу более фокусироваться на лечение пациентов, а не на отслеживании потенциальных инцидентов»; *Stolovy and Others. Video surveillance in mental health facilities: is it ethical?* (2015) 17 // *Israel Medical Association Journal*. P. 274–276: «Персонал и пациенты относятся к наблюдению положительно, и с момента установки камер не было озвучено каких-либо жалоб по поводу их использования. Более того, несоблюдение установленных правил не привело к усугублению параноидальных симптомов, как раз наоборот, пациенты рассматривают наблюдения как гарантию...»; *Carroll and Others. Hospital management of self-harm patients and risk of repetition: systematic review and meta-analysis* (2014) // *Journal of Affective Disorders*. P. 476–483; *Richardson. Mental capacity in the shadow of suicide: What can the law do?* (2013) 9 // *International Journal of Law in Context*. P. 87–105; *Frank. Videüberwachung in der Psychiatrie – Pro, kontra, Video surveillance in psychiatric hospitals-pro and contra* (2013) 40 // *Psychiatrisches Praxis*. P. 117–119: «Существует много аргументов против запрета it-наблюдения в психиатрических больницах и мало против возможности использования таких средств»; *Salzmann and Others. Panoptic power and mental health nursing-space and surveillance in relation to staff, patients, and neutral spaces* (2012) 33(8) // *Issues Mental Health Nursing*. P. 500–504: «Большая часть пространства в психиатрических учреждениях обеспечивает видимость, в рамках которой за пациентом постоянно наблюдают»; *Mullender. Involuntary Medical Treatment, Incapacity and Respect* (2011) 127 // *Law Quarterly Review* 167–171; *David and Others. Mentally Disordered or Lacking Capacity? Lessons for Management of Serious Deliberate Self Harm* (2010) // *British Medical Journal* 341. P. 44–89; *Desai. The new stars of CCTV: what is the purpose of monitoring patients in communal areas of psychiatric hospital wards, bedrooms and seclusion rooms?* (2009) 6 // *Diversity and Equality in Health Care*. P. 45–53: «Использование CCTV-камер позволило не только лучше выявлять факторы риска при контроле за пациентами во дворе, но также получить видеозаписи для образовательных целей. См., например, *Chambers and Gillard* (2005), которые установили, что сохранение записей инцидентов сделало возможной последующую оценку, которая могла быть использована для образовательных целей, особенно при распознавании предпосылок эпизодов насилия и при предупреждении самоубийств. Персонал больницы полагал, что записи представляли собой более точное и, следовательно, объективное отображение инцидентов»; *Appelbaum. Commentary: the use of restraint and seclusion in correctional mental health* (2007) 35 (4) // *Journal of the American Academy of Psychiatry Law*. P. 431–435; *Kennedy. Electronic surveillance in hospitals: A review*, Edith Cowan University, Perth, 2006: «Выгода от электронного наблюдения за здоровьем пациента значительна, но жизненно необходимо, чтобы его последствия для частной жизни лица не нивелировались стремлением достигнуть безопасности для всего общества»; *Smith and Others. Pennsylvania State Hospital system's seclusion and restraint reduction program* (2005) 56 (9) // *Psychiatric Services*. P. 1115–1122; *Paris, 2004* (18) *Is hospitalization useful for suicidal patients with borderline personality disorder?* (2004) 18 (3) // *Journal of Personality Disorders*. P. 240–247; см. также руководства и литературу о применении принуждения к лицам с психическими проблемами в учреждениях здравоохранения и социального обеспечения на сайте Национального института по уходу и повышению квалификации (*National Institute for Care and Excellence*) <https://www.nice.org.uk/>

31. В конкретном случае больницы «Собрал Сид» пациенты попадают на территорию больницы и за ее пределы без какого-либо контроля. То же происходит и с посторонними лицами, которые могут проходить на территорию больницы и даже в ее корпуса, когда угодно. В 2000 году на всю больницу был всего один охранник, пост которого располагался на пункте въезда автомобилей. В больнице не было постоянного психолога и постоянного отделения неотложной помощи. В случае чрезвычайных ситуаций о них сообщали дежурному врачу, и тот по телефону решал, следует ли доставлять пациента в центральную больницу г. Коимбры. На протяжении нескольких лет с пациентами, которым удалось покинуть территорию больницы, произошло несколько серьезных и даже фатальных случаев¹.

32. А.Ж. поместили в корпус № 8, в котором находился изолятор. В корпусе № 8 содержались пациенты, находившиеся там как добровольно, так и недобровольно². 25 апреля 2000 г. после случая злоупотребления алкоголем к А.Ж. применялся открытый режим, что подтверждается отметкой о том, что он «гулял вокруг здания»³.

33. В-третьих, никто из врачей не оценил серьезность злоупотребления А.Ж. алкоголем 25 апреля, несмотря на то, что он находился в состоянии «неуравновешенности, определенной реакции по отношению к госпитализации, отсутствия функциональной координации и перевозбуждения»⁴. Оправдание, которое дал данному упущению врач Е.Р., заключалось в том, что он «предполагал, что состояние А.Ж. было хорошим, поскольку медсестры не просили его осмотреть пациента» после инцидента 25–26 апреля⁵. Чудесным образом дежурный врач не позаботился о том, чтобы осмотреть суицидального пациента, с которым только что произошел серьезный эпизод злоупотребления алкоголем, потому что его не просили об этом медсестры, как если бы медсестры несли ответственность, которая на самом деле лежала на нем.

34. Ни один врач не рассматривал вопрос о необходимости применения ограничительно-го режима с 25 апреля до момента самоубийства, хотя к А.Ж. уже несколько раз до этого применялся «закрытый режим», и он даже содержался в изоляторе (например, 12 декабря 1999 г. он был «пеме-

щен в изолятор», поскольку он был «перевозбужден и не мог успокоиться». 15 декабря 1999 г. ему было предписано «не покидать здание», 16 декабря 1999 г. ему было предписано «не покидать отделение», 22 декабря 1999 г. заявитель жаловался на то, что хотел выйти из корпуса)⁶. Только 13 апреля заявитель был осмотрен врачом, и произошла «смена терапии», но не было указано, в чем заключалась новая терапия⁷.

35. В-четвертых, в день самоубийства и за день до этого был 16-часовой промежуток времени, когда за А.Ж. не велось какого-либо наблюдения, поскольку в его истории болезни не содержится каких-либо отметок с 26 апреля 16.00 до 27 апреля 8.00. Более того, последние отметки в истории болезни А.Ж., в которых он описывается как «спокойный и склонный к сотрудничеству в начале дежурства» (27 апреля, с 14.00 по 19.00), были добавлены тем же лицом в 8.00, когда уже было известно, что А.Ж. совершил самоубийство!⁸

36. Что еще хуже, также был перерыв длительностью более 24 часов в приеме лекарств перед самоубийством А.Ж., поскольку в последний раз он принимал препараты 26 апреля, с 00.00 по 8.00 (точнее, в 00.39, когда его осматривали в общей больнице г. Коимбры, и в 2.00, когда он вернулся в больницу «Собрал Сид»). Это означает, что ему не выдавались лекарственные препараты 26 апреля после 2.00 вплоть до момента его самоубийства 27 апреля, в 17.37. Посмертная токсикологическая экспертиза, проведенная в отношении А.Ж., показала, что в тот момент он не находился под воздействием препаратов. В экспертном заключении указывалось следующее: «В истории болезни отсутствует детальное описание психопатологического состояния пациента 26 апреля 2000 г.», и «мы не можем ответить более подробно, поскольку нам не был предоставлен доступ к документам, содержащим описание обстоятельств самоубийства»⁹. Также важно отметить, что попытка самоубийства 1 апреля 2000 г. была совершена путем употребления чрезмерного количества алкоголя и лекарственных препаратов. Инцидент злоупотребления алкоголем 25 апреля следовал той же схеме, только на этот раз без таблеток. Несмотря на это, А.Ж. оставили в одиночестве наедине с его тяжелым психическим расстройством. В данном контексте следует отметить, что в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу

¹ См. § 55 настоящего Постановления. Достаточно показательно, что данная информация не была даже принята к сведению большинством судей при оценке обязательства по принятию оперативных превентивных мер.

² См. отчет, представленный суду первой инстанции.

³ См. запись в его истории болезни от 27 апреля, дежурство с 8.00 по 16.00.

⁴ См. запись в его истории болезни от 26 апреля, дежурство с 00.00 по 8.00.

⁵ См. показания врача Е.Р. в приложении и в § 23 настоящего Постановления.

⁶ См. записи в его истории болезни в эти дни.

⁷ *Ibid.*

⁸ В действительности то же лицо отметило подозрение о том, что А.Ж. совершил самоубийство, и его семье следовало прийти за его вещами.

⁹ См. экспертное заключение, датированное 27 сентября 2006 г., составленное по назначению суда первой инстанции (см. § 33 настоящего Постановления), и интервью сестры А.Ж. газете *O Publico* от 29 марта 2017 г.

«Ренольд против Франции» неспособность обеспечить своевременный прием пациентом лекарств была одним из факторов в пользу вывода о том, что по делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции. Почему тот же критерий не применен к португальскому пациенту?

37. В-пятых, власти Португалии упоминали о «медицинском плане, составленном для каждого пациента»¹. В документах, представленных Европейскому Суду, отсутствуют доказательства существования такого «медицинского плана». Большинство судей не зашли настолько далеко, чтобы встать на сторону властей государства-ответчика и по этому вопросу. Они также не согласились с мнением властей Португалии о том, что заявительнице следовало требовать принудительной госпитализации ее сына, если она была убеждена, что ему угрожала опасность. Перекаладывать вину на заявительницу – это недопустимый довод, который к ущербу добавляет еще и позор.

38. В-шестых, сравнивая ситуацию в больнице «Собрал Сид» с другими психиатрическими учреждениями, важно отметить, что в других аналогичных учреждениях в Португалии были установлены либо ограждения, либо IT-системы наблюдения². Также можно было найти психиатрические учреждения с надлежащими индивидуальными медицинскими планами³.

39. В-седьмых, и наконец, довод властей Португалии о том, что после Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу перед властями государства-ответчика оказалась юридическая дилемма выбора между двумя взаимоисключающими международными обязательствами, вытекающими из статьи 2 Конвенции (установить ограждения или ограничить свободу пациентов) и из статьи 14 Конвенции ООН о правах инвалидов (не устанавливая ограждения и не ограничивая свободу передвижения пациентов), в особенности в ее интерпретации Комитетом по правам инвалидов, является, таким образом, ошибочным.

40. Ситуация на международно-правовом уровне, по меньшей мере, сложная, и продолжаются дискуссии по данному вопросу⁴. Комитет по пра-

вам человека не разделяет точку зрения Комитета Конвенции о правах инвалидов, поскольку признает, что недобровольная госпитализация в некоторых случаях может быть оправданной⁵. Аналогичным образом Подкомитет по предупреждению пыток⁶ выразил мнение о том, что лишение свободы может быть оправдано на основании риска причинения вреда другим лицам или самому

самоубийства, как мы полагаем, утверждение Комитета о том, что ни при каких ситуациях нельзя допускать принудительного лечения, является ошибочным... В условиях конфликта между различными правами право на жизнь должно превалировать». «Что, если кто-то слышит голоса, которые говорят ему причинить вред себе или другим?... Мы не можем признать, что полное исключение возможности принудительной госпитализации и лечения будет способствовать защите прав людей с психическими заболеваниями»; *Szumkler and Others. Mental health law and the UN Convention on the rights of persons with disabilities* (2014) 37 // *International Journal of Law and Psychiatry*. P. 245–252: «Очень немногие поддерживают мнение о том, что у государства нет, даже в качестве последнего средства, обязанности защищать тех, кто очевидно неспособен самостоятельно принимать ключевые решения относительно своего лечения»; *Bartlett. The United Nations on the Rights of Persons with Disabilities and Mental Health law* (2012) 75 (5) // *The Modern Law Review*. P. 752–778; *Fennell and Khaliq. Conflicting or Complementary Obligations? The UN Disability Rights Convention and the European Convention on Human Rights and English law* (2011) // *European Human Rights Law Review*. P. 662–674; *Weller. The Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the Social Model of Health: New Perspectives* (2011) // *Journal of Mental Health Law*. P. 74–83; *Lush. Article 12 of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disability* (2011) // *Elder Law Journal*. P. 61–68; *Minkowitz. Abolishing Mental Health Laws to Comply with the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in: McSherry and Weller (eds.). Rethinking Rights-Based Mental Health Laws*, Oxford: Hart Publishing, 2010. P. 151–178; *Bach and Kerzner* (2010). *A New Paradigm for Protecting Autonomy and the Right to Legal Capacity*, Canada: Law Commission of Ontario; *Hale, Mental Health Law*, London: Sweet and Maxwell, 2010; *Lewis. The Expressive, Educational and Proactive Roles of Human Rights: An Analysis of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities in: McSherry and Weller (eds.). Rethinking Rights-Based Mental Health Laws*, Oxford: Hart Publishing, 2010. P. 97–128; *Bartlett. The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the Future of Mental Health Law* (2009) 18 *Psychiatry*. P. 496–498; *Bartlett and Others. Mental Disability and the European Convention on Human Rights*, Leiden: Martinus Nijhoff, 2007; *Lawson. The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities: New Era or False Dawn?* (2007) 34 (2) // *Syracuse Journal of International Law*. P. 563–619; *Hale. The Human Rights Act and Mental Health Law: Has it Helped?* (2007) // *Journal of Mental Health Law*. P. 7–18; *Dhanda. Legal Capacity in the Disability Rights Convention: Stranglehold of the Past or Lodestar for the Future?* (2006) 34 // *Syracuse Journal of International Law and Commerce*. P. 429–462; *Richardson. The European Convention and Mental Health Law in England and Wales: Moving Beyond Process* (2005) 28 // *International Journal of Law and Psychiatry*. P. 127–139.

⁵ Замечание общего порядка № 35 по статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 2014 г., CCPR/C/GC/35.

⁶ Подход к правам лиц, госпитализированных и проходящих лечение без информированного согласия, 26 января 2016 г., CAT/OP/27/2.

¹ См. § 94 настоящего Постановления.

² См. ссылки в упомянутых выше докладах ЕКПП по Португалии.

³ *Ibid.*

⁴ По вопросу толкования ЕКПП соответствующим Комитетом см.: *Loza and Omar. The rights of persons with mental disabilities: is the UN Convention the answer? An Arab perspective* (2017) 14 (3) // *The British Journal of Psychiatry International*. P. 53–55: «В Замечании общего порядка № 12 важные положения о правах человека толкуются узко, при этом удаляясь от достижений медицины и отталкивая семьи во многих культурах»; *Freeman and Others. Reversing hard won victories in the name of human rights: a critique of the General Comment on Article 12 of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities* (2015) // *Lancet Psychiatry*. P. 844–850: «В случае наличия возможности спасти чью-то жизнь от

себе. Несмотря на призывы Центра прав человека в области психиатрии¹, в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин не затронут вопрос о принудительных психиатрических вмешательствах и недобровольной госпитализации².

41. Принципы ООН о защите лиц с психическими расстройствами и улучшении психиатрической помощи от 1991 года предусматривают обстоятельства, при которых допускается недобровольная госпитализация в психиатрическом учреждении. Однако Комиссар ООН по правам человека счел, что данные принципы противоречат подпункту «b» пункта 1 статьи 14 Конвенции о правах инвалидов, и высказался в поддержку абсолютного запрета лишения свободы на основании инвалидности³. Комиссар ООН по правам человека утверждал, что:

«Подпункт “b” пункта 1 статьи 14 Конвенции о правах инвалидов недвусмысленно гласит, что “наличие инвалидности ни в коем случае не [должно становиться] основанием для лишения свободы”. Предложения, сделанные во время разработки текста Конвенции, об ограничении запрета лишения свободы случаями лишения свободы «исключительно» на основании инвалидности были отклонены. В результате незаконное лишение свободы включает ситуации, когда оно основано на комбинации ограничений психических или интеллектуальных возможностей лица и других элементов, таких как опасность, или уход и лечение. Поскольку данные меры частично основаны на инвалидности лица, они должны считаться дискриминационными и нарушающими запрет лишения свободы на основании инвалидности, а также право на свободу наравне с другими, закрепленные в статье 14 Конвенции о правах инвалидов»⁴.

42. Специальный докладчик ООН по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья выступил с критикой изданной Всемирной организацией здравоохранения в 2005 году «Книги ресурсов по вопросу психического здоровья, прав человека и законодательства», поскольку в данном издании допускались некоторые исключения «нор-

мализированного принуждения», но он с осторожностью выразил свое мнение по поводу абсолютного запрета всех форм недобровольных мер в своих докладах Совету ООН по правам человека, признавая, что «их радикальное снижение и возможное исключение – это сложный процесс, который займет немало времени»⁵.

43. В рамках Совета Европы Рекомендация Комитета министров № Rec (2004)10 о защите прав человека и достоинства лиц с психическими расстройствами допускает их недобровольное лишение свободы на основании прецедентной практики Европейского Суда с соответствием с подпунктом «e» пункта 1 статьи 5 Конвенции⁶. Однако Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Дело против правового документа Совета Европы по вопросу принудительных мер в психиатрии»⁷ равняется на Конвенцию о правах инвалидов. Комитет министров Совета Европы в своем ответе⁸ решил придерживаться своей позиции 2004 года.

44. Ясно только одно: практика психиатрических больниц Португалии по госпитализации пациентов в рамках «ограничительного режима» в здании или даже в изоляторе в 2000 году не была (и сегодня не является) основанной на конкретной нормативной базе, определяющей, какие типы режимов могли использоваться, кем и до какого времени, применяя тесты на соразмерность и необходимость. Более того, согласно позиции Комитета Конвенции по правам инвалидов ныне действующий Закон от 24 июля 1998 г. № 36/98 несовместим с Конвенцией ООН по правам инвалидов, поскольку допускает недобровольную госпитализацию лиц с психическими проблемами, не совершивших каких-либо преступлений, причем за рамками какой-либо уголовной процедуры⁹.

45. Проблема совместимости или ее отсутствия между законами страны и вышеупомянутой Конвенции ООН в ее интерпретации Комитетом Конвенции по защите прав инвалидов, а именно абсолютный запрет принудительного лишения свободы на основании ограниченности возможностей лица¹⁰ выходит далеко за пределы настоящего дела. Большинство судей не обсуждают данный юриди-

¹ Комментарии по поводу рабочей версии обновления общей рекомендации № 19 по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принудительные психиатрические вмешательства как насилие в отношении женщин с инвалидностью, 26 сентября 2016 г.

² Общая рекомендация № 35 по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, о насилии по признаку гендерной идентичности в отношении женщин, дополняющей Общую рекомендацию № 19, 26 июля 2017 г., CEDAW/C/GC/35.

³ Верховный комиссар ООН по правам человека, «Забывтые европейцы, забытые права, права лиц, которые содержатся в учреждениях», 2011 год, с. 12–13; заявление Верховного комиссара ООН по правам человека по поводу статьи 14 Конвенции о правах инвалидов, сентябрь 2014 года.

⁴ Ежегодный доклад Верховного комиссара по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, A/HRC/10/49, 26 января 2009 г., §§ 48–49.

⁵ A/HRC/29/33, 2 апреля 2015 г., A/HRC/35/21, 28 марта 2017 г.

⁶ См. § 75 настоящего Постановления.

⁷ Рекомендация ПАСЕ № 2091(2016) от 22 апреля 2016 г., которую большинство судей не приняли во внимание.

⁸ Ответ Комитета министров Совета Европы на Рекомендацию № 2091(2016), принятый 9 ноября 2016 г.

⁹ См. Заключительные замечания Комитета КПИ в первоначальном докладе по Португалии от 30 мая 2016 г., § 33 (b): Комитет просит от государства-участника «исключить... лишение свободы на основании ограниченных возможностей, предусмотренное в законодательстве Португалии о психиатрической помощи».

¹⁰ A/HRC/34/32, §§ 29–33.

ческий вопрос, просто исходя из того, что закрепленный в законодательстве страны подход «соответствует международным стандартам...»¹.

46. В заключение по данному пункту нужно сказать, что дилемма, о которой упомянули власти государства-ответчика, является также ложным доводом, поскольку были и есть средства наблюдения за пациентами психиатрических учреждений, находящимися в зоне риска, помимо возведения ограждений вокруг больницы. Власти Португалии оценивают меры, которые могли быть приняты, бинарным способом (или/или): или полное отсутствие контроля, или стены вокруг больницы. В дополнение к игнорированию существования менее ограничительных альтернатив данный подход не соблюдает надлежащий баланс между конкурирующими интересами: уважение свободы пациентов с суицидальным риском и обязательство государства по защите их жизни.

Качество производства в судах Португалии

47. Качество производства в судах Португалии не соответствовало стандартам Европейского Суда по ряду причин. Во-первых, ни один из судов Португалии не ссылался на Конвенцию, положения которой полностью игнорировали. Ни суд первой инстанции, ни Верховный административный суд Португалии не рассматривали Конвенцию или прецедентную практику Европейского Суда. Ни один из судов Португалии не провел тест на соразмерность в отношении обязательства государства по защите пациентов психиатрических учреждений.

48. В своей апелляционной жалобе в Верховный административный суд Португалии заявительница упоминала об использовании IT-средств наблюдения². Верховный административный суд Португалии не дал ответа на довод заявительницы о возможности использования таких средств. При этом и выразивший особое мнение судья Верховного административного суда, и заместитель генерального адвоката утверждали, что в больнице не был установлен режим с целью усиления наблюдения за А.Ж.³ и не были приняты другие достаточные меры, чтобы предупредить или снизить риск его самоубийства⁴.

¹ См. § 117 настоящего Постановления.

² См. с. 8 постановления Верховного административного суда Португалии.

³ См. с. 4 заключения генерального адвоката.

⁴ Власти Португалии сами ссылались на использование IT-техник наблюдения в своем меморандуме, представленном в Палату Европейского Суда и в Большую Палату Европейского Суда (см. § 125 меморандума властей Португалии, представленного Палате Европейского Суда, и § 17 их заключения, а также § 94 меморандума властей Португалии, представленного Большой Палате Европейского Суда). В своей апелляционной жалобе в Верховный административный суд Португалии заявительница также затронула вопрос об отсутствии

49. Во-вторых, суд Португалии счел установленным, что А.Ж. покинул территорию больницы в 17.00, несмотря на факт наличия противоречивых показаний относительно того, отсутствовал ли А.Ж. уже во время обеда 27 апреля. Свидетельница С.Р. сказала, что А.Ж. отсутствовал во время обеда, тогда как свидетель А.Д. сообщил, что он присутствовал на нем. Наконец, первая свидетельница изменила свои показания очень неохотно («хотя я убеждена, что А.Ж. не было, я не уверена в этом»)⁵. Суд первой инстанции принял данное изменение показаний, не проверив его достоверность.

50. В-третьих, суд Португалии отказался от своего предварительного решения по поводу фактов дела о том, что были другие попытки самоубийства, несмотря на наличие двух свидетелей (матери и сестры погибшего), которые упоминали о других попытках самоубийства⁶. Суд первой инстанции не дал объяснения факту наличия в истории болезни отметки о «многочисленных» попытках самоубийства, он не допросил лицо, которое сделало данную запись, с целью установить, почему и на каком основании она была сделана.

51. В-четвертых, заявительница затронула вопрос о полноте истории болезни перед судом первой инстанции, но последний не счел его относящимся к делу, поскольку заявительница при этом не жаловалась официально на подделку документов⁷. У соответствующего суда Португалии были полномочия по проверке полноты истории болезни, но он не воспользовался ими по формальным основаниям. На самом деле он даже не проанализировал историю болезни, поскольку он полностью игнорировал сделанные в ней записи об оценке риска.

52. В-пятых, суд первой инстанции ссылался на современные стандарты в области психиатрии. Однако это делалось только для пользы государства и в ущерб заявительнице. Это было очень неравнозначное и несбалансированное отражение положения дел в сфере современных стандартов в психиатрии. Суд страны просто проигнорировал стандарты ВОЗ, установленные для государств и соответствующих работников в области предупреждения самоубийств, в особенности в больницах и медицинских учреждениях. Европейский Суд не должен был допустить той же ошибки, но допустил. Европейский Суд не может, с одной стороны, принимать во внимание стандарты ВОЗ относи-

особых мер принуждения или бдительности после инцидента с употреблением большого количества алкоголя и просила добавить данный факт к числу доказанных. Верховный административный суд Португалии решил, что «отсутствуют основания для его добавления к числу фактов» по очень формальной причине, а именно поскольку данный вопрос не был затронут должным образом (см. Постановление Верховного административного суда Португалии, § 2.2(iii), с. 18).

⁵ См. с. 7 первого решения о фактах от 7 января 2010 г.

⁶ См. с. 5 первого решения о фактах от 7 января 2010 г.

⁷ См. с. 10 первого решения о фактах от 7 января 2010 г.

тельно деинституционализации лиц с ограниченными психическими возможностями и, с другой, игнорировать стандарты той же ВОЗ в сфере ответственности государств за предупреждение самоубийств, особенно в психиатрических учреждениях.

53. Суд первой инстанции избрал радикальный минималистский подход невмешательства к обязанности государства по защите жизни пациентов государственных психиатрических учреждений и не последовал сбалансированному подходу Всемирной организации здравоохранения. Фактически суд первой инстанции последовал радикальному мнению, изложенному в экспертном заключении от 27 сентября 2006 г., представленном суду первой инстанции¹. В этом экспертном заключении возможность самоубийства даже расхваливалась! Документ заканчивался хвалебной речью самоубийству как «акту свободы и освобождения». Указав, что «предупреждение самоубийства таких пациентов является невыполнимой задачей», эксперт добавил следующие слова:

«Для многих суицидальных лиц данный момент (самоубийство) является единственным моментом свободы и освобождения. Как можно полностью предупредить его? На самом деле, кто готов отказаться от такого потенциала? Есть много людей, которые сегодня ясно мыслят и счастливы и которые не захотели бы отказаться от такой возможности (самоубийства)»².

Придя к заключению о том, что предупреждение самоубийства таких пациентов, как А.Д., было «невыполнимой задачей»³, Большая Палата Европейского Суда скопировала то же экспертное заключение, в котором содержалось восхваление самоубийства. В том же отчете отмечалось, что «мы не можем ответить более подробно на этот вопрос, поскольку нам не был предоставлен доступ у документации, в которой содержится описание обстоятельств самоубийства». Я сожалею, что совесть Европы на этот раз снова встала на сторону культуры смерти даже при наличии указания на то, что право «принять рациональное решение покончить с жизнью» входит в сферу действия статьи 2 Конвенции⁴.

¹ См. § 33 настоящего Постановления.

² Экспертное заключение процитировано в § 33 решения, но большинство судей Большой Палаты Европейского Суда не сочли необходимым включить данные предложения в этот параграф.

³ См. § 131 настоящего Постановления.

⁴ См. § 124 настоящего Постановления. Апофеозом данной культуры является Постановление Европейского Суда по делу «Гросс против Швейцарии» (Gross v. Switzerland) от 14 мая 2013 г., жалоба № 67810/10, § 60, принятое после Постановления Европейского Суда по делу «Хаас против Швейцарии» (Haas v. Switzerland) от 20 января 2011 г., жалоба № 31322/07, § 51. Поскольку упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гросс против Швейцарии» не вступило в силу, а Большая Палата Европейского Суда 30 сентября 2014 г. объявила о злоупотреблении правом на подачу инди-

54. Верховный административный суд Португалии не исправил ошибки суда первой инстанции. В действительности он даже не обсуждал современные стандарты в области психиатрии. Та часть настоящего Постановления, в которой проводится «анализ доводов апелляционной жалобы», довольно короткая, только три страницы, и в ней Верховный административный суд Португалии автоматически соглашается с судом первой инстанции, приводя длинные цитаты из решения последнего и не добавляя ничего от себя⁵. Здесь нет ни слова о тесте на соразмерность или необходимость, как требуется согласно конституционному праву Португалии в свете статей 18 и 24 Конституции, и по конвенционному праву в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Конвенции.

55. Иными словами, качество производства в судах Португалии оставляет желать лучшего. Нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте выходит далеко за рамки очень ограниченной критики большинства судей⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

56. Подводя итог, можно сказать, что в настоящем деле Европейский Суд снова сделал разочарывающее утверждение по поводу обязательств государств по предоставлению медицинской помощи такой категории уязвимых людей, как пациенты психиатрических учреждений. На основании ошибочной оценки фактов и права и неправильного прочтения прецедентной практики Европейского Суда большинство судей пришли в деле бедного А.Д. к иным выводам, чем в делах Ренольда и Де Дондер, оставив сильное впечатление о применении двойных стандартов. Что еще хуже, односторонний подход большинства судей к международному праву и практике в области здравоохранения оригинален, поскольку они принимают во внимание тренд, который отдает предпочтение свободе пациентов психиатрических учреждений, но забывают соотнести его с противоположным мнением, согласно которому со стороны государства требуется больше усилий для предупреждения самоубийств, особенно среди лиц, находящихся под наблюдением государства, и тем более среди пациентов психиатрических учреждений.

В условиях текущей политической ситуации в Европе настоящее Постановление не может кого-либо удивить. Я надеюсь, что оно однажды будет пересмотрено, когда изменится политическое настроение. Я беспокоюсь только о том, что, между тем, многие пациенты с суицидальным риском неизбежно погибнут, как и А.Д.

видуальной жалобы в данном деле, выводы Палаты Европейского Суда оказались лишены силы.

⁵ См. с. 22–24 постановления, перевод которого содержится в деле.

⁶ См. § 139 настоящего Постановления.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в электронном периодическом издании, принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

© ООО «Развитие правовых систем», 2019

Использование материалов электронного периодического издания «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, опубликованных в издании, являются тексты на французском и английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.